

ИВАНОВ-РАЗУМНИК

ЛИЧНОСТЬ ТВОРЧЕСТВО РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ

Сборник статей по материалам конференции

“Иванов-Разумник (1878–1946).

Личность. Творчество. Роль в культуре”.

Царское Село. 16–17 марта 1996 г.

]

“ГЛАГОЛЬ”
Санкт-Петербург
1996

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Царскосельского фонда развития культуры.

Редактор-составитель *Владимир Григорьевич Белоус*.

*На обложке: портрет Иванова-Разумника.
Рисунок М. Мизернюка ("Мир приключений", 1927 г. № 8).*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории отечественного самосознания были люди, которые оставили яркий след не только и не столько символами собственной веры, сколько экзистенциальным подвигом во имя их исполнения. Литературный критик, историк русской общественной мысли, редактор, публицист, организатор Вольной Философской Ассоциации Разумник Васильевич Иванов (Иванов-Разумник; 1878–1946) — это критик-пророк, максималист-”скиф”, ироник и стоик¹, человек с “мировоззрительным отношением” к литературе и жизни.

9 июня 1996 г. исполнилось 50 лет со дня его кончины. Судьбе Иванова-Разумника, его творчеству и роли в культуре были посвящены Вторые международные чтения, проходившие 16-17 марта в Музее истории Царского Села. Каждая научная конференция имеет свое лицо: если три года назад, в июне 1993 г., в Музее Андрея Белого (Москва) на Первые чтения собрался довольно узкий круг читателей и почитателей Иванова-Разумника, то Вторые чтения уже обрели международный статус. Инициатива “разумниковедов”, поддержанная издательством “Глаголь” (СПб), получила широкий резонанс в научных кругах Петербурга и Москвы и собрала в Городе Муз — где Иванов-Разумник прожил почти 35 лет: с 1907 по 1942 гг. — философов, историков, литературоведов и музейных работников России, Израиля, Японии и США.

В силу различных причин не все приглашенные смогли присхать в Царское Село. Любезные пожелания в адрес чтений пришли от П. Сквайра (Англия) — переводчика воспоминаний Иванова-Разумника “Тюрьмы и ссылки”. Известный литературовед С. С. Лесневский (Москва) прислал телеграмму: “Дорогие друзья! Сердечно поздравляю вас с большим культурным событием — открытием конференции, посвященной творчеству Иванова-Разумника. Сожалею о невозможности присхать. Желаю успеха. Станислав Лесневский”.

Настоящая книга в основном состоит из текстов докладов участников конференции. Кроме того, здесь представлены воспоминания Б. Н. Лосского (Франция), лично встречавшегося с Ивановым-Разумником в петроградской Вольфиле в 1922 г., и Н. Г. Завалишиной (Нижний Тагил) — в 1920-х–1930-х гг. подружки И. Р. Ивановой. К выступлениям добавлены публикации документально-архивных и иллюстративных материалов, свидетельствующие о высоком научном потенциале современного “разумниковедения”.

В соответствии с названием книги, здесь представлены три раздела, охватывающие жизнь Иванова-Разумника: “личность”, “творчество” и его “роль в культуре”. Разумеется, деление это — не более, чем ус-

ловность. Человеческое соединяется с философским, а литературное с политическим — без каких-либо опосредующих символов. Однако в этих “рубриках” отражается духовное наследие человека даже после его физической кончины: в “личности” — событийное; в “творчестве” — художественное и мировоззренческое; в “роли” — значение для современности и вечности.

Этот сборник — первый в отечественной и мировой славистике, персонально посвященный Иванову-Разумнику, и, будем надеяться, не последний. В настоящее время издательство “Глаголь” (при поддержке Российского гуманитарного научного фонда) готовит книгу воспоминаний Иванова-Разумника, куда войдут, помимо известных мемуаров “Тюрьмы и ссылки” и “Писательские судьбы”, документы из архивных “дел” Р. В. Иванова 1919, 1933 и 1941 гг. и воспоминания о нем как активном участнике российской литературной и общественной жизни первой четверти XX столетия.

Хотелось бы поблагодарить Ирину Разумниковну Иванову за постоянный интерес к нашей работе, а также выразить признательность за поддержку издания профессору Мацубара Хироси и руководителям Царско-сельского Фонда развития культуры: Игорю Валерьевичу Гаврюшкину и Игорю Геннадьевичу Лебедеву.

В. Г. Белоус

Примечания

¹ О жизненном и творческом пути Р. В. Иванова-Разумника см.: *Лавров А. В. Иванов-Разумник // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. М., 1992. С. 121–122; Леонтьев Я. В. Р. В. Иванов-Разумник: Библиография // Библиография. 1993. № 3. С. 64–73. Белоус В. Г. “Скифское”, или Трагедия “мировоззрительного отношения” к действительности // Звезда. 1991. № 10. С. 158–166; он же: Испытание духовным максимализмом. О мировоззрении и судьбе Р. В. Иванова-Разумника // Литературное обозрение. 1993. № 5. С. 25–37.*

ЛИЧНОСТЬ

ИВАНОВ-РАЗУМНИК И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ Дореволюционный период

В начале 1900-х гг. Иванов-Разумник дважды подвергался арестам и исключению из университета за участие в антиправительственном студенческом движении. В конце концов дело обернулось административной высылкой из Петербурга в 1902 г. и увольнением из университета “с правом обратного поступления не ранее января 1908”¹. Однако вряд ли он мог знать, что в конце 1903 г. Особый отдел Департамента полиции (далее: ДП) завел на него новое дело. Поводом к этому послужило полученное “агентурным путем” письмо Иванова-Разумника к его шурина Н. Н. Оттенбергу от 13 декабря 1903 г. В деле находится машинописная выписка из перехваченного письма:

“Спешу разяснить историю с деньгами: С. Л.² арестован со своей женой; сидит в предварилке. Только вчера узнал окончательно и получил через третье лицо известие, что денег он не успел отправить. Я бы выслал их тебе сегодня, но я сам уезжаю послезавтра, так что еще застаю тебя в Москве. Извини за эпизод с деньгами; истинный виновник этого — Департамент Полиции, арестовавший брата.

В Петербурге чорт знает что делается: арестов — сотни; шпионов — тысячи. Приходится скорей бежать подобра-поздорову в дебри Новоселки³, пока цел и благополучен.

Выезжаю из Петербурга 15-го. В Москве буду 16-го утром”⁴.

По запросу вице-директора ДП начальник Московского охранного отделения установил, что “адресатом письма Р. Иванова <...> является студент здешнего Сельскохозяйственного Института, сын личного почетного гражданина, Николай Николаев ОТТЕНБЕРГ, 25 лет, который проживал по указанному в письме адресу с 30 Сентября”, но 21 декабря 1903 г. выбыл в Нижний Новгород⁵. Исполняющий должность начальника петербургской охраны сообщил в Особый отдел: «Отделение имеет честь уведомить, что автор письма с подписью “Р. Иванов” <...> есть бывший студент С. Петербургского Университета Разумник Васильев Иванов, 25 л., проживавший в д. № 20, кв. 15, по Чернышеву пер., и выбывший 16 минувшего Декабря в Москву.

Разумник Иванов женат, но с женою не живет; родители же его — отец, служащий конторщиком в Управлении Варшавской железной дороги, дворянин Василий Александров Иванов, 47 л., и мать Александра Иосифа, 45 л., проживают в вышеозначенной квартире <...>

К изложенному Отделение считает долгом присовокупить, что Разумник Иванов, в бытность студентом С. Петербургского Университета, принимал участие в недозволенной сходке, происходившей 5 Февраля 1902 года, за что был уволен из Университета и удален из С. Петербурга. Других же каких-либо неблагоприятных в политическом отношении сведений о нем в делах Отделения не имеется»⁶.

Впоследствии ДП не раз еще обращал внимание на Иванова-Разумника. Действительно, с точки зрения царской полиции, основания для этого имелись. В этой связи наибольший интерес представляют его связи с партией эсеров (ПСР) и ярко выраженная антивоенная позиция во время I Мировой войны.

Вопрос об аутентичности Иванова-Разумника левому народничеству представляется не разрешенным до конца. «Если бы я был партиен, я давно работал бы или в “Русском богатстве”, или в “Современнике”, или в других журналах; — писал он М. Горькому 18(31) января 1912 г., — но в том то и дело, что никто так не далек от партийности, как я. Знаете сказку Киплинга — “Кот, который ходит сам по себе”? Я тоже “хожу сам по себе”»⁷.

Хотя слово “партийность” употреблено здесь явно не в буквальном смысле, важно отметить, что Иванов-Разумник продолжал подчеркивать свою “непартийность” и в дальнейшем (несмотря даже на номинальное избрание в ЦК ПЛСР в апреле 1918 г.) В то же время он не только склонялся к вполне определенному идейному течению, но и выступал в роли инициатора изданий левонароднического направления. Самая ранняя попытка подобного рода была предпринята им еще в середине 1908 г. Об этом свидетельствуют его неопубликованные письма к известному революционеру и публицисту Н. С. Русанову (1859–1939), хранящиеся в Доме Плеханова. В письме от 24 июля 1908 г. Иванов-Разумник сообщал Русанову:

«Многоуважаемый Николай Сергеевич, обращаюсь к Вам от имени небольшой группы лиц со следующего рода делом.

На днях мне пришлось случайно услышать, будто бы Вы намерены с января 1909 г. принять участие в качестве редактора в издании ежемесячного журнала на-паях. Достоверен этот слух или мифичен? Если это миф, то извиняюсь, что передаю Вам необоснованные слухи; если же это факт, то хочу сообщить Вам о подобном же проекте — в том предположении, что, быть может, явится возможность скомбинировать эти два проекта воедино.

Дело в том, что Стасюлевич⁸ прекращает “Вестн. Евр.” и хочет продать его (за 20 000 р.). Вместо того, чтобы издавать новый журнал, гораздо выгоднее сохранить старую форму, изменив направление. Здесь у нас

идут разговоры о покупке на-паях “Вестн. Евр.” и продолжения его в *левонародническом* (выделено мною.— *Я. Л.*) духе (поскольку такой “дух” возможен по нынешним временам). Если бы Вы стали главным редактором этого журнала, то, несомненно, и подбор сотрудников и направление журнала было бы вполне определенное.

Предполагается, что журнал будет в 25 п. л. ежемесячно, причем основным отделом журнала, его *rière de résistance*⁹ будет отдел литературной и художественной критики, “литературы и жизни”, историко-литературных и исторических статей <...>

Но все это пока только предположение. Я толковал обо всем этом с М. К. Лемке¹⁰ и он, по-видимому, склонен считать такое предприятие устойчивым, твердым и способным к развитию. Также оптимистически смотрит на дело и один из предполагаемых пайщиков — Е. Д. Максимов¹¹, вероятно известный Вам как “М. Слобожанин”.

Итак, если тот слух, с которого я начал это письмо — не миф, то быть может Вы не откажете сообщить Ваше отношение к только что изложенной комбинации? Конечно, письменно сговориться трудно; лучше было бы переговорить обо всем этом лично, после Вашего возвращения в СПб. Поэтому я на этом пока кончаю свое письмо, откладывая подробный разговор до личного свидания <...>

Остаюсь искренно уважающий Вас

Р. Иванов»¹².

Письмо, от 16 августа 1908 г. объясняет, почему из этого проекта ничего на вышло:

«Многоуважаемый Николай Сергеевич,

Ваше письмо выяснило положение дела: раз слухи о собираемой Вами “компании на акциях” для издания ежемесячного журнала оказались апокрифическими, то, разумеется, наших капиталов слишком мало для покупки “Вестника Европы”. Нас здесь было всего три человека, которые в общей сложности могли вложить в дело от 7 до 10 тысяч рублей; как некоторый + к чему-нибудь эта сумма могла бы иметь значение, но сама по себе она, конечно, ничтожна для начала большого журнального дела.

Вы видите отсюда, что Вам нет причин ускорять ради этого дела свой отъезд в СПб. Но если бы Вы по возвращении в Петербург пожелали поговорить об этом деле, то я всегда к Вашим услугам. Само по себе разумеется, что независимо от этого дела я всегда буду искренно рад видеть Вас и выразить Вам те чувства идейной симпатии (выделено мною.— *Я. Л.*), о которых Вы мне пишете.

Крепко жму Вашу руку и остаюсь искренно уважающий Вас

Р. Иванов»¹³.

В 1911 г. уже сам Русанов, по просьбе лидера эсеров В. М. Чернова, попытался привлечь Иванова-Разумника к сотрудничеству в реформируемом “Современнике”. Перед этим Чернов написал Русанову: “Вы, кажется, лично знакомы с Ивановым-Разумником. Мне бы хотелось, чтобы он у нас постоянно работал. Расскажите ему, пожалуйста, про все наши планы и про создавшееся положение. Моя мечта — создавать разнообразный хор, и вести журнал актуальный, боевой, охватывающий все сферы идеологии, но везде стремящийся к живости, к смелому размаху, говорящий громко. Я стою за проповедь единства, но не посредством смазывания, а посредством нетерпимой борьбы против разъединяющего сектантства и сужения нашей идеологии или наших задач. И я верю, что это дело нам так же удастся, как удалась когда-то газета”¹⁴.

На обращение Русанова Иванов-Разумник ответил в письме от 15 июля 1911 г.: «Вчера я был в Царском С., получил Ваши два письма, узнал из них Ваш чисто-российский адрес (пресимпатичный!)¹⁵ — и спешу ответить Вам на передаваемое Вами приглашение, за которое весьма благодарен реформаторам “Современника”.

Ответ мой на первую часть приглашения очевиден: раз в новом журнале принимают участие Вы, Чернов, Горький — то этого слишком достаточно для меня, чтобы с удовольствием дать новой редакции согласие “проставить имя в числе постоянных сотрудников”. Что же касается до “деятельного участия в литературно-критическом отделе”, то вообще говоря я очень склонен к подобного рода журнальной деятельности и думаю, что раньше или позже мне удастся ее осуществить. В частности же, говоря о “Современнике” — все это зависит прежде всего от того, насколько мои литературно-художественные взгляды и симпатии подходят к реформированному журналу. В “Современнике” первой половины этого года я был не ко двору. К тому же, если бы мне пришлось работать в каком-либо журнале, то я бы принимал в нем или очень близкое участие, или никакого. Таким образом на вторую часть приглашения я мог бы ответить только после подробного обмена мнений с лицами, реформирующими ныне “Современник”¹⁶. От них я письма еще не получал.

Между нами говоря — зачем “реформировать” уже испорченное дело? Не лучше было бы начать с нового года новый журнал — т. е. вместо “реформ” произвести “революцию”: уничтожить старое и начать новое? Мне это представляется более целесообразным»¹⁷.

В приведенных отрывках из писем В. М. Чернова и Иванова-Разумника уже четко означены программные установки, реализованные позднее в журнале “Заветы”. Но до того у Иванова-Разумника возник новый план издания собственного журнала. В неопубликованных мемуарах

С. П. Постникова “Мои литературные воспоминания” говорится: «Когда я приехал к нему с предложением постоянного сотрудничества в “Заветах” в качестве критика, принял он меня очень любезно, расспрашивал о нашем плане издания, но сотрудничать пока отказался. Он сам, с какой-то литературной компанией, подготовлял издание журнала и даже сообщил мне будущее название журнала — “Творчество”. Вот если этот журнал не осуществится, то он обещал, после летней своей заграничной поездки, принять участие в нашем деле. Это потом так и вышло. Журнал его не появился на свет, и он стал у нас работать с седьмого номера, с октября месяца»¹⁸.

В конце 1911 и в начале 1912 г. Иванов-Разумник и художник А. Н. Бенуа, с одной стороны, и издательство “Шиповник”, с другой, — вели переговоры об издании ежемесячного художественного, литературного и критического журнала. По словам Иванова-Разумника, «ближайшее участие в литературном отделе должны были принимать Леонид Андреев, А. А. Блок, А. М. Ремизов, в отделе художественном — К. С. Петров-Водкин и группа “левых мирискусников”, имея “теоретиком” Конст. Эрберга. К участию в этом начинании Иванов-Разумник привлек также близких друзей — А. Н. Римского-Корсакова и М. М. Пришвина.

Не вдаваясь в подробности этих комбинаций, важно констатировать главное: настойчивое стремление эсеров заполучить Иванова-Разумника в сотрудники и его готовность к этому шагу. Вернувшись из поездки в Германию, в шестом номере журнала “Заветы”, начавшегося весной 1912 г., он опубликовал статью “Человек и культура. (Дорожные мысли и впечатления)”, подписанную *Скиф*. Затем он становится одним из редакторов этого журнала, с которого и начинается собственно левонародническая периодика.

Начиная с 1910 г., Иванов-Разумник вновь попадает в поле зрения ДП в связи с его перепиской с заграничными эсерами. После начала его работы в “Заветах” и особенно после прекращения журнала наряду с другими оппозиционными изданиями он уже прочно “висел на крючке” у полиции. Так, благодаря перлюстрации в ДП оказался текст его заказного письма от 18 июля 1914 г., адресованного редактору “Русских ведомостей”, двоюродному брату М. М. Пришвина Илье Николаевичу Игнатову (1856–1921). В скопированном тексте была тщательно сведена подпись “Р. Иванов”. В послании говорилось:

«Я вышлю вам на днях нечто, подходящее даже “для законов военного времени”. Ах, если бы хоть где-нибудь можно было напечатать теперь, во время политического угара, статью, переносящую вопрос на социальную почву! Да и не грубо марксистскую, а только подлинно социалистическую! В Петербурге нельзя — чрезвычайная охрана...

В Петербурге — гнусные времена. На три четверти все манифестации — хулиганские, а что еще хуже, так это заражение рабочей среды националистическим духом. Мыльными пузырями разлетелись все успехи рабочей организации; впереди — новый громадный труд.

По поводу войны, имею вам передать некое предложение. У вас вероятно есть военные обозреватели; если найдется место еще для одного, то вот он кто (открываю все псевдонимы): библиотекарь Николаевской Военной Академии Сергей Дмитриевич Масловский¹⁹, он же “С. Мстиславский” из Заветов. Он ведет военные обозрения в “Дне” (“С. Дмитриев”), типа ночных заметок о ночных телеграммах; у вас он охотно давал бы раза два, три в неделю обобщающие статьи о событиях войны.

Если он вам полезен, то адрес его: С. Петербург, Суворовский пр., д. 32.

Если Петербург будет взят немцами, буду писать вам “Петербургские письма” ...»²⁰.

Согласно служебной отметке, копия с этого письма была предоставлена и петербургскому градоначальнику. Вероятно вследствие этого на его переписку было обращено специальное внимание. В результате в архиве ДП отложились копии нескольких других писем Иванова-Разумника. В письме к И. Н. Игнатову от 3 августа 1914 г. он сообщал: «Посылаю Вам сегодня статью для “Откликов жизни”, под заглавием “Соленое пиво”²¹, и имею сделать Вам следующую декларацию (я заразился высоким штилем последних дней). Именно:

1) Статья эта *вполне* цензурная; но если вы хотите вычеркнуть в ней что-либо по цензурным соображениям (или хотя бы по другим — по соображениям “личных отношений”) — то действуйте.

2) Если статья эта по духу подходит “Р. В.”, и если вы хотели бы и впредь получать подобные, то, быть может, следует поместить ее как-нибудь вроде в роде “Статья первая”, или “Письмо первое”, или “Петербургские письма” и т. п., так как ряд подобных статей на подобные темы у меня уже есть.

3) Если мы расходимся с Вами “по направлению” текущего момента, то, пожалуйста, верните мне поскорее статью *заказной бандеролью* (СПб., Пушкинская, 10), — у меня нет черновика.

Но вот и все. А все-таки *ceterum censeo*²², что сказать подобное тому, что сказано в моей статье — самое время для независимой печати. Конечно, Вильгельм II не заслуживает снисхождения, но, ведь от этого и наша патриотическая вакханалия не становится “приемлемее” и приличнее.

Крепко жму руку»²³.

Спустя некоторое время, когда Иванов-Разумник вновь возобновил письменные сношения с И. Н. Игнатовым, его личностью заинтересовалась московская и петроградская охранки одновременно. В данном слу-

чае их внимание привлекло письмо от 10 марта 1915 г. Оно было в свое время опубликовано Г. И. Лурье в журнале “Каторга и ссылка”, поэтому приводим только его фрагменты: «Вы знаете, что прекращение “Заветов” было для меня скорее “литературным” кризисом, чем “финансовым”, совсем наоборот прекращение “Сирина”, редакторство которого давало мне за последние два года возможность существования. Теперь мне надо “искать работы”, и при том не случайной, а постоянной, и конечно, прежде всего, я подумал о “Русских Ведомостях”. Конечно, вы правы, трудностей много, даже больше, чем вы перечисляете. Цензурное Кавдинское ущелье — раз, полное расхождение с “Русскими Ведомостями” по ряду основных, социально политических вопросов — два (т. е. значит, опять-таки цензура, на этот раз редакторская). Но все-таки я думаю, что выход есть довольно простой: не писать ничего, что может быть зачеркнуто любой из двух цензур. Это сильно сокращает “объем” тем, но все-таки их еще немалое количество <...> Кстати, надо иметь в виду одно затруднение. Я так устал от всех “переживаний” этой зимы, от почти всеобщего озверения, от эпидемии национализма, от всех торжествующих Петров Струве, что уеду как можно раньше весной в деревню до сентября. Иначе говоря, четыре месяца я смогу исполнять свои обещания перед “Р. В.” лишь в половинном размере. Если бы редакция в виду этого пожелала отложить переговоры со мною, то черкните мне. Я бы тогда стал соображать, что делать. Планы есть всякие, да времена-то теперь такие, что загадывать надолго вперед не приходится. Ибо из двух известных пословиц теперь самое время составить третью “человек предполагает, а свинья съест”²⁴.

Начальник Петроградского охранного отделения доложил по факту этой перлюстрации в ДП: «Во исполнение предложения Департамента Полиции от 27 марта <...> и в дополнение к представлению начальника Московского Охранного Отделения от 23 апреля 1915 года <...> доношу, что, как выяснено, упомянутым в секретном документа <...> является дворянин Разумник Васильевич ИВАНОВ, 36 лет, по профессии литератор, проживающий с 1909 года в г. Царском Селе в доме № 20, кв. 2, по Колпинской улице, вместе с семьей по паспортной книжке Симферопольского Городского Полицейского управления от 4 декабря 1912 года за № 196.

Иванов сотрудничал в местном легальном с.-р. журнале “Заветы”, издание коего по ходатайству приостановлено 5 сентября 1914 года <...> и кроме того около 3 лет состоял заведующим книгоиздательством “Сирин”, принадлежавшим сахарозаводчику Терещенко²⁵, помещавшимся в доме № 10, по Пушкинской улице, 28 января сего года издательство это передано книжному складу Стасюлевича, помещающемуся в доме № 28, по 5 линии В. О.»²⁶

“Бегство” в деревню, как выяснилось, не могло сокрыть Иванова-Разумника от бдительного ока полиции. В архиве ДП хранится копия перехваченного письма от 9 июня 1915 г., посланного Ю. К. Балтрушайтису (заведовавшему стихотворным отделом в “Заветах”) в Одессу, отправленного со ст. Солыцы Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги. Иванов-Разумник писал: «Рад был услышать ваш отклик и узнать, что вы бодры, работаете, силами запасаетесь. Так и я живу. Чувствуется, что впереди предстоит всем нам много бурного, к чему надо подготовиться и на что надо сил запастись. Я это не о войне говорю, а о том, что за войной. Да, “прав Сизиф и прав Икар”, — нет бесплодного труда и нет бесплодного дерзновения. А все-таки тяжело тем, которые теперь снова должны катить в гору сорвавшийся камень. Сразу рухнуло многое, что казалось достигаемым и снова отодвинуто то, что уже смутно маячило в отдалении. Снова долгий и тяжелый путь. А теперь праздник — на улице московских “мистиков”. Хоть и друзья они ваши, но с негодованием слышал я о деятельности Вячеславо-Ивановской компании»²⁷.

Позиция самого Иванова-Разумника в отношении войны была предопределена с первых ее дней. Он напечатал на гектографе антивоенную статью “Испытание огнем” и распространял ее среди знакомых. С рефератом статьи он также выступил в салоне Ф. К. Сологуба. “Из возражавших ему, — вспоминал С. П. Постников, — я помню Г. Чулкова и П. Н. Милокова. Последний выступил с защитой английского империализма как более приемлемого для России, чем угрожающий немецкий империализм”²⁸. Другой видный эсер — Н. В. Святицкий констатировал: “Что касается народнической интеллигенции в Петрограде, то она в начале войны была почти сплошь заражена патриотизмом и шовинизмом. Один только Р. В. Иванов-Разумник резко выступил в эти дни против войны, но его голос звучал в пустыне. Основным тоном, определившим настроение народничества, была речь Керенского, произнесенная им в торжественном заседании Государственной Думы, когда она голосовала за военные кредиты”²⁹.

Единомышленник Иванова-Разумника В. М. Чернов писал Русанову: «В начал войны я, право, даже не знал, можно ли где-нибудь будет писать, найдется ли место, где преклонить голову. Ив.-Разумник подал было в ряде писем надежду на основание чего-нибудь вроде “Заветов” да потом — увы! безнадежно замолк»³⁰. Известно, что первая попытка Иванова-Разумника, А. И. Иванчина-Писарева и Мстиславского нелегально выпустить сборник антивоенных статей провалилась. Однако к 1916 г. С. П. Постникову удалось достать деньги. Так родилась идея альманаха “Скифы”. В январе 1917 г. на квартире у Мстиславского состоялось организационное собрание “скифской” группы, в котором приняли учас-

тие В. Н. Фигнер, Ремизов, по-видимому, А. Белый и другие авторы. Одновременно с этим, левонастроенные петроградские эсеры (П. Александрович, Н. Святицкий) в начале января договорились о подготовке нелегального журнала “Знамя революции”, сотрудничать в котором было решено пригласить и Иванова-Разумника... Но начавшаяся революция внесла свои коррективы в их планы.

Примечания

¹ См.: *Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки* (“По тюрьмам на родине”) / Публ. В. Г. Белоуса // Мера. 1994. №.1. С. 150–163; *Лавров А. В. Иванов-Разумник // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 385.*

² Очевидно, имеется в виду кузен Иванова-Разумника Александр Александрович Лекаст. О нем см.: Мера. 1994. №. 1. С. 155; 189.

³ Имение семьи Оттенбергов в Юрьев-Польском уезде Владимирской губернии, от названия которого был взят один из псевдонимов Иванова-Разумника — Р. Новосельский.

⁴ ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции). 1903. Д. 2114. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 4–4 об.

⁶ Там же. Л. 5–6.

⁷ Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. С. 716.

⁸ Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) — историк, общественный деятель, публицист либерального направления. С 1866 г. издавал и редактировал популярный журнал “Вестник Европы”. В принадлежавшем ему издательстве был выпущен ряд книг Иванова-Разумника, начиная с первого издания “Истории русской общественной мысли”.

⁹ жаркóе (*фр.*)

¹⁰ Лемке Михаил Константинович (1872–1923) — историк революционного движения, публицист, редактор полного собрания сочинений А. И. Герцена. Будучи управляющим типографией и книжным складом издательства Стасюлевича, способствовал выходу “Истории русской общественной мысли”.

¹¹ Максимов Евгений Дмитриевич (1858–1927) — публицист, общественный деятель либерально-народнического направления, автор работ на экономические темы, книги очерков и воспоминаний “На культурной работе”, на которую Иванов-Разумник написал рецензию (1908); издатель и редактор журналов “Вестник кустарной промышленности”, “Артельное дело” и др. Отец литературоведов В. Е. Евгеньева-Максимова и Д. Е. Максимова.

¹² РО НРБ. Дом Плеханова. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 1–2.

¹³ Там же. Л. 3–4.

¹⁴ РО НРБ. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 6 об. Речь, видимо, идет о легальной эсеровской газете, выходившей под разными названиями (“Дело народа”, “Голос”, “Мысль” и др.) в Петербурге в период работы I Государственной Думы в мае–июле 1906 г. Н. С. Русанов являлся ее главным редактором, а В. М. Чернов — членом редакционного коллектива.

¹⁵ Деревня Ягодная, Болховского уезда, Орловской губернии. Ср. с другой фразой Иванова-Разумника из того же письма: “Завидую Вам: — Вы находитесь “во глубине России”, в деревне Ягодной, куда даже письма идут через Ягодинское лесничество... Уже несколько лет не жил я в деревне — и очень тянет в нее, как ни мало в ней теперь радостного”.

¹⁶ Весной 1911 г. М. Горький занялся реорганизацией журнала “Современник”, который возглавлял А. В. Амфитеатров, и выступил с инициативой создания внутри его авторского коллектива широкого “демократического блока”, куда также должны были войти В. М. Чернов и В. С. Миролубов. Однако из-за серьезных разногласий в редакции, Амфитеатров в конце концов решил отказаться от коллективного руководства. Тогда, в начале декабря 1911 г. Горький, Чернов и Миролубов заявили о своем выходе из журнала. В начале января 1912 г. Иванов-Разумник обратился к М. Горькому с предложением принять участие в задуманном им журнале “Творчество”. Чернов, в свою очередь, предложил Иванову-Разумнику стать “литературным представителем” в России новообразуемого журнала “Заветы”.

¹⁷ РО НРБ Дом Плеханова. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 15–15 об.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1337 (Коллекция). Оп. 3. Д. 40. Л. 25.

¹⁹ Мстиславский Сергей Дмитриевич (1876–1943) — прозаик, публицист, революционный деятель, близкий знакомый Иванова-Разумника в период 1910-х — начала 1920-х гг. В 1912–1914 гг. вел отдел внутренней политики в журнале “Заветы”. Согласно его воспоминаниям, осенью 1914 г., совместно с А. И. Иванчиным-Писаревым и Ивановым-Разумником он составил антивоенный сборник “Дневники”, конфискованный полицией в типографии во время печатания. Во время Мировой войны вел постоянные военные обзоры (“Письма о войне” и др.) в газетах “День”, “Русские ведомости”, “Киевская мысль”.

²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Перл. Оп. 265. Д. 976. Л. 1.

²¹ Рукопись этой статьи сохранилась в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ). Ф. 79. Оп. 1. №. 126).

²² иное мнение (лат.)

²³ ГАРФ. Ф. 102. Перл. Оп. 265. Д. 976. Л. 42.

²⁴ Лурье Г. И. К биографии В. В. Маяковского (По архивным материалам) // Каторга и ссылка. 1931. Кн. 4 (77). С. 81–82.

²⁵ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) — владелец сахаро-рафинадных заводов, финансист, меценат; по политическим убеждениям “прогрессист”. В 1910-е гг. играл важную роль в политическом масонстве, наряду с А. Ф. Керенским, Н. В. Некрасовым, С. Д. Мстиславским и др.

²⁶ Лурье Г. И. Ук. соч. С. 83–84.

²⁷ ГАРФ. Ф. 102. Перл. Оп. 265. Д. 1006. Л. 70.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 3. Д. 40. Л. 52.

²⁹ Святыцкий Н. Война и предфевралье // Каторга и ссылка. 1931. Кн. 2 (75). С. 9.

³⁰ РО НРБ. Ф. 657. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 8.

АЛЕКСАНДР БЛОК В “ДЕЛЕ ЛЕВЫХ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ”

По материалам архива ФСБ (СПб.)

Новые подробности ареста группы литераторов в феврале 1919 г., в дни разоблачения ВЧК “заговора левых эсеров”, дополняющие наши представления об отношении Иванова-Разумника и А. А. Блока¹, дают неизвестные ранее материалы архива Федеральной службы безопасности (СПб.)

Если причиной ареста были связи “скифской” литературной группы, занимавшейся в это время организацией Вольной Философской Академии, с левыми эсерами², то поводом стала записная книжка главного инициатора Вольфилы — Р. В. Иванова-Разумника, в которой, кроме сведений о К. А. Сюннерберге (Конст. Эрберге), А. З. Штейнберге, Е. И. Замятине, А. М. Ремизове, К. С. Петрове-Водкине, С. А. Венгерове и М. К. Лемке, также арестованных в эти дни, был адрес и А. А. Блока³.

Следователей в первую очередь интересовали связи задержанных с партией левых социалистов-революционеров, а также с “видным левым эсером” — Ивановым-Разумником. В воспоминаниях Штейнберга можно найти такие примечательные строки (относящиеся к Ремизову, но в данном случае вполне подходящие и к Блоку): “[Во время допроса] он писал довольно много и, очевидно, все в своем стиле. Отмечаю это только потому, что если кому-либо вздумается искать новые, еще не известные рукописи Ремизова, то в архиве петроградской Чка их, вероятно, можно найти, если они не переданы в какой-нибудь литературный архив”⁴.

Эта реплика подтолкнула меня ближе познакомиться с “делом о заговоре левых социалистов-революционеров 1919 г.” Благодаря содействию дочери Иванова-Разумника — Ирины Разумниковны Ивановой, я смог познакомиться с архивными делами ФСБ (СПб.). Ремизовских рукописей найти не удалось. Равно как не были тогда заведены “дела” на Ф. К. Сологуба (который не был арестован), Петрова-Водкина и Лемке. Другие арестованные показали следующее (привожу извлечения):

Штейнберг: “...Ни в каких политических партиях и организациях не работал. Отношения с партией левых эсеров исчерпываются моей родственной связью с братом Исааком Захаровичем Штейнбергом⁵ и литературным чисто знакомством с Ивановым-Разумником...”

Венгеров: "...Никакого касательства к партии левых эсеров не имел..."

Сюннерберг: «...Ни в какой партии не состоял по принципиальным соображениям. В последнее время привлечен писателем Ивановым-Разумником к работе по искусству в журнале "Наш путь"⁶»

Замятин: "...На вопрос о принадлежности к партии левых эсеров: могу только, конечно, ответить: нет".

Самой главной находкой в деле "левых социалистов-революционеров" оказался автограф "показаний" А. А. Блока вместе с другими документами его "дела". Этот кратковременный арест, завершившийся освобождением поэта "за недоказанностью обвинения", тем не менее, наложил отпечаток на всю его дальнейшую судьбу и ускорил его преждевременную кончину. Однако утверждение, будто это событие "положило конец" дружбе Блока с Ивановым-Разумником⁷, нельзя назвать справедливым: впереди была их совместная работа в Вольной Философской Ассоциации, интенсивное общение, переписка, дружеские чувства, сохранившиеся у поэта к литературному критику до самых последних дней жизни.

В настоящем издании впервые публикуются документы из "Дела № 8008" "левых социалистов-революционеров" к<онтр>-рев<олюцион-ного> отд<ела> Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией Союза Коммун Северной области, а также впервые факсимильно воспроизводятся собственноручные показания А. А. Блока. Этот протокол, вероятно, по личной просьбе поэта, был скопирован и сохранился в его архиве в виде машинописи (к настоящему времени она опубликована)⁸. На оригинале в верхнем левом углу имеется помета: "Разрешаю взять копию с протокола. П. Серов. Подпись". Время и обстоятельства копирования не известны. Публикуемые документы сохраняют орфографию и пунктуацию подлинников. Многие графы стандартных бланков не заполнены; фотографии поэта в "деле" нет. В угловых скобках восстанавливаются сокращения, в квадратных — смысловые лакуны.

Выражаю благодарность за подготовку документов сотруднику архива ФСБ (СПб.) С. М. Быстрову.

1.

[Ордер]

Летучий

*Произвести обыски и аресты проживающих в пределах Петрограда
14/II 1919 г.*

Зав. отделом *Подпись*
Следователь

*Для ареста отправлены: Эглит и Аввакумов
14 февраля 1919 г. в 23 час.*

2.

Чрезвычайная Комиссия
по борьбе с контр-революцией и спекуляцией
Союза Коммун Северной области

№ 5811

Годен на двое суток

ОРДЕР

Летучий

Поручается товарищу Эглит и Аввакумов произвести обыски и аресты по усмотрению в пределах Пгр.

Председатель *А. Ск<ороходов>*

Секретарь *Шимановский*

14 февраля

[На обороте] Ордер является зарегистрированным в Центр<альном> Комит<ете> Революционной Охраны гор. Петрограда

Дежурный по Комендатуре *Подпись*

3.

ПРОТОКОЛ

На основании ордера Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр-революцией и спекуляцией при Союзе Коммун Северной Области, за № 5810, от 15 февраля 1919 г., произведен обыск в д. № N57, кв. № 21, по ул. Обицкерской.

Согласно данным указаниям, задержаны: граждан<ин> Блок Александр Александрович. Взято для доставления в Чрезвычайную Комиссию следующее (подробная опись)

Заявлений на неправильности, допущенные при производстве обыска, НЕТ, все заявления и претензии должны быть занесены в протокол. После подписания протокола никакие заявления не принимаются. Комиссия отвечает только за то, о чем упомянуто в протоколе. Обыск производил Комиссар Комиссии Буланцев

Все указанное в протоколе удостоверяем:

Представители Домового Комитета:

Дворник Подпись

Кроме того подписали: члены Дом<овой> бедноты:

Три подписи

Примечание. Один экземпляр протокола должен быть оставлен под расписку представителей Домового Комитета.

Копию получил Подпись.

4.

ПРОТОКОЛ

16 февр. 1919 г.
от комиссара Буланцев

Ордер № 5810

Приняты арестованные:

Блок

Подпись принявшего:

Подпись

5.

ДЕЛО №

Фамилия *Блок*

Имя и отчество *Александр Александрович*

При обыске взято

Причастность к делу: *найден адрес лев<ого> с<оциалиста>-р<еволюци-
онера> Разумника Иванова*

По делу показал

Допрашивал

“ ___ ” _____ 191 г.

Фотография №

Фамилия *Блок*

Имя и отчество *Александр*

Александрович

звание *Дворянин урож<енец> гор<ода> Петрограда*

время рождения *1880*

ближайшие родственники *жена Любовь мат<ь> Александра Кублицкая*

национальность *Великорос подданство Р.Ф.С.Р.*

Документы о личности

Жительство *Офицерская 57 кв. 21*

был ли заграницей

место службы *Ком<иссариат> просвещения Театральный отдел*

род занятий *пред<седатель> Репер<туарной> секц<ии> литератор ре-
дактор сборника Репертуар*

принадлежность к партии: *беспартийный*

привлекался ли раньше *нет*

дело № ___ арестован *15 февраля 1919 г. по ордеру N5810 по инициа-
тиве Чрезкомисс<ии> Контр-револ<юционного> отдела*

по делу

кто ведет дело

чем закончилось дело

Председатель

Секретарь

ПРОТОКОЛ

16 февраля 1919 года был допрошен гражданин <ин> Блок Александр Александрович, служит в Комиссариате народного просвещения, председател[ь] Репертуарной секции, профессия /литератор/. проживает по Офицерской ул дом N 57 кв 21. показал следующее.

В партии левых <социалистов>-р<евolutioneнеров> никогда не состоял и не поступил бы ни в какую партию, так как всегда был вдали от политики. Сотрудничал в газете "Знамя Труда" и в журнале "Наш Путь" по причинам: 1) персональной — знакомство с редактором этих изданий, писателем-критиком Р. В. Ивановым-Разумником, 2) по той причине, что, сочувствуя течению социализма и интернационализма, склонялся всегда более к народничеству, чем к марксизму. В этих изданиях помещены мной стихотворения и фельетоны на тему о народе и интеллигенции; фельетоны эти писались, начиная с 1907 года. В издательстве "Революционный Социализм"¹⁰ вышли две мои брошюры: 1) Ряд стихотворений под общим заглавием "Двенадцать" с предисловием Иванова-Разумника¹¹; 2) упомянутые выше фельетоны под общим заглавием "Россия и интеллигенция"¹². Этим исчерпывается мое отношение к изданиям и издательству левых <социалистов>-р<евolutioneнеров>. Что касается личных знакомств с членами партии, то я не встречался ни с кем из бывших членов Ц. К., или бывших народных комиссаров; Иванов-Разумник, насколько мне известно, членом партии не состоял; вспоминаю еще встречи с Басовым-Верхоянцевым¹³, как одним из редакторов; его отношение к партии мне неизвестно.

Ал. Блок.

7.

17 февр. 1919 г.
Вх. № 6310

К делу Блок

Постановление дежурного следователя.

Арестованного Александра Александровича Блока, обвиняем <ого> в принадлежности к партии лев<ых> эс-эров, нахожу нужным за недоказанностью обвинения из-под ареста освободить и наст<оящее> дело о нем считать законченным.

За Председателя Подпись
Дежурный следователь Подпись

17 февр. 1919 г.
Дело №

Григорьев

-23-

6 декабря 1919 году был допрошен
послан. Галков Александр Александрович
указав, пишет в Комиссарском журнале
под псевдонимом, председателем Ревкома
и др. привел (либерализм)
представил по Озерской ул. дом Бухина.
Вот что слышал.

17.12.19

В партии левых с-р. никогда не состоял и не
поступил в какую партию, так как всегда
был вдали от политики. Сотрудничал в газете
Знамя Труда и в журнале "Наш путь" по проза-
кам: 1) прозаической — знакомство и редакция
этих изданий, писателем — критиком Ф. В. Ивановым
Разумицким, 2) по прозе, что, сочувствуя тегани-
ди социализма и интернационализма, склонился
всегда более к народничеству, чем к марксизму.
В этих изданиях помещал много стихов
революционных и пролетарских и много о народе и интел-
лигенции; пролетарские эти писались, начиная
с 1907 года. В издательстве "Революционная
Социализм" вышли две брошюры: 1) Революцион-
ный под общ. заглавием "Двенадцать" с пред-
словием Иванова Разумицкого; 2) убожество в
революции под общ. заглавием "Россия и интел-
лигенция". Эта последняя по отношению
к издателям и издательству левых с-р. Это
касается только знакомств с тегани партией,
то я встречался ни с кем из бывших членов
Ц. К. или бывших народных комиссаров; Иванов-
Разумицкий насколько мне известно, членом партии
не состоял, вспоминаю еще встречу с Давидом
Воронцовым, как одним из редакторов, его отношение
к партии мне неизвестно.

А. Д. Блок.

Примечания

Настоящая публикация является частью инициативного проекта «"Вольфила": судьба людей и идей (1920-1930-е гг.)», поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (грант 96-03-04190а).

¹ См.: *Лавров А. В.* Переписка [А. А. Блока] с Р. В. Ивановым-Разумником // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 366–414.

² См.: Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. С. 58–59.

³ См.: Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. Пб., 1922; *Иванов-Разумник.* Тюрьмы и ссылки. ("По тюрьмам на родине") / Публ. В. Г. Белоуса // Мера. 1994. №. 1; *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет. (1911–1928). Париж, 1991.

⁴ *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет. С. 34.

⁵ Иссах Захарович Штейнберг (1888–1957) — член ЦК партии левых эсеров, нарком юстиции с декабря 1917 г. по март 1918 г.

⁶ Журнал "Наш путь" (1917–1918) — "орган революционного социализма", общественно-политическое и литературное издание партии левых социалистов-революционеров. В 1918 г. под ред. Иванова-Разумника, Б. Камкова, С. Д. Мстиславского вышло два номера; прекращен после разгрома левых эсеров в июле 1918 г.

⁷ См.: *Иванова Е. В.* Александр Блок после Октября: идейное самоопределение и особенности творческого развития. Автореф. дис. докт. филологич. наук. М., 1993. С. 34; *Белоус В. Г.* К публикации "Беседы о пролетарской культуре в Вольфиле". De Visu. 1993. №. 7 // De Visu. 1994. №. 1/2. С. 139–140.

⁸ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. №. 387. См.: Блок в 1919 году / Публ. Л. К. Долгополова // Новый журнал. Нью-Йорк. 1990. Кн. 180. С. 350–353; Материалы к творческой биографии Александра Блока революционных лет. Ряд стихотворений под общим заглавием "Двенадцать" / Публ. В. В. Базанов // У истоков русской советской литературы. 1917–1922. Л., 1990. С. 5–11; *Иванова Е. В.* Об аресте Александра Блока в 1919 году // Филологические науки. 1992. №. 4. С. 89–92.

⁹ "Знамя труда" — центральный орган партии левых социалистов-революционеров в сентябре 1917 г. — июле 1918 г., в котором Иванов-Разумник редактировал литературный отдел. Произведения А. А. Блока публиковались здесь 19 января, 25 января, 20 февраля ("Скифы"), 3 марта ("Двенадцать"), 8 марта.

¹⁰ "Революционный социализм" — партийное издательство при ЦК ПЛСР. Активно функционировало в первой половине 1918 г., выпустило более 30 книг и брошюр. Работа издательства была прервана событиями 6–7 июля 1918 г., но несколько изданий под его маркой вышли и во втором полугодии. Позже оно было реорганизовано в издательство "Наш путь". (Сообщил Я. В. Леонтьев).

¹¹ См.: *Блок А.* Двенадцать. Скифы. СПб., 1918.

¹² См.: *Блок А.* Россия и интеллигенция. СПб., 1918.

¹³ Сергей Александрович Басов-Верхоянцев (наст. фам. Басов; 1869–1952) — поэт-сатирик; до лета 1918 г. — левый эсер, позже — член РКП(б) и сотрудник ВЧК-ОГПУ.

ВСПОМИНАЯ ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

В августе 1922 года нашим новым знакомцем стал царскосел Иванов-Разумник, памятный нам оппонент отца на его лекции в Доме Искусств¹. Довольно подробно этот эпизод описан в “Воспоминаниях” Н. О. Лосского, поэтому обращусь сначала к ним.

«Приблизительно в феврале-марте 1920 г. Андрей Белый² позвонил мне по телефону и предложил прочитать публичную лекцию в основанной им Вольной Философской Академии, которая сокращенно называлась Вольфила. Установлено было, что я прочитаю лекцию на тему “Бог в системе органического миропонимания”. По всему Петербургу были расклеены объявления о ней. Она состоялась у “обдискон”; так назывались “обитатели Дома искусств”³. Это был громадный дом, отнятый, кажется, у Елисеева и предоставленный деятелям искусства. Большой зал был полон народа. В первых рядах сидели интеллигенты, жаждавшие услышать лекцию против атеизма; у выхода из зала стояли матросы и красноармейцы, пришедшие поздно и не нашедшие уже свободных стульев. После лекции состоялись прения»⁴.

Продолжу рассказ вперемежку с необычайно живым и метким, хоть и не всегда точным повествованием Тынянова, начало которого как-то весело воскрешает передо мною образ отца, приступающего к чтению лекции: “В Доме искусств профессор Н. О. Лосский положил на стол часы, беспредметно улыбнулся и прочел лекцию о Боге как системе органического целого”⁵. Из чего по крайней мере явствует, что книга “Мир как органическое целое”⁶ была в ту пору достаточно известна, чтобы о ней помнил Тынянов, писавший свой рассказ лет через пять-десять после лекции отца.

В перерыве желавшие взять слово подходили к председателю, заносившему

их имена на список, по которому им давалось слово во второй части сеанса. Среди прочих выступлений было слово литературоведа Иванова-Разумника (с которым мы еще знакомы не были): встав на позицию не то байроновского героя, не то Ивана Карамазова, он высказался в направлении не отрицания Бога, а его неприятия (пуще всего Его благодати) в случае, если бы Он захотел низойти на него, не спросивши на то предварительного разрешения⁷. Говорил он, помнится, бегло и без запинок; как выглядел, точно не помню.

Как связалось у нашей семьи знакомство с Ивановым-Разумником? Вспоминается очень досадный для семейной биографии Иванова-Разумника эпизод: к концу лета стал появляться у его петербургских знакомых (и у нас в их числе), его юный сын с просьбой, якобы исходящей от отца, дать займы порядочные суммы рублей. После чего узнавшему об этом Иванову-Разумнику пришлось восстанавливать свою честь, возмещая убытки “своим” “взаимодавцам”⁸.

На сей раз отношения установились настолько хорошие, что он раз пригласил к себе бабушку⁹ и отца для встречи с Клюевым¹⁰ и поднес им свою только что вышедшую книгу “Творчество и критика”¹¹.

В “Воспоминаниях” отца этот эпизод описан так: «На интеллигенцию летом 1922 г. надвигалась новая гроза, о которой никто из нас ничего не подозревал. Зиновьев, начальник Петербурга и Северо-Западного края, донес в Москву, что интеллигенция начинает поднимать голову. Он писал, что различные группы интеллигенции начинают основывать журналы и общества; они еще действуют разрозненно, но со временем объединятся и тогда будут представлять собою значительную силу. Московское правительство решило поэтому произвести по всей России аресты видных ученых, писателей и общественных деятелей, что и было произведено 16 августа 1922 г.

Лето этого года наша семья проводила в Царском Селе. В этом городе жил в своем доме писатель Иванов-Разумник (его имя-отчество Разумник Васильевич). Он пригласил Марию Николаевну и меня 15 августа провести у него вечер, говоря, что мы встретимся у него с поэтом Клюевым и писательницей Ольгою Форш¹². Клюев прочитал нам свою поэму, живо изображающую крестьянский быт на севере России, а О. Форш рассказала о том, как она была на антирелигиозном митинге. В защиту религии и бытия Бога выступал на этом митинге священник Александр Введенский¹³. Позади О. Форш сидел какой-то протодиакон с могучим басом. Наблюдая подвижность Введенского, он провозгласил: “Егозлив, аки бес!”

На следующий день мною было получено извещение о том, что я должен явиться на Гороховую улицу в помещение Чека»¹⁴.

Был ли, находясь в лагере Коница, Иванов-Разумник в переписке с отцом? — Не знаю. Отцовский архив письмами военного времени не богат, и ничего, относящегося к Иванову-Разумнику, в нем не имеется. Хотя известно, что последний интересовался судьбой отца. В письме к Ф. А. Степуну из Коница 10 ноября 1944 г. Иванов-Разумник писал: «Нет ли у Вас под Дрезденом такого места, куда можно было бы, если понадобится, бежать от лица войны? Все-таки Вы на сотни километров дальше от этого лица, чем мы в Конице или Николай Онуфриевич в Братиславе. Уцелел ли он? Да и вообще — кто из нас еще уцелеет, когда война начнет подводить свои итоги?»¹⁵

Вот и все, что мне известно об Иванове-Разумнике. Надеюсь, дальнейшее изучение его жизненного пути приведет к благородной цели моральной реабилитации этого достойного деятеля русской культуры.

Примечания

¹ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) — философ. Речь идет о XX открытом заседании Вольной Философской Ассоциации “Бог в системе органического миропонимания” (28 марта 1920 г.), где Н. О. Лосский был основным докладчиком.

² Андрей Белый (наст. Бугаев Борис Николаевич; 1880–1934) — писатель, председатель Вольфилы.

³ “Дом Искусств” — здание на углу наб. Мойки и Невского проспекта в Петрограде. Здесь в 1919 г. был создан первый творческий клуб писателей. История “Дома Искусств” описана в романе *О. Форш* “Сумасшедший корабль” (Л., 1931).

⁴ Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и творческий путь. Мюнхен, 1968. С. 208.

⁵ См.: Тьянов Ю. Бог как органическое целое // Литературная газета. 1964. 25 июля. № 88. С. 3.

⁶ См.: Лосский Н. Мир как органическое целое. М., 1917.

⁷ О философском мировоззрении Иванова-Разумника см.: Белоус В. Реконструкция “Антроподицей”, или Самооправдание Иванова-Разумника // Русская мысль. 1995. №. 4102–4103.

⁸ Иванов Лев Разумникович (1904–1938). Ср.: “Дело идет о Леве. Всю его печальную Одиссею этой осени Вы знаете. В Москве он немного пришел в себя, понял, что натворил; теперь вернулся домой и сам, вероятно, удивляется своей осенней болезнью. Учиться он больше не может, на днях ему пойдет уже 5-ый год. Служить — но где уверенность, что через полгода, через год с ним снова не случится такой же приступ болезни? (а я все его осенние деяния могу объяснить только болезнью безволия). Он мог бы служить только под началом такого человека, который, зная его, крепко держал бы возжи, не давал закусить удила. <...> ...Мальчик может погибнуть в среде современной советской бюрократии, которую Вы, конечно, знаете лучше меня. А я не собираюсь еще долго жить на

этом свете, и если через год — другой он останется уже без всякой опоры, то тогда уже никакое вмешательство не поможет. Так вот: помогите. Старая наша дружба позволяет мне обратиться к Вам с такой просьбой”. — Из письма Иванова-Разумника к М. К. Лемке от 12 марта 1923 г. (ИРЛИ. Ф. 661. №. 473). По свидетельству А. З. Штейнберга, в начале 1920-х гг. Л. Р. Иванов сошелся с уголовной средой и находился в заключении, после чего “оказался сотрудником одного из отделов Чрезвычайной комиссии”. См.: *Штейнберг А. З. Друзья моих ранних лет*. С. 108–110. Последняя информация не подтверждается И. Р. Ивановой.

⁹ Стоюнина Мария Николаевна (1846–1940). См.: *Стоюнина М. Н. Воспоминания* / Публ. Б. Н. Лосского // *Минувшее. Исторический альманах*. Т. 7. М., 1992. С. 375–414.

¹⁰ Клюев Николай Алексеевич (1887–1937) — поэт.

¹¹ См.: *Иванов-Разумник*. Творчество и критика. Статья критические 1908–1922. Пб. 1922.

¹² Форш Ольга Дмитриевна (1873–1961) — писательница, близкая к “скифской” литературной группе, участница заседаний Вольной Философской Ассоциации.

¹³ Александр Иванович Введенский (1888–1946) — протоиерей, проповедник т. н. “живой церкви”.

¹⁴ *Лосский Н. О.* Воспоминания. С. 217.

¹⁵ *Шерон Ж.* Неопубликованные письма Р. В. Иванова-Разумника // *Новый журнал*. 1989. №. 174. С. 313.

Подготовка текста и примечания В. Г. Белоуса.

ПИСЬМА Д. М. ПИНЕСА АНДРЕЮ БЕЛОМУ

Дмитрий Михайлович Пинес (1891-1937) остался в отечественной истории как прекрасный библиограф и как жертва коммунистического режима. Его альтруизм и исключительная честность походили на вызов, граничили с дерзостью. Эти качества создавали Пинесу безупречную репутацию в кругу своих, но весьма осложняли бытовую и социальную стороны жизни, сокращали путь к гибели. Например, Дмитрию Михайловичу было очень трудно устроиться на работу, так как на вопрос тогдашней анкеты “какой партии сочувствуете?”, на который все отвечали: “ВКП(б)”, он отвечал как-то по-другому; писал, что в конечном счете верит в социализм, но не согласен с тем-то и с тем-то,— вспоминала Б. В. Миттельман, его племянница по линии жены.

Вхождение Д. М. Пинеса в круг Иванова-Разумника и Андрея Белого произошло на почве общей работы в Вольной Философской Ассоциации. Этой работе Пинес отдавался со страстью. ...У него есть вторая жена — Вольфила, там он пропадает днями и ночами,— жаловалась, по словам Миттельман, его родня. После закрытия Вольфилы контакты с Ивановым-Разумником и Белым не только не прекратились, но еще более упорочились. Пинес оказался полезен обоим мэтрам. Вместе с Ивановым-Разумником он участвовал в ряде издательских проектов, готовил к печати собрание сочинений А. Блока; составлял библиографию трудов Андрея Белого и критических отзывов о нем... В период охлаждения между Ивановым-Разумником и А. Белым Пинес сохранил дружбу с обоими. Характер его отношений с Б.Н.Бугаевым раскрывается в публикуемых материалах. Это три почтовые открытки 1932 г. и два письма: 1932 и 1933 гг. Писем А. Белого к Пинесу такого “позднего” времени не сохранилось; уцелевшие опубликованы Дж. Мальмстадом в “Новом литературном обозрении” (№ 12. 1995. С. 85–100).

Последнее из приводимых ниже писем датировано 5 января 1933 г. Это новогодние поздравления семье Бугаевых. Пинес призывает радоваться прежде всего тому, что миновал опасный “високосный” 1932 г., с которым у него были связаны суеверный страх и дурные предчувствия. Радость Пинеса оказалась преждевременной. Он был арестован через две с половиной недели. 1933 г. оказался роковым и для адресата послания: А. Белый не смог оправиться от болезни и через год, 8 января, умер.

Пинес был вновь арестован (в четвертый и последний раз) 6 февраля 1937 г. и 23 октября расстрелян, в один день с женой, Розой Яковлевной, урожденной Миттельман (1891–1937). Оба реабилитированы решением военного трибунала Беломорского военного округа от 29 апреля 1956 г.

Публикуемые письма Д. М. Пинеса не были сданы К. Н. Бугаевой в государственные архивы, долгое время находились в частном собрании, сейчас — в “Мемориальной квартире Андрея Белого на Арбате”.

I

5.VI.32.

Дорогой Борис Николаевич,

вчера получил открытку Клавдии Ник<олаевны> от 2/VI, сегодня был в Д<етском>С<еле>¹ и при мне получилась телеграмма. А Вы в это время, вероятно, получили 2 весточки от Р<азумника> В<асильевича>. Завтра он пишет Вам подробно.

Со своей стороны, еще раз подчеркиваю важность юридического оформления запродажи и очень советую не выпускать архива² из дому, пока не получите всей суммы.

Сердечно кланяюсь Клавдии Ник<олаевне> и Вам.

Любящий Вас,

Дм. Пинес.

“Мастерство Гоголя”³ сразу сдано в цензуру, и на днях ожидается ответ!

II

29.VI.32.

Дорогая Клавдия Николаевна,

большое спасибо за привет и пр. Сегодня Роза Як<овлевна> будет в Изд<ательств>е Писателей и выяснит о “Мастерстве Гоголя”. Я все еще полеживаю, а когда пытаюсь сидя работать у стола, вынужден опять ложиться. Спасские⁴ пока еще не уехали, п<отому> ч<то> Соня захворала и до 1-го в больнице. Если к 1-му выяснится (дела гинекологические) и врач разрешит — уедет. Желаю Вам скорее Лебедями умчаться (если только местность — от Лебедя, а не от Лебеды называется⁵). Сердечно кланяюсь Вам обоим.

Дм. Пинес.

Сегодня был Раз<умник> Вас<ильевич>. Из-за отсутствия упаков<очного> материала посылки не мог отправить сегодня Б<орису> Ник<олаевичу>, достанет и завтра будет отправлено⁶.

Милая Клавдия Николаевна и глубокоуважаемый Борис Николаевич, в Издат<ельстве> Писателей сегодня сообщили, рукопись о Гоголе из Обллита сегодня получена и 1-го июня будет ими Вам отослана.

Большое спасибо Вам за все приветы. Собиралась уехать в летний отпуск, но подводит Дм<итрий> Мих<айлович>. Он все кашляет, температурит, серьезного ничего нет, но — большая слабость и требуется вы-

лежка. Заходила к Соне. Она худущая очень, и пока точно не известен диагноз ее болезни. Ох, уж эти медики!

Ну, сердечно кланяюсь Вам и желаю хорошего отдыха.

Р. Я. Пинес

III

2.VII.32.

Дорогой Борис Николаевич, дорогая Клавдия Николаевна, вы меня очень трогаете своим беспокойством и сочувствием. Самая болезнь моя, однако, не тяжела и не страшна. Но у меня нет “привычки” и “навыка к болезни” и к лежанию. Мне “не прилично” хворать (одна богомольная старушка рассердилась на эти слова: “Это каждый должен”). Приходивший врач подтвердил: остатки воспаления легких +остатки плеврита. Банки, горчичники и — лежать, лежать! Ну я и лежу, если только не приходится в возмущении на новую каверзу моск<овского> издательства писать <неразб.> ответ, возвращая с протестом корректуры! И хотя мне не нравится лежать, все же несомненно есть элемент “приятного”: “уход в болезнь” есть уход от неприятностей обеих работ: и Мезьер, и Блока.

Соня третьего дня вернулась, измученная не болезнью, а пребыванием в больнице (дикая обстановка). Предположения о сепсисе и гинекологич<еские> не подтвердились — и она на днях уезжает в деревню.

А я-таки боялся, что Бонч сбончит и помучает Вас. Только бы это кончилось благополучно. Посылки от Р<азумника> В<асильевича> и Гоголя, вероятно, в ближайшие дни уже будут доставлены Вам. А мне жаль, что Гоголь не мог побыть со мной эти дни — хорошо бы его в таком спокойствии лежания проштудировать и пройти с автором по всем путям и стилистич<еским> тропам. Если бы знали, Борис Николаевич, как ждут эту книгу. Желаю Вам скорее сдуть с себя “подхвостную” пакость и муть. И оказаться в хождении по полям. И Вам, милая Клавдия Ник<олаевна>, сбросить с себя кухонные муки, которые вампирнее любой болезнью...

Сердечно кланяюсь, и еще раз спасибо за заботу.

Дм. Пинес

IV

9.VII.32.

Дорогой Борис Николаевич,

я все время в “постельном режиме”, хотя мне значительно лучше. Лежание облегчает “внешнюю” жизнь: можно не работать для издательства, оправдано чтение “для себя”, думанье “для себя”.

Лежал и думал про блоковские циклы, про циклы блоковских стихотворений. О том, что при первопечатании, в газетах, в журналах, ряд стихотворений, разрозненных, был связан в циклы. Эти циклы “назывались”: “Белое знамя”, “Провидения”, “Свидания”, “Одинокие ямбы”, “Под знаком Девы” и т.д. Бывало даже так, что одно и то же стихотворение, за короткий период времени, печаталось повторно, входя уже в другой цикл и там озаглавливаясь по-другому (иногда).

Потом, в книге эти циклы исчезали; — в книге были уже свои циклы — разделы. И я подумал, что надо проследить исчезнувшие циклы. Иногда получалось чрезвычайно любопытно. Так, кардинальное стихотворение 1902 г. “Осанна! Тыходишь в терем” — не печаталось до 1908 г., но когда оно было в 1908 г. напечатано, то для автора оно оказалось “За гранью прошлых дней”(название цикла), и в этой “за-границе” оно оказалось последним стихотворением подотдела: “Проклятия” (три подотдела: 1) Провидения, 2) Свидания, 3) Проклятия). Я подумал: что сделал бы поэт Андрей Белый. Он перечеркнул бы стихотворение, переделал бы его так, что от “Осанны” ничего бы не осталось. Блок ничего не изменил, ни слова. Но свою “Осанну” сделал последним криком “Проклятий”, — напечатал потом уже вне цикла, вне “Проклятия” в первом издании “Собр<ания> сочин<ений>“ в 1911, а потом изъясил из всех изданий своих книг.

А название цикла “погибает” в забытом журнале, газете, пока “поздний историк”, лишенный самостоятельного творчества библиограф, не вытащит его под микроскоп...

Когда думал о циклах, вспоминал Ваши мысли⁷, дорогой Борис Николаевич, о том, что сущность стихотворения по-настоящему выявлена лишь тогда, когда оно взято в кон-тексте, в связи, в круге, в цикле. И подумал еще о другом: а какая же разница между циклом и разделом в книге? О том, что в цикле — разрозненные звенья включены в цепь. О том, что в разделе самая цепь перекликается с другими цепями — и что все они — зоны единого круга, шара. Но что есть такая правда сегодняшнего дня, правда акта рождения, которая сегодня рожденному циклу дает непосредственность и искренность, угашаемую при введении в систему.

Вот, дорогой Борис Николаевич, “мысли от лежания” (кончаю писать и опять ложусь). Все это не ново, и все это Вы знаете.

Беспокоюсь за Вас, как живы Вы, как улаживаются Ваши дела, бончовские⁸, и гихловские⁹, и от’ездные,¹⁰ Пора-пора Вам “выхвоститься”, пора в зелень и в поля.

Сердечно кланяюсь Клавдии Николаевне и Вам за Розу Яковлевну и себя.

Ваш Дм. Пинес

Знаю, что в Изд<ательст>ве писателей несколько задержалась отправка машинописи “Тоголя” — теперь получили?

V

5 января 1933 г.

Милый и дорогой Борис Николаевич,
милая и дорогая Клавдия Николаевна —

Поздравляю вас и с Новым Годом и с праздниками. Во мне суеверный ужас перед “високосностью” и кажется, что не столько с Новым Годом 1933-им надо поздравлять, сколько радоваться уходу високосного Старого, 32-го. Видел мельком Нину Ив<ановну>¹¹, мельком Серг<ея> Дм<итриевича>¹², чуточку “нюхнул”, чем и как вы живете — и прошу простить, что так давно не писал. Это и от работы, и от неэпистолярности, и от “температуры”, которая от 40° в середине декабря (инфлюэнца, в которой — при хорошем “самочувствии” — по ночам сгорал, — а жаропонижающего не давали, опасаясь замести следы может быть возникающего тифа и пр.). Теперь спустилась до 37,3 — 37,5, но так и не уходит и держит в напряженности и в полу-силе: “ни ночь-ни день, ни мрак-ни свет”. Очевидно, летний плеврит не исчез. Сижу из-за этого больше дома, лишь раза 2-3 высунув нос и покашливаю. — В одну ночь, когда никак не уснуть, почудилось, что через обвитую плющом Плющиху¹³ [никогда не доходило до сознания осмысление названия!] выхожу на Невский и как бы подталкиваемый [пульс!], нигде не могу остановиться — пока не дошел до Казанского Собора [ныне Антирелиг <иозный> Музей]. А перед ним круглые часы, и в прозрачную белую ночь чуть движется замирающий маятник. И от этого замирания маятника и во мне все успокаивается. И сбоку, в сквере, со скамейки слышу голос нараспев женщины в черном: “Смерть и вечность едино суть”. И тогда сразу утихомириваюсь — и, вероятно, на это мгновение — засыпаю...

За это время полуболезни-полуроботы [А я раньше не “привык” болеть и ощущать “температуру” — поэтому невольно для меня в этом только gleichnis¹⁴ — иного процесса, — как и сама т° есть только признак внутренних процессов — вышло так, что люди, приезжающие (даже незнакомые раньше) обращались ко мне по вопросам “творчества Анд<рея> Белого” — пришлось потревожить так и не законченную, заброшенную картотеку “библиографии А. Белого”¹⁵, — И то было особенно приятно: розыски и расспросы библиографические были не формально-регистрационного порядка, — а в плане широкого обобщения проблем культур — и библиография — “ancilla”¹⁶, “Марфа”, заботящаяся не просто о чистоте кастрюль, — а “во имя”, “для” — Я вспомнил, как месяцы, чуть ли не год сплошь затратил на розыски работ А. Б<елого> — и ста-

тей и отзывов об А. Б<елом>. И Вы знаете, милый Борис Николаевич, ведь по существу это Вы меня “совратили” в библиографию: разрывая горы (даже не представляете — это сотни тысяч страниц, сотни тысяч газетных листов!), я “вошел в курс” очень многих вещей, и таким образом “прикрепился” к библиографии “всерьез и надолго”... Вот!

Как по-настоящему живете, конечно, не знаю. Вероятно, большие порции “плохого” расцветиваются зернышками “хорошего”, и эти-то “зернышки” помогают и в подвал (настоящее) спускаться и в 5-ый этаж (будущей квартиры!) всходить¹⁷.

Не знаю, конечно, каковы по-настоящему Ваши встречи с “краеведами”¹⁸, и сколько там “оговорок”, но по-человечески рад, что это дает “тонус”.

А как, Клавдия Николаевна, милая, Вас “хозяйство” заматывает? — Очень меня тревожит то, что это Вас обессиливает, не укрепляя — что затраты не покрываются эквивалентом — А впрочем, м.б., у Вас в Москве (и у Вас лично) — это упростилось? — Страшно подумать. Или в большой напряженной работе, в том труде, который Вы с Борис Николаевичем ведете, — это исчезает, не так мучая, как у других, где эта-то забота и стала теперь основной, подминая все, всего человека?

Ну, будьте живы и будьте здоровы, и будьте всегда добры и пусть рождественские дни дадут “зарядку” на весь год!

Сердечно обнимаю Вас и за себя и за Розу Яковлевну. Желаю всего хорошего.

Ваш Дм. Пинес.

Примечания

¹ В этот период Д. М. Пинес почти ежедневно ездил в Детское Село к Иванову-Разумнику для работы над рукописями А. Блока для Полного собрания сочинений поэта.

² Речь идет о передаче личного архива А. Белого в Центральный музей литературы, критики и публицистики. Переговоры об этом с директором Литературного Музея В. Д. Бонч-Бруевичем начались в мае 1932 г.

³ Книга А. Белого “Мастерство Гоголя. Исследование” была завершена в апреле 1932 г., выпущена уже после смерти автора, в апреле 1934 г. (М.-Л., ГИХЛ). Здесь и далее прослеживается ее издательская история.

⁴ Спасский Сергей Дмитриевич (1898–1956) и Спасская Софья Гитмановна (Соная; 1901–1962).

⁵ Имеется в виду отъезд А. Белого и К. Н. Бугаевой в Лебедянь на летний отдых к сестре К. Н. Бугаевой Е. Н. Кезельман.

⁶ Речь идет о пересылке А. Белому материалов его архива, оставленных в Детском Селе у Иванова-Разумника. 30 июня 1932 г. Иванов-Разумник почто-

вой открыткой известил А. Белого о том, что посылки отправлены и об их содержимом: «Посылки две, обе “ценные”, каждая на 500 р.; в первой, большей — 1) черновики “Москвы”, т. 1, 2) черновики “Москвы” т. II, 3) чистовик “Москвы” т. I; во второй, меньшей: 1) “Ветер с Кавказа”, 2) “Армения”, 3) “О смысле познания”, 4) “Собрание стихотворений”, т. I, 5) “Собрание стихотворений”, т. II». (Письмо хранится в Мемориальной квартире А. Белого на Арбате).

⁷ Д. М. Пинес был членом кружка А. Белого “Проблемы символизма” в ВФА.

⁸ Сдача архива в Литературный Музей.

⁹ Д. М. Пинес мог иметь в виду как издательские дела А. Белого, так и его “общественную работу”: 19 июля А. Белый выступал на заседании группкома писателей ГИХЛ, стал членом бюро группкома, в январе 1933 г. был избран в культурно-просветительскую секцию.

¹⁰ Отъезд А. Белого с женой в Лебедянь состоялся 8 августа.

¹¹ Гаген-Торн Нина Ивановна (1901–1986).

¹² С. Д. Спасский

¹³ В Москве на Плющихе (д. 53, кв. 1) жил А. Белый; по этому же адресу отправлял ему письма Д. М. Пинес.

¹⁴ подобие (нем.)

¹⁵ Имеются в виду события 1927 г., когда друзья А. Белого, П. Зайцев в Москве, Иванов-Разумник в Ленинграде и др., собирались отпраздновать 25-летие творческой деятельности писателя. К торжеству хотели издать библиографию А. Белого, но по политическим причинам чествование не состоялось, юбилейный сборник издан не был.

¹⁶ служанка (лат.)

¹⁷ Под “настоящим” подразумеваются тяжелые бытовые условия А. Белого: он и Клавдия Николаевна проживали в полуподвальном помещении на Плющихе, в одной квартире с родственниками жены и с ее первым мужем П. Н. Васильевым. Под “будущим” - отдельная квартира в писательском кооперативном доме на ул. Фурманова, которую А. Белый рассчитывал приобрести. Ради этой цели он и продавал свой архив в Литмузей. “Рад за Вас, что Вы так удачно реализовали свой архив, который оказался равноценным предстоящей квартире”, — не без схиждства писал ему Иванов-Разумник в ранее цитируемом письме. В эту квартиру К. Н. Бугаева въехала уже после смерти мужа.

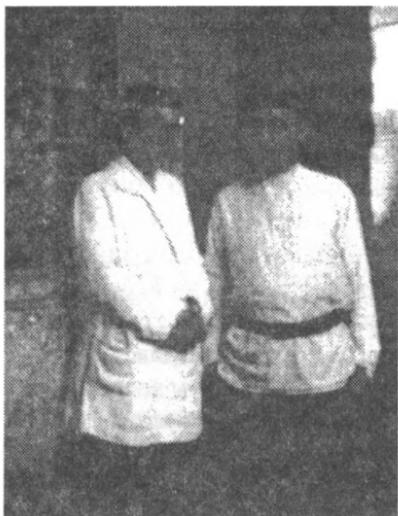
¹⁸ Имсеется в виду участие А. Белого в работе секции писателей-краеведов Оргкомитета Союза советских писателей, где А. Белый выступал с докладом (“Культура краеведческого очерка” 23 ноября 1932) и в прениях.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РАЗУМНИКЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ИВАНОВЕ

Я выросла в интеллигентной семье, которая с 1917 г. и до августа 1941 г. жила в Детском Селе. В 1926 г. мой отец, Григорий Михайлович Котляров (бывший директор Детскосельского Реального училища, а в то время — заведующий Русским отделением Библиотеки Академии Наук)¹ впервые попал в дом Разумника Васильевича Иванова на Колпинской, 20². Играть в шахматы у Ивановых уговорил папу преподаватель литературы Климошкин³, давний друг этой семьи. Дом оказался приветливым и радушным настолько, что вскоре мы познакомились семьями. Папа начал бывать там с мамой, а с 1927 г. и я, 16-летняя девушка, стала ходить к Ивановым в их большую, и почему-то темную квартиру на Колпинской улице. Позже профессор В. В. Сиповский⁴ сдал его семье флигель в саду своего прекрасного особняка. Каждую неделю многие жители Детского Села посещали Шишковых, Толстых и Ивановых: Шишковых по пятницам, Толстых — реже, у Ивановых это была, кажется, суббота. Каждую неделю вечером к Разумнику Васильевичу собирались все, кто хотел. На столе были чай, сахар, черный хлеб, масло. Но это никого не смущало. Главным было общение. Меня интересовали разговоры за скромно сервированным чаем, и весь вечер я проводила со взрослыми людьми.

Разумник Васильевич был поразительно некрасив: небольшого роста, с маленькими кистями рук, а голова большая. Оба глаза косили так, что их не было видно, и даже с пенсне он еле читал, поднося книгу к самым глазам. Большой шишковатый лоб переходил в лысину, по которой были откинута редкие пряди волос. Сзади волосы были длинноватые. Очень редкая растительность на лице — усы и нечто вроде бородки и редкие, желтые, испорченные (прокуренные) зубы. Из-за огромного синеватого носа люди, его не знавшие, думали, что он пьяница, а он в рот вина не брал, да и в доме у них вина никогда не было.

Эта наружность совершенно не вязалась с его внутренними качествами. Эрудиция и ум у Разумника Васильевича были уникальны, что привлекало к нему массу людей самых разных: студентов, писателей, ученых, педагогов. Он умел выспросить у человека все, что интересовало его, слушал внимательно и заинтересованно, лишь изредка подбрасывая насмешливые реплики. Но умудрялся ничего “своего” не давать собеседнику, никак не допустить в свой внутренний мир. Его едкие суждения всегда ставили меня в тупик, и я боялась его вопросов, так как задавал он их именно едко и со смешком.

Иванов-Разумник и В. Н. Иванова (фото Н. Н. Оттенберга, конца 1930-х гг.)

Окружающие, которые знали Разумника Васильевича задолго до того, как я познакомилась с его семьей, имели твердое мнение о нем как о человеке непреклонном, бескомпромиссном, честном и добром. Действительно, он был добрый человек, всегда кому-нибудь помогал, хлопотал. Я, лично, видела его готовность помочь в устройстве рукописей в печать (были большие знакомства). Часто он безвозмездно правил рукописи. Сам же жил материально очень тяжело. В те годы он совсем не печатался. Становилось легче лишь когда поручали редактирование собраний сочинений. Например, Блока и Есенина. Во время этой работы у него бывала С. А. Толстая-

Есенина⁵. Однажды мы с его дочерью сидели в их столовой, когда открылась дверь кабинета Разумника Васильевича и мимо нас прошагала очень мрачная и некрасивая, высокая женщина, одетая в старинную бурку. По ее уходу он сказал нам, что это была Толстая-Есенина.

У него были друзья всей его жизни (мы — лишь знакомые); это — А. Н. Римский-Корсаков (сын композитора, профессор Консерватории), М. М. Пришвин, В. Эм. Мейерхольд — о нем Разумник Васильевич всегда говорил с любовью. Помню огромный портрет — во весь рост — З. Райх⁶ с посвящением Разумнику Васильевичу. Много ближе нас были для него Андрей Белый и В. Я. Шишков. При мне, уже на новую квартиру (Октябрьский бульвар, 32) в доме проф. Сиповского приезжал и прогостил целый год Андрей Белый⁷. Общение с ним было незабываемо, хотя многое из его речей казалось сильно заумным и непонятным — и не только мне. Он Разумника Васильевича очень интересовал. Не раз приезжал очаровательный, вечно увлеченный очередной идеей Мих. Мих. Пришвин. У него даже была идея — бросить писать и начать всерьез заниматься фотографией. Ф. Сологуба я видела у Ивановых раза два, когда он жил на соседней квартире. Но он ни с кем не был знаком и поэтому молчал. Впечатления о нем не осталось. С А. Н. Толстым Разумник Васильевич был дальше и встречался с ним чаще всего у Шишковых или когда Толстой приходил к Ивановым. Сам Разумник Васильевич у Толстых бывал, но очень редко. Лишь “званный”, на каких-либо чтениях. В свою жизнь он никого не впускал. Были все с ним как-будто и близки, но на каком-то расстоянии. Писатели, посещавшие его, очень его уважали, дорожили его

мнением, но высказывался он, видимо, в кабинете, а не при всех за столом. Помню его за шахматной доской. При каждом ходе он попыхивал трубочкой и говорил какие-то нелепые словечки. Думая, сипел трубкой. Шахматист он был сильный.

Необходимо сказать о его семье, так как она играла очень большую роль в его жизни. Студентом Разумник Васильевич был дружен с сыном лесничего (немцем)⁸ и стал ездить к ним на летние каникулы. Там полюбил сестру этого товарища и женился на ней. Варвара Николаевна⁹ — высокая, с круглым красноватым лицом и светло-голубыми глазами была, вероятно, в молодости очень хороша. Она странно одевалась во все темное, очень старинного покроя. Только она ходила с юбками такой длины. Дочь их, Инна¹⁰ была очень красивая, приятная, лицом копия матери. Но тоже одевалась в очень длинные платья не современного нам фасона, хотя была старше меня всего года на четыре.

Варвара Николаевна приветливо всех принимала, но ни в какие литературные разговоры не вступала, мнения своего ни о чем не высказывала. Она любила и понимала музыку. Ездил с дочерью в филармонию. Ходили слухи, что и Разумник Васильевич играл, и хорошо, на рояле, с которым они не расставались, но никто из нас никогда музыки в их доме не слышал. Варвара Николаевна печатала для мужа все его работы, и по некоторым замечаниям можно было понять, что являлась его авторитетным советчиком¹¹.

И все же, несмотря на многолюдные вечерние чаи, жизнь семьи Ивановых была исключительно замкнута. Мы так о них ничего не знали, что лишь через несколько лет знакомства с ними узнали — от того же Климовкина, что, кроме дочери, у них был еще и сын. Его бывший ученик по школе. Но о нем в семье никогда не упоминалось. Не решилась я спросить о брате и Инночку, с которой у нас были дружеские отношения. Ее родители очень любили, бережно относились к ее внутреннему миру. Закончив в 1927 г. Институт Истории Искусств как музыкальный критик, она не сумела найти работу по специальности¹² и в 1928 г. поступила на курсы радистов. Стала радистом высшего класса, имела благодарность за бесперебойную связь с Папанинцами (или Челюскинцами, боюсь допустить неточность)¹³. Об этом мы прочли в газетах. В семье же это событие с гостями не обсуждалось.

Совсем к концу нашего знакомства, в начале 1930-х гг. семья Разумника Васильевича переехала во флигель этого же дома с выходом на Лямин переулок¹⁴. После ареста Разумника Васильевича в 1933 г., когда он приезжал из ссылки и долго жил с семьей, мы почти не встречались. С дочерью его мы поддерживали отношения практически до конца войны. Всю блокаду она проработала на телеграфе главного почтамта в Ленинграде и очень часто заходила к нам. Жила совсем одна, у подруги, которая очень быстро

умерла. Сильно голодала. Она сообщила нам, что за неделю до прихода фашистов в г. Пушкин была у родителей, убрала им (под обстрелом) картошку с огорода и уехала, надеясь вскоре опять приехать. Но связь с Пушкиным была прервана, и она их потеряла из виду навсегда.

Примечания

¹ Котляров Григорий Михайлович (1884–1938) в 1933 г. был арестован по “делу Иванова-Разумника” и выслан на жительство в Алма-Ату, затем в Чимкент. В 1935 г. по ходатайству А. Н. Толстого возвращен в Ленинград для пересмотра дела. Но в связи с убийством Кирова вернулся в Чимкент, где в конце 1937 г. был арестован и выслан по этапу в Дальлагерь около г. Свободного. 31 марта 1938 г. умер от гангрены.

² Климочкин Василий Михайлович — учитель литературы и истории в Первой детскосельской трудовой девятилетней школе. Репрессирован в 1938 г.

³ Сиповский Василий Васильевич (1872–1930) — историк литературы.

⁴ Р. В. Иванов поселился с семьей в Царском Селе в 1907 г. и жил по адресу: Колпинская, 20 до 1929 г.

⁵ Толстая-Есенина Софья Андреевна (1900–1957) приезжала к Иванову-Разумнику в поисках помощи для издания подготовленного ею сборника стихотворений С. А. Есенина.

⁶ Райх Зинаида Николаевна (1894–1939) — жена С. А. Есенина в 1917–1921 гг. Их познакомил Иванов-Разумник весной 1917 г. в редакция петроградской газеты “Дело Народа”, где Райх работала техническим секретарем. В начале октября 1929 г. она, уже будучи женой В. Э. Мейерхольда, приезжала к Иванову-Разумнику (вместе с мужем и детьми Есенина Татьяной и Константином).

⁷ В сентябре 1929 г. детскосельские власти вынудили Иванова-Разумника и его родных выехать с квартиры по Колпинской, 20, где они прожили 22 года. См.: Белоус В. Г. “Скифское”, или Трагедия “мировоззрительного отношения” к действительности // Звезда. 1991. № 10. С. 158–166. Андрей Белый жил по соседству с Ивановым-Разумником с апреля 1931 г. по апрель 1932 г.

⁸ Оттенберг Николай Николаевич (1878–1956) — брат В. Н. Ивановой.

⁹ Иванова Варвара Николаевна (1881–1946) — урожденная Оттенберг; с 1903 г. жена Р. В. Иванова.

¹⁰ Речь идет о Ирине Разумниковне Ивановой (род. 1908) — дочери Р. В. и В. Н. Ивановых, которую домашние звали Инной.

¹¹ О том, как В. Н. Иванова “открыла” литературный дар Евг. Замятина см.: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. С. 147–148.

¹² И. Р. Иванова не закончила обучение в Институте Истории Искусств.

¹³ В архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 2. № 17) сохранились радиogramмы И. Д. Папанина, О. Ю. Шмидта и др. (1938–1940), принятые И. Р. Ивановой.

¹⁴ В 1933 г., когда Иванов-Разумник был арестован, его семья была вынуждена переселиться в деревянный, мало приспособленный для жилья дом № 4 по Ляминскому переулку.

Подготовка текста и комментарии В. Г. Белоуса и Л. Ф. Карохина.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРОШЛОМУ

Волею случая в 1942–1943 гг. оказались мы с Ивановым-Разумником в одном лагере для так называемых “перемещенных лиц” в прусском Конице, а затем и в Старгарде Гданьском. Я не знала Разумника Васильевича, мне было тогда всего 12 лет, и общалась я в основном с детьми своего возраста. Возможно, моя мама была с ним хорошо знакома, потому что лагерь был небольшой, да и жили мы, как оказывается, в одном бараке. Тем не менее, думаю, что мой рассказ о судьбе царскоселов в годы военного лихолетья будет еще одним, пусть и косвенным, свидетельством об Иванове-Разумнике.

Семнадцатое сентября сорок первого года запомнилось мне навсегда. В этот день немцы заняли город Пушкин, где жила наша семья.

На этот момент у нас оставалось несколько килограммов муки, крупы и макарон. Как будем жить дальше, когда все это кончится, было неизвестно. Чтобы как-то продержаться, бабушка устроилась на немецкую кухню чистить картошку. За работу ей давали котелок супа и сумку картофельных очисток, из которых она пекла лепешки. И все-таки мне сейчас трудно представить себе, как нам удалось прожить пять месяцев.

“Перемещенные” лица в Концком лагере. Четвертый слева — Иванов-Разумник (ЦГАЛИ СПб.)

Впрочем, выжили не все. Шестого января сорок второго года умер с голоду мой отец — советский писатель-фантаст Александр Романович Беляев. Человек он был больной. Кроме того, незадолго до войны ему была сделана сложная операция, после которой он еще не успел оправиться. Естественно, что такая еда не могла спасти его от голода. Похоронить его нам так и не удалось — не было готовых могил, а могильщики ушли менять полученные за работу вещи. И отец остался в склепе, где покойники лежали, словно дрова, штабелями. Хорошо еще, что удалось сделать гроб.

Ровно через месяц — шестого февраля сорок второго года немцы вывезли нас из Пушкина. Наше путешествие продолжалось десять дней. Шестнадцатого мы прибыли в город Конии Польского коридора, в лагерь для перемещенных лиц нерусской национальности. Дело в том, что моя бабушка была шведкой, что спасло нас от голодной смерти. Правда, цена этому была дорогая — потеря Родины. Впрочем, выбора у нас не было. Если бы мы отказались ехать, нас бы расстреляли. Об этом предупреждала комендатура.

Лагерь, куда нас привезли, находился за пределами города. Мимо его ворот проходила пыльная, даже зимой, дорога. С левой стороны лагеря, почти вплотную к нему, примыкало городское кладбище. Справа шли бескрайние поля. А с четвертой стороны был крутой спуск к деревне. Место открытое, ни деревца, ни кустика. Видимо еще и оттого, что лагерь стоял на пригорке, между бараками всегда гулял свирепый ветер. Иногда он достигал такой силы, что трудно было устоять на ногах. В лагере было пятнадцать барачных корпусов, две столовые, канцелярия и лазарет. И все это было обнесено колючей проволокой. Стерегла нас военизированная охрана литовцев, которая находилась в проходной. За ворота выпускали только по пропускам начальника лагеря и под конвоем. Бараки, вместо номеров, носили названия городов. Всех я уже не помню, знаю только, что по нашей стороне стояли: “Вин”, “Линц”, “Эссен”, “Капфенберг” и “Карльсруэ”. Одна столовая называлась “Западной Пруссией”, другая — “Восточной”. В каждом бараке было двадцать две комнаты. В комнате четыре двухъярусных кровати. Всего, не считая руководства, медперсонала и рабочих кухни и охраны, в лагере проживало почти три тысячи человек.

В нашем эшелоне были в основном жители Пушкина, Павловска, Гатчины и Петергофа. Кроме немцев, в лагере находились эстонцы, латыши, и литовцы. Все из Ленинградской области. А еще, не знаю уж как, попали сюда немцы из Поволжья.

Если не считать того, что в комнатах жили совместно мужчины и женщины, условия были вполне сносные: теплый туалет, умывальники с холодной и горячей водой, душевые и прачечная с сушильной комнатой.

Спасаясь от голода, в наш эшелон попало немало чисто русских людей. Некоторые уверяли, что у них немцами были бабушки или дедушки. Кто знает. Никто их за это не осуждал. Тем более, что это были старики и дети.

Утром мы поднимались по свистку коменданта и шли в столовую за завтраком, соблюдая очередность бараков. Работало несколько раздатчиц, и очередь практически отсутствовала. Так же, строем, ходили на обед и ужин.

Завтрак состоят из черного кофе и кусочка хлеба, к которому полагалось немного маргарина или мармелада. Хотя порции были очень маленькие, первое время кормили довольно вкусно и нам практически еды хватало. Постепенно литовки, работавшие на кухне, научились воровать и наша пища стала несъедобна. Многие из лагерных стали пухнуть. По весне, как только появлялась травка, ее съедали. Съедены были даже мороженые капустные кочерыжки, оставшиеся на грядках с прошлого года.

В начале лета на поляне за лагерем появился щавель. Лагерных женщин мобилизовали для их сбора. Сопровождала их повариха фрау Тилия. Она была невероятно толста, но добродушием не отличалась. Пока женщины собирали щавель, она разгуливала между ними и бдительно следила, чтобы никто из них не вздумал утаить пучок щавеля, спрятав его в карман или за пазуху. Если кто-то осмеливался сделать это, она начинала дико кричать и ругаться на всю округу, обзывая женщин воровками. Иногда пускала в ход и кулаки.

Летом, когда на полях не хватало рабочих рук, желающим предложили поработать у местных хозяев. Ни о какой плате не было и речи. Вся радость состояла в том, что работавших на поле кормили, а кроме того им оставался их лагерный обед.

По дороге, когда еще мы ехали в Кониц, моя мама не успела сесть на остановке в вагон — и в мороз, около часа, ехала на буферах, держась голыми руками за металлические поручни. В лагере у нее начался ревматизм. Работать мотыгой она не могла. Решилась на это наша старенькая бабушка, страдавшая пороком сердца.

Несколько десятков женщин работало на консервном заводе, который находился в соседнем городке. Работа была легкая — перебирали для дальнейшей переработки сушеные грибы. На работу ездили на поезде, сопровождаемые конвоем военизированной охраны из литовцев.

Из-за отсутствия радио, газет и другой информации жили слухами, которые рождались тут же, среди нас. Говорили об одном и том же — оставят ли нас тут насовсем или куда-то отправят. Разговоры эти были постоянными. Очень часто встречи знакомых начинались так:

— Вы слышали, говорят, нас отправят в... — назывался какой-нибудь город.

Через некоторое время место назначения менялось. И так без конца... Случайно мама узнала, кто распространял эти слухи. Им оказался мужчина, живший в одной комнате с нашей знакомой. Смеясь, он признался, что делает это ради забавы, чтобы проверить скорость передачи информации.

— Когда слухи вновь возвращаются ко мне, я придумываю что-нибудь другое и опять запускаю в массы.

Вообще в лагере были очень разные люди. Кто-то попал сюда, как и мы, по принуждению, кто-то по доброй воле, а кто-то и хитростью.

Одни, несмотря на пребывание в лагере под немецким начальством, остались патриотами. Другие приспособились, прижились в новой среде.

Помню, лагерь долго шумел и волновался после предложения руководства поселиться в пустующих домах на оккупированной немцами территории. Сейчас я уже не помню, где именно это было. То ли в Литве, то ли в Латвии. Желавших оказалось совсем немного. В основном, это были крестьяне, привыкшие жить своим домом. Ни из Пушкинских, ни из Павловских никто не поехал.

Отправили их очень быстро, и лагерь на какое-то время успокоился. Но потом, когда стали приходить от новоселов письма, все всколыхнулось. Первые вести были радостные — как-никак вырвались на волю. Живут в собственных домах, имеют сады и огороды. Однако последующие письма были полны раскаяния, страха и тревоги. Поселенцы писали о том, что по ночам местные жители нападают на них и вырезают целыми семьями. По вечерам страшно выходить на улицу, страшно жить среди враждебно настроенных людей.

В нашем лагере жил сын известного русского художника Клевера. Он тоже был художником. Лагерное начальство доставляло ему краски и он писал картины на заказ, облегчая этим свое жалкое существование. Плата была, конечно, чисто символическая.

Кто-то из лагерных разыскал своих родственников среди эмигрантов и уехал к ним. Среди них оказалась и наша новая знакомая Анна Павловна Бах, симпатичная элегантная старушка из Пушкина. Расставание было грустным, встретиться не надеялись.

Иногда в лагере появлялись посторонние лица. Несколько раз приезжал живший в эмиграции епископ Иоанн, о котором говорили, что он умеет читать мысли. Он ходил по баракам и беседовал с верующими. Среди нас было много православных.

Когда сошел снег и стало совсем тепло, по воскресным дням к нашему лагерю стал стекаться народ. Это были жители ближайших хуторов и горожане. Приходили по одному, по двое и даже целыми семьями, по праздничному одетые и веселые. Остановившись около лагерной ограды,

они разглядывали нас с нескрываемым любопытством, как заморских зверей. При этом они громко обменивались впечатлениями. Были среди них немцы и поляки. Женщины не уступали мужчинам в веселости и “остроумии”.

— Посмотри-ка, как он одет, наверное, спит в одежде! — кричала одна, заливаясь смехом.

— Тощие-то какие! — удивлялась другая.

— Скоро подохнут! — констатировал еще кто-то.

— Они у себя всю траву сожрали!

Это замечание вызвало особенно бурное веселье.

— Погорельцы! Погорельцы! — кривлялись женщины.

Дети, веселившиеся вместе с родителями, шумно вторили им. И так каждое воскресенье...

В Конице мы прожили ровно год. В списке отбывавших в другой лагерь, в прусский Старгард, оказалась и наша семья. Так закончилось житье в первом лагере, а впереди было еще четыре: в Западной Пруссии, Померании, Австрии...

Конец войны нас застал в городе Бруке, на реке Мур. На наше счастье, части красной Армии пришли к нам, когда Австрия уже капитулировала. Я потому говорю “на наше счастье”, что первые слова, которые мы услышали от советских танкистов, были:

— Жаль, что мы не пришли сюда на два дня раньше, мы бы всех вас подавили танками, к чертовой матери!

А потом... потом была комиссия, которая без суда и следствия отправila всех нас, за наши прегрешения, на долгие годы в ссылку...

ВОЕННЫЕ ГОДЫ ИВАНОВА-РАЗУМНИКА: реконструкция по письмам и воспоминаниям

Немцы заняли Царское Село 17 сентября 1941 г. Так Иванов-Разумник с женой оказались на оккупированной территории. Живя в Пушкине до войны, он занимал должность уполномоченного Литературного музея в Москве, для которого собирал архивные материалы. Но вся его должность закончилась с началом войны. Когда немцы начали исследовать остатки архива местного НКВД, то выяснилось, что 19 сентября предполагалось снова арестовать Иванова-Разумника и отвезти его в тыл, но помешало слишком быстрое наступление немецких войск. Опоздай они на два дня, и этому гнусному плану НКВД удалось бы осуществиться, и, скорее всего, Иванов-Разумник погиб бы. Из неопубликованных воспоминаниях детской писательницы Евг. Мор [Е. Н. Сидорова — здесь и далее в квадратных скобках примечания мои — Ж. Ш.], сохранившихся в Бахметевском архиве при Колумбийском университете в Нью-Йорке есть такие сведения об Иванове-Разумнике:

«В декабре [1941] было объявлено, что все, у кого есть родня в Прибалтике, могут покинуть город, а так же и все Volksdeutsch. [Жена Иванова-Разумника была немецкого происхождения, урожденная Оттенберг.] Их обещали свезти в Гатчину, а оттуда поездом в Балтийские страны и в Германию. Жена Разумника Васильевича начала хлопотать о выезде, так как у них была родня в Литве. Совершенно больного, его присоединили к транспорту эвакуирующихся из Царского Села — Пушкина... На открытых грузовиках в жуткий мороз (в конце января) нас довели до Гатчины, а там, после кошмарной ночи в холодном бараке, погрузили в нетопленные вагоны и куда-то повезли. Мы проехали Эстонию и только в Риге поезд остановился. Но нас не выпустили из вагонов и не оставили в Прибалтике, а повезли дальше в Германию. Таким образом 6-го февраля 1941 года мы очутились вместе с “Разумниками” (как их всегда звали) в одном из переселенческих лагерей в Западной Пруссии [город — Конниц, под Данцигом], где просидели целый год за колючей проволокой без права выхода за пределы лагеря...

Разумники никак не могли добиться, чтобы их выпустили в Литву к родственникам. По каким-то неизвестным причинам их продолжали держать в лагере, как и многих других, стремящихся вырваться в Балтийские страны. К их счастью, в городе, около которого был лагерь, нашелся их знакомый из русских немцев. Он отхлопотал их к себе, как бы в от-

пуск из лагеря на неопределенное время. Разумники переселились к нему в дом, где была прекрасная русская библиотека. Но только они обжились и отдохнули, как их вернули обратно. С грустью покинули они уютный дом и свои гостеприимных хозяев»¹.

В других воспоминаниях [Л. Осиповой] этой поры есть некоторые дополнения к информации Е. Мор, а также сведения о брошенной библиотеке и архиве Иванова-Разумника:

«Иванова-Разумника вели на машину под руки. У него совсем плохо с желудком — голодный понос. Как он доедет! Везут их куда-то за 70 км, в пересыльный лагерь. Разумники должны оттуда проехать в Литву, к его племяннику, у которого там имение. Если доедут, то какие они будут счастливые...

Погибла библиотека Разумника Васильевича. Она находилась в его квартире, на территории нашего санатория. Сейчас этот район совершенно недоступен для гражданского населения. А там было собрано несколько тысяч томов и все уникамы. Солдаты рвут и топчут и топят печки ими. А там была его переписка с такими поэтами как Вячеслав Иванов, Белый, Блок и прочими символистами и всеми акмеистами. Несколько раз умоляли немцев из этого дурацкого СД вывезти все эти сокровища. Всякий раз обещали и ничего не сделали. И теперь все это пропало. Ничего не осталось»².

Эмигрантский критик, ныне покойный, Вячеслав Клавдиевич Завалишин (1915–1995) в частном письме упомянул об этом периоде жизни Иванова-Разумника так: «Супругов поселили в г. Кониц (около Данцига), но не в лагерь перемещенных лиц, как Вы пишете (тогда такого слова не было), а в лагерь для рабочих с востока»³.

В общем Иванов-Разумник и его жена прожили в Конице с февраля 1942 г. по февраль 1943 г. Оттуда в середине апреля 1942 г. он дал объявление в русскую газету “Новое слово” (№ 30 (412) 15.04.1942), которая выходила в Берлине с 1933 г. под редакцией В. М. Деспотули, о своем появлении за границей:

**«Писатель ИВАНОВ-РАЗУМНИК, приехавший
из освобожденных областей, просит всех друзей
и знакомых откликнуться по адресу:
IVANOW-RASUMNIK. Barackenlager. Baracke “Essen”,
Zimmer 8, Konitz (Westpr.)»**

На это объявление сразу откликнулась писательница Нина Берберова (письмо от 30 апреля 1942 г.):

«Многоуважаемый Разумник Васильевич,

Ваше объявление в “Новом Слове” чрезвычайно удивило и взволновало меня: Вы ли это, автор статьи о “Двенадцати” и “Скифах”, друг Белого и Блока, сотрудник Вольфилы? Здесь, за границей, был, года три назад, слух о Вашей смерти.

Если это Вы, то буду рада получить от Вас ответ, узнать, каким образом Вы попали в Германию, не нуждаетесь ли в чем? давно ли из Петербурга? Здесь, в Париже, находятся многие из Вам знакомых литераторов: Зайцев, Шмелев, Бердяев, о. Булгаков; Бунин на юге. Бальмонт, хоть и жив, но как бы уже и не жив. Вяч. Иванов в Италии.

Сама я писательница, издала здесь немало книг, писала (пока они были) в здешних журналах и газетах. С 1922 по 1932 г<оды> была женой В. Ф. Ходасевича, с которым уехала за границу. Теперь он умер.

С глубоким уважением

Н. Берберова»⁴.

Иванов-Разумник мгновенно ответил ей:

«Многоуважаемая Нина Николаевна,

Вы не ошиблись — я “тот самый”; и мы с Вами мельком встречались в Петербурге (по-видимому — в Вольфиле). Рад был получить Ваше письмо (вчера — т. е. на десятый день), также как до него — письмо из Парижа от Ремизова и из Биаррица от Георгия Иванова. Я им уже давно ответил — открытками, чтобы убедиться, доходят ли письма, но до сих пор не имею от них ответов. Поэтому же пишу сегодня открытку и Вам; если получу ответ — напишу пообстоятельнее. <...> — Был огорчен известием о смерти В. Ф. Ходасевича, — это был острый и талантливый человек...

Заграничный слух о моей смерти, как и в случае с Марком Твенном, был сильно преувеличен; я, правда, много раз за эти годы умирал, но не физически, а граждански.

Вы спрашиваете — не нуждаюсь ли я в чем? Очень нуждаюсь в двух вещах, в одной из которых Вы можете помочь: нуждаюсь — *в книгах*. Буду благодарен, если вышлете мне свои, появившиеся за эти годы в заграничных издательствах. — Вторую мою “нужду” вряд ли Вы можете удовлетворить: столь же остро нуждаюсь и в табаке»⁵.

Получив это письмо, Берберова ответила:

«Многоуважаемый Разумник Васильевич, Вашу открытку получила, спасибо. Завтра еду в Париж (40 верст) и наведу справки — как послать Вам книги — а кстати и табак, — нужна ли цензура, дозволено ли это? Если дозволено, то вышлю Вам свои книги, а также Бунина, Сирина (прекрасный писатель, самый талантливый из новых наших здешних, 40-ка лет, сын кадета Набокова), и еще, что достану. Уже из Ваших фельето-

нов в “Н<овом> С<лове>” я поняла, что Вы — Вы. Нечего говорить, как мне хотелось бы увидеться с Вами! Да и не мне одной... Хочется задать Вам тысячу вопросов: о последних годах Белого, о смерти Горького (правда ли официальная версия отравления?), об Ахматовой, о самоубийстве Цветаевой, о моих сверстниках. Но все это Вы, вероятно, расскажете постепенно. Хочется Вас спросить и о нашем городе, где у меня остались отец и мать. Думаю, что и могил их не найду.

Мы уже очень давно не видели никого, кто бы приехал по доброй воле из чумных мест. А вот уже скоро 3 года, как не видали ни газет, ни книг оттуда. Есть у меня кое-кто из друзей, кот<орые> сражаются на восточном фронте сейчас. Вести от них — самое волнующее, что только может быть. Здешняя наша жизнь — одно ожидание.

Если Вас закинет в Берлин, Вы, вероятно, встретите там немало русских, полузнакомых, а мож<ет> быть и знакомых. Сознаю, Ваша судьба удивительна. Вы мне кажетесь драгоценным сосудом, кот<орый> наконец-то доставили на берег после 20-тилетней бури»⁶.

Газета “Новое слово” пригласила Иванова-Разумника написать несколько статей о советской литературе и о судьбе некоторых литераторов. В апреле 1942 г. появилась его первая статья. Всего было шесть статей, которые появились в продолжении 1942–1943 гг. (Позже они были собраны вместе и изданы под названием «Писательские судьбы» в Нью-Йорке в 1951 г.) В частном письме Завалишин приводит историю написания этого цикла статей:

«Разумнику Васильевичу надо было как-то обосновать свое пребывание в лагере, чтоб перейти на частную квартиру. Ему предлагали работать для штаба Розенберга, но это было морально неприемлемо для него. Тогда возникла идея цикла очерков “Писательские судьбы”. Но где же их поместить? Разумник Васильевич долго не мог решиться на публикацию своих материалов в газете “Новое слово”, выходящей в Берлине. Прежде чем попасть на стол редактора “Нового слова”, очерки были прочитаны Николаем Николаевичем Брешко-Брешковским (сыном Екатерины Брешко-Брешковской), Сергеем Алексеевичем Аскольдовым, и знаменитым генетиком Тимофеевым-Ресовским. Тимофеев-Ресовский находил, что оба режима, сталинский и гитлеровский — ужасны. Но в каких-то отношениях гитлеровская Германия имела преимущества. Так, Разумник Васильевич крайне нехотя сдал цикл очерков в “Новое слово”»⁷.

Иванов-Разумник и сам сомневался в намерении печататься в немецких печатных органах. Уже сразу после появления первой статьи он выразил свои опасения:

«Скука здесь дикая, писать есть о чем, так что я, лежа в лазарете, написал целых четыре статьи, целую серию под общим заглавием “Две

жизни султана Махмуда”, с подзаголовком “Листки из воспоминаний”, и послал их в газету. Вы сами увидите, что это такое; полагаю, что стыдиться этих писаний мне не придется. Но вот вопрос: не придется ли стыдиться соседей? По крайней мере в одном из номеров этой газеты, только что мною полученной, я прочел статью... и серию статей..., от которых разит»⁸.

В. М. Зензинов, который впервые опубликовал «Писательские судьбы», высоко оценил статьи Иванова-Разумника в своем докладе военных лет: «Я должен сказать, что слышанное мною по адресу Иванова-Разумника обвинение, что он “продался” гитлеровцам, мне кажется несправедливым. Разве в оглашенном мною материале Иванов-Разумник высказался против своих убеждений? Где и в чем высказался он в угоду гитлеровцам? Здесь имеются горькие, резкие и жестокие слова и суждения по адресу большевиков и советской влатси, но нет ни одного слова против России»⁹.

Нина Берберова положительно отзывалась о статьях Иванова-Разумника: «Недавно я прочла 2 Ваши статьи в “Berliner Zeitung”. Не могу Вам сказать, как они были интересны и сколько они мне дали обо всем новом». Зато сам Иванов-Разумник довольно сдержанно относился к этим статьям: «Спасибо за добрый отзыв о моих газетных очерках, которые пишу через силу — чем и объясняется почти четырехмесячный перерыв в их появлении. Но недавно пересилил себя и послал сразу 4 статейки, три из которых связаны между собой одной темой: “Советская Литература”. Я — человек не газетный, своими газетными очерками совсем недоволен, вот почему, вероятно, и пишу их с такой неохотой»¹⁰.

Архимандрит Иоанн Берлинский (князь Д. А. Шаховской, 1902–1989; псевдоним — Странник, впоследствии архиепископ Сан-Франциский) обратил внимание на писания Иванова-Разумника. Он приглашал Иванова-Разумника в Берлин и предлагал содействовать сближению его с газетой “Новое слово”. В одном письме архимандрит Иоанн критически отнесся к заявлению Иванова-Разумника относительно искажения редакцией его статьи: «Вот вы упомянули о заглавии Вашей первой статьи, выдуманном редакцией “Н<ового> Слова”. Надо было испортить хоть одну строку, чтоб статья сразу получила свою настоящую, “динамическую” цену... Испортить редакция десять строк, в этом духе, статья выиграла бы еще в десять раз, для некоторых, не столь ценителей, сколь — “объектов” слова»¹⁴.

Иванов-Разумник отказался от приглашения Архимандрита Иоанна, объяснив это в письме от 11 февраля 1943 г. так: «Не сделали ли мы ошибку, что не просились в Берлин? В Берлин попасть мы могли, но, к счастью, не попали. К счастью, потому, что могли попасть только через газету, для чего надо было бы стать в близкие к ней отношения, от чего упаси

Бог. Достаточно того, что я сунулся в нее прошлой весной, не зная, куда я суюсь... Уж лучше сидеть в тюрьме и лагере».

К этому времени Иванов-Разумник вел переписку со многими эмигрантскими литературными деятелями, которых знал до революции. Характерно его письмо писателю Борису Зайцеву:

«Дорогой Борис Константинович,—

не удивляйтесь такому неожиданному обращению: Ваше письмо, дошедшее до меня на Троицу и Духов день, так порадовало, что не могу и не хочу начинать письма шаблонным “многоуважаемым”. Вы правы: никогда в России мы не были близки, но теперь — мы немногие уцелевшие обломки разных пластов одной и той же геологической формации (простите за кудреватое выражение, так уж написано) — отходящей в прошлое незабываемой полосы русской культуры. Очень одиноко чувствую теперь себя я, выброшенный волною войны в тихую заводь Barackenlager’a — и сердечное письмо Ваше особенно порадовало возможностью в будущем избавиться от этого одиночества»¹³.

С марта по июль 1943 года Иванова-Разумника и его жену перевели в пересыльный лагерь в городе Старгард в Пруссии, где они жили в страшных условиях, как вспоминает Мор: «Вскоре всех нас перебросили в другой лагерь, в Preussisch Stargard. Часть людей расселили по деревянным баракам, другая же часть попала в каменные дома “Anstalt”, находившиеся на территории психиатрической лечебницы Konradstein. Это был целый городок. Мы, попавшие в деревянные бараки, оказались счастливыми, не будучи в непосредственной близости с душевнобольными. Но бедные “Разумники” попали в каменную казарму, и им приходилось вечно сталкиваться на улице с сумасшедшими или видеть их в домах напротив, где они, цепляясь за решетки, лезли на окна и дико кричали, а санитары избивали их»¹⁴.

Наконец родственникам Иванова-Разумника удалось вырвать их из лагеря к себе в Литву, в имение Данилишки. Там они пробыли с августа 1943 г. по март 1944 г. Иванову-Разумникову удалось полностью сосредоточиться и закончить свою книгу воспоминаний (которые были изданы в Нью-Йорке под названием “Тюрьмы и ссылки” в 1953 г.) Отсюда он писал Берберовой: «Я много работаю, кончил книгу (“в письменный стол”!), на очереди вторая и третья. Но при нынешнем размахе мировых событий — не до книг.

Вот уже 7–8 месяцев, как мы живем в глухой деревенской усадьбе; за это время я много наработал,— авось когда-нибудь попадем в Париж и тогда можно будет в дружеском кругу поделиться кое-чем из написанного. Но это — улита сдет, и прибудет вероятно не раньше конца войны»¹⁵.

В очередном пиьеме к Берберовой от 20 февраля 1944 г. он говорит о предстоящем переезде снова в город Конии: “Скажу только, что наше

Русская Православная Церковь, за границей
Russische Orthodoxe Kirche im Ausland
Russisch-orthodoxe Diözese des Bistums von Berlin und Deutschland
Kirchenamt des öffentlichen Rechts

**Метрическая выписка
Auszug aus dem Kirchenregister**

Часть III с 65 страниц
Teil III Eintragungen

за год _____ 1946 _____
für das Jahr

имени _____ Свято-Николаевской церкви _____
der Kirche

и _____ Игнатов _____
in

Свидетельство о смерти Р. В. Иванова-Разумника
(получено от С. С. Вороницына).

Выпись из Метрической книги, часть III, об умерших
Auszug aus dem Kirchenregister, Teil III, Beisetzungen

Счет умерших мужского пола 8 женского пола
Ordnungszahl der Verstorbenen männlich weiblich

Год, месяц и день смерти
Datum des Todes 9 Мая 1946 года

День погребения
Datum der Beerdigung 13 мая 1946 года

Место смерти
Gestorben in МОНЖЕН

Имя, отчество и фамилия умершего/умершей
Vorname, Vatersname und Familienname des/der Verstorbenen
Разумчик Евазов, б.русский подданный, писатель

Девичья фамилия
Geborene _____

Дата рождения
Datum der Geburt _____

Погребение совершил
Die Beisetzung vollzog Васильев М.И. настоятель М.Монженского прихода Епископ
Александр в сослужении протоиерея Герасима Мосца

Настоящее свидетельство во всем соответствует с записью в Метрической книге
Die Richtigkeit des Auszuges wird bezeugt

Место и день
Ort und Datum
Монжен, 12.8.94

Подпись настоятеля
Handwritten signature of the pastor, likely Vasilev M. I.

деревенское сиденье подходит к концу, так как мы предполагаем во второй половине марта стать уже городскими жителями.

Долго ли мы пробудем в этом городе — неизвестно; вероятно нам суждены еще многие скитания; и кроме какого большого корабля удасться нам привязать свой челнок — неведомо, но вероятно лишь с концом войны придет конец и нашим скитаниям. Очень завидуем всем вам, оседло живущим, и пожалуй предпочли бы жить под бомбами, но в своем углу, чем жить без бомб, не имея своего пристанища”¹⁶.

Иванов-Разумник с женой поселились на частной квартире у судьи Олафа Велдинга (Olaf Welding). Здесь они прожили с апреля 1944 г. до февраля 1945 г., когда им пришлось бежать от наступающей Красной Армии. В письме философу Федору Степуну (1884—1965) Иванов-Разумник говорит о своем будущем и о будущем русской культуры за границей:

«Война эта, ”вторая семилетняя”, движется так, что напоминает теорию Льва Толстого в ”Войне и мире” о фатальном движении народов Европы сперва с Запада на Восток, а потом обратно с Востока на Запад. Но нынешняя вторая семилетняя война — более широкого размаха: тут обратное движение идет и с Востока, и с Запада, и с Юга, и даже с Севера. А мы оказались спрессованными в центре всех этих приложений сил — положение довольно жуткое. Если Запад и Восток одолеют Германию, то ”отец народов” немедленно потребует выдачи ему на расправу и вас, старых эмигрантов, и нас, новых беженцев.

Но если даже единицы и уцелеют, то когда еще удастся наладить русскую культурную жизнь за границей в том размере, в каком она была до войны,— многие издательства, газеты, ”Современные Записки” и т. д. Боюсь, что вся эта линия культуры невосстановима. А между тем нельзя пассивно складывать руки и уцелевшим придется снова начать свою кропотливую работу — в безмерно более трудных условиях, чем это было после Первой мировой войны и революции, если действительно свершится та ”большевизация Европы”, о которой теперь пишут все газеты. Придется ждать решения от Третьей мировой войны, которая, надо полагать, неизбежна во второй половине XX века»¹⁷.

Следующие письма Иванова-Разумника шли уже из северной части Германии, из Рендсбурга, где Иванов-Разумник и его жена осели. Там они прожили целый год, до марта 1946 г., когда его жена скончалась от болезни. После войны Иванову-Разумнику удалось восстановить контакт с Борисом Зайцевым. В последнем письме, которое сохранилось от этой переписки, Иванов-Разумник сообщает, что случилось с ними за последний год:

«Минувший год был черным для меня: весной прошлого года тяжело заболела моя жена, с которой мы рука об руку странствовали сорок три года по всем каменистым тропинкам жизни. Прохворала она, не вставая

с постели почти год, и скончалась два месяца назад; похоронил я ее в Рендсбурге (городок на Кильском канале) — и остался одиноко дожидать свой печальный век. Где, как и чем жить дальше — ума не приложу.

Но не у одного меня горе. Недавно получил письмо от жены С. П. Постникова (которого Вы, вероятно, знали?) о трагической его судьбе. Много тяжелого суждено было нашему поколению и на родине, и за рубежом, — и до сих пор конца края не видать»¹⁸.

В апреле 1946 г. Иванов-Разумник переехал к своему племяннику в Мюнхен, у которого он прежде жил в Литве. Последнее письмо, которое написал Иванов-Разумник (от 3 июня 1946 г.) было адресовано Степуну.

«Если Вы бываете в Мюнхене, то очень рад был бы встретиться с Вами. Я живу в семье моего племянника (адрес — на обороте), имею отдельную комнату, могу работать — хотя и без всякой возможности реализации (печатной) своих работ. Многие погибли во время бегства из Коница. Удалось ли Вам спасти свое самое ценное (т. е. рукописи), уезжая из Дрездена?

Если будете писать мне — пишите на имя моего племянника, не упоминая моего имени. Мы здесь все еще живем под дамокловым мечом "репатриации", но очень надеемся на защиту и UNRRA, и UNO. А впрочем — надо быть готовым ко всяческим дальнейшим неожиданностям, и не только в нашей личной судьбе, но и в судьбах мировых. Впереди еще много всего будет.»¹⁹

Но, увы, в ночь после написания этого письма у Иванова-Разумника произошел удар, от которого он умер через пять дней. Вскоре после этого события Берберова писала историку Б. Николаевскому:

«Умер он, если верна информация П. А. Берлина, от радости, увидя в руках пришедшего к нему члена ОРТа американскую визу. От меня первой, видимо, получил мысль о возможном выезде в Америку. Весной пришло его письмо (после двух лет молчания — вынужденного, конечно), — о том, что он жив, находится в Шлезвиге, работает в УНРА. Я сейчас же послала ему все американские адреса, какие имела: Зензинова, Ваш, журналов и проч., советуя ему написать в Америку и просить визу. ОРТ видимо ему помог. Но он, бедный, потеряв в марте жену, был уже обессилен борьбой за жизнь, и сердце его не выдержало радости, как выдержало горе».

Иванова-Разумника похоронили в Мюнхене. Хотя часть его эмигрантского архива находится в частном собрании в Калифорнии, но на сегодняшний день архив этот недоступен исследователям.

Виктор Чернов, говоря о заслугах Иванова-Разумника, дал высокую оценку его "эмигрантским" годам:

«Друзья, видевшие Иванова-Разумника в последние годы его жизни, передают, что, вырвавшись из советских тисков и чувствуя приближение смерти, он жил одной мыслью, одним желанием: посвятить весь остаток своих сил изображению всего того, что он видел. И, догорая физически, он дни и ночи писал, в Литве ли, или в Германии, за колючей проволокой лагеря, где его держали немцы, эти воспоминания, о которых востину можно сказать, что они писаны кровью сердца и соком нервов человека, прошедшего тридцать лет “в немой борьбе” с самым бесчеловечным режимом и получившего, наконец, перед смертью, возможность вынести на свет дня то, что творится под сенью этого режима».

Примечания

¹ *Mop Ezg. Воспоминания об Иванове-Разумнике // Columbia University, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive, Sidorova Collection.*

² *Осипова Л. Дневник коллаборантки: Царское Село (Город Пушкин) // Грани. 1954. № 21. С. 124; 122.*

³ Письмо публикатору от 9 мая 1994 г.

⁴ Частное собрание (США).

⁵ *Cheron G. The Wartime Years of Ivanov-Razumnik: Correspondence with N. Berberova // Literature, Culture, and Society in the Modern Age: In honor of Joseph Frank. Part II. Stanford Slavic Studies. Vol. 4:2. Stanford, 1992. P. 398.*

⁶ Частное собрание (США).

⁷ Письмо от 9 мая 1994 г.

⁸ От редакции // *Социалистический вестник. 1949. № 8. С. 159.* Отточия в тексте принадлежат автору статьи. Цитируемое письмо Иванова-Разумника, вероятно, адресовано Сергею Порфирьевичу Постникову (1883–1964).

⁹ *Columbia University, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive. Zenzinov Collection (Box 36).*

¹⁰ *Cheron G. Op. cit. P. 401.*

¹¹ Частное собрание (США).

¹² От редакции // *Социалистический вестник. С. 159.*

¹³ Письма Иванова-Разумника Б. К. Зайцеву / Публ. В. Г. Белоуса, Я. В. Лентьева, Ж. Шерона // *Звезда. 1996. № 3. С. 114.*

¹⁴ См. прим. 1.

¹⁵ *Cheron G. Op. cit. P. 403.*

¹⁶ Там же. P. 403.

¹⁷ *Шерон Ж. Неопубликованные письма Р.В.Иванова-Разумника // Новый Журнал. 1989. Кн.174. С.314.*

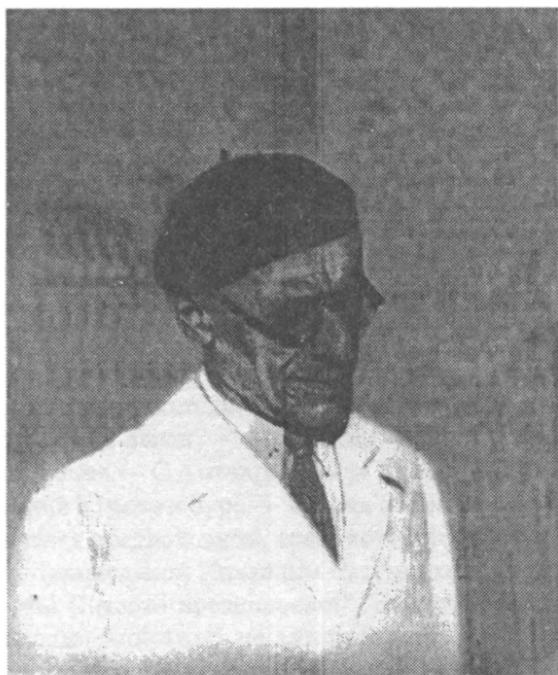
¹⁸ См. прим.13.

¹⁹ См. прим.17.

²⁰ *Cheron G. Op. cit. P. 396–397.*

²¹ *Чернов В. Р. В. Иванов-Разумник // Социалистический вестник. 1949. № 8. С. 159.*

ТВОРЧЕСТВО

“СКИФСКОЕ” — НЕОПУБЛИКОВАННАЯ КНИГА ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

“Скифство” — символическое определение важнейших стимулов мироощущения и основ идеологических построений, обозначившееся в сознании Иванова-Разумника в 1910-е гг. и особенно глубоко осмысленное им в годы мировой войны и революции¹, — нашло свое отражение в целом ряде его статей; потребность объединения этих печатных выступлений в программный сборник специфически “скифского” звучания была отчетливо осознана их автором уже в 1918 г. К этому времени относится составленный Ивановым-Разумником план издания своих “Сочинений” в десяти томах: тт. I–III — “История русской общественной мысли”, т. IV — “О смысле жизни”, т. V — “Великие искания” (монографии о В. Г. Белинском и Л. Н. Толстом), т. VI — “Пушкин и Белинский” (историко-литературные статьи), т. VII — “Литература и жизнь” (публицистика), т. VIII — “Творчество и критика” (литературно-критические статьи), т. IX — “Скифское”, т. X — “Год революции” (публицистика 1917 г.)² 9-й том (“Скифское”), согласно этому плану, должен был состоять из следующих работ:

“Скифское.— Скиф в Европе.— Драмы Герцена.— Герцен и революция 1848 года.— Герцен о демократии и мещанстве.— Юношеский роман Герцена.— Грановский.— Роман о революции.— Черная Россия.— Моховое болото и клопные шкурки.— Осипы и Никодимы.— Земля и железо.— Восток или Запад? — Иго войны.— Испытание огнем.— Социализм и революция.— С Антихристом за Христа.— Бобок.— Две России.— Испытание в грозе и буре.— Россия и Инония”.

Том открывался предисловием, текст которого в основе своей восходил к 2-й части (написанной Ивановым-Разумником) редакционного манифеста “Скифы (Вместо предисловия)”, открывавшего одноименный сборник³; приводим этот текст по авторизованной машинописи, сохранившейся в архиве Иванова-Разумника⁴.

СКИФСКОЕ⁵

...”Скифское” — глубокая непримиримость, непримиримость не по форме своей, а по сущности, по духу, эту сущность проникающему. “Скифское” — вечная революционность, революционность — для любого строя, для любого “внешнего порядка” тех исканий непримиренного и непримиримого духа, отблеск которых — пусть слабый — лег и на страницы этой книги.

И пусть эта неудовлетворенность, эта непримиренность всегда будет уделом мягущихся духовных “скифов”, пусть в укор им неправильно ставится спокойная гармония и закругленная примиренность духовных “эллинов”, — пусть: да, вечно существует это разделение, это разграничение, но не между “эллином” и “скифом”, а между ними и кем-то третьим, радующимся... Радующимся — и рядящимся самозванно в эллинские одежды. И пусть когда-нибудь сбудется, по слову писания — “несть эллин и иудей”⁶, но мы твердо знаем, что всегда будут в разных станах “эллин” и “скиф” с одной стороны, и этот некто “третий” — с другой, что непримирима их сущность, несоизмерима их душа.

Великий русский поэт, воплотившись на минуту в древнего эллина-эпикурейца, воспел умеренность, закругленность, примиренность во всем, в великом и в малом, в жизни и в смерти, в любви и круговой чаше...

Мы не Скифы не люблю,

Други, пьянствовать бесчинно...⁷

Как далек он был душою, как далек он был всей жизнью своею от этой проповеди тихого, умеренного приятия жизни, тихого, размеренного житейского горения! И если вино не должно проливаться “бесчинно”, то бывают времена и сроки, когда еще преступнее “жизни пьяное вино растворять водою трезвой”⁸:

Теперь некстати воздержанье:

Как дикий скиф хочу я пить.⁹

И эти времена и сроки — всегда перед нами; всегда кипит перед нами вечное вино жизни. Бесчинно проливают его безумцы, по каплям смакуют его духовные скопцы. Но если безумец может быть оправдан, то скопец — всегда осужден.

Или Бранд — не безумец? “...Когда-нибудь поймут, что лучше пасть, чем победить, и поражение назовут победой высшей!”¹⁰ — Или это — не безумие? Его “воля до конца”, его “бой без отступленья” — разве это не безумие тоже? Его борьба с духом Зла, духом Компромисса — разве это не духовное “бесчинство”? Его завет “все или ничего” — разве это не “пьяное вино жизни”? И “quantum satis Бранда воли”¹¹ — не есть ли преступление, бесчинство, безумие в глазах всех мещан всего мира?

Ибо не Эллин противостоит Скифу, а Мещанин — всесветный, “интернациональный”, вечный. В подлинном “эллине” всегда есть святое безумие “скифа”, и в стремительном “скифе” есть светлый и ясный ум “эллина”. Мещанин же — рядится в одежды Эллина, чтобы бороться со Скифом, но презирает обоих. Слово его не совпадает с делом, мораль личная не совпадает с моралью партийной, общественной, государственной, но зато “деяние” для него — самоценно и совпадает с “личностью”. Это он, бескрылый и серый, поклоняется духу Компромисса; это он гну-

саво смеется над “безумными” словами Бранда: “знайте ж вы: дух Компромисса — Сатана!..” Это он, трезвый и плоский, заменяет непонятную ему истину “в начале бе Слово” — другой, понятной и простой: “im Anfang war die That”¹². Ибо для него не Личность, а Деяние есть самоценность, цель и высший Судия. Это он, всесветный Мещанин, погубил мировое христианство плоской моралью, это он губит искусство — в эстетстве, науку — в схоластике, жизнь — в прозябании, революцию — в мелком реформаторстве. И компромиссный социализм, и замаранное моралью христианство, и эстетствующее искусство, и вырождающаяся в реформизм революция — его рук это дело, и злорадно хихикает он, потирая руки, он, “третий радующийся”, он, рядящийся в платья Эллина, он, и мелкий, и злобный, и безустанный враг Скифа.

И здесь — их вечная вражда, здесь — их “смертная борьба”, борьба реакционности в разных масках — в маске “прогресса”, в маске “социализма”, в маске “христианства” — с революционной сущностью, с “волей до конца” во всех областях, во всех кругах жизни и творчества — в политике, в науке, в искусстве, в религии.

И если есть “скифы”, если есть “эллины”, то враг у них все же общий: это он, “третий”, вечный победитель в ближайшем, вечно побеждаемый в грядущем. Пусть торжествует в настоящем всесветный Мещанин: смех его смешан со злобою и опасением. Ибо чувствует он, что и личина Эллина не поможет ему скрыть свое лицо, ибо знает он, что стрела Скифа — его не минует.

Июнь 1917 г.

Ни десяти томное издание “Сочинений”, ни отдельный сборник “Скифское” тогда света не увидели, и часть статей, намеченных для 9-го, “скифского”, тома, Иванов-Разумник ввел в другие свои книги. Четыре статьи о Герцене — «“Маленький роман” Герцена (Герцен и Медведева)» (в плане: “Юношеский роман Герцена”; впервые под заглавием “Неизвестная повесть Герцена (А. И. Герцен и П. П. Медведева)”: Русское Богатство. 1912. № 5)¹³, “Драмы Герцена” (впервые: Русское Богатство. 1912. № 3), “Герцен и революция 1848 года” (впервые под заглавием “Герцен в 1848 году”: Русские Ведомости. 1912. № 71, 25 марта), “Герцен о демократии и мещанстве” (впервые под заглавием “Три письма Герцена”: Современник. 1912. № 5) — вошли в его сборник “А. И. Герцен” (1920). Перечень книг Иванова-Разумника, помещенный в этом издании, завершался следующим объявлением:

“13. Скифское. — Сборник статей в трех частях (Печатается).

I. Моховое болото (статьи 1912–1914 гг.).

II. Испытание огнем (статьи 1914–1917 гг.).

III. Две России (статьи 1917–1920 гг.)”.

“Скифское” в трех частях не увидело света, но несколько статей, предполагавшихся в 1920 г. к включению в это издание, вошло в книгу Иванова-Разумника “Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912–1913 гг. 1. Черная Россия” (Пб., “Эпоха”, 1922); все статьи этой книги, за исключением “Калифа на час”, впервые напечатанного (под заглавием “О Куприне”) в “Русских Ведомостях” (1912. № 41, 19 февраля), ранее были опубликованы в журнале “Заветы”. Из статей, зафиксированных в приведенном выше плане “Скифского”, в “Заветном” напечатаны: “Было или не было?” (в плане — “Роман о революции”), “Черная Россия”, “Моховое болото и клопные шкурки”, “Осипы и Никодимы”. Вышедшая в свет 1-я книга “Заветного” оказалась единственной реализованной частью общего замысла — собрания статей Иванова-Разумника в четырех книгах, готовившегося к печати в издательстве “Эпоха” и представлявшего собой новую, более развернутую модификацию все того же “скифского” замысла. В перечне книг Иванова-Разумника, помещенном в “Заветном” (С. 174), значилось:

“14. Заветное.

Статьи о культурной традиции

I. Черная Россия.— Статьи 1912–1913 г.

II. Вечные пути.— Статьи 1913–1914 г.

Изд. “Эпоха”, 1922. (Печатается).

15. Скифское.

Статьи о духовном максимализме

I. Иго войны.— Статьи 1914–1917 г.

II. Две России.— Статьи 1917–1918 г.

Изд. “Эпоха”, 1922 (Печатается).”

О предполагавшемся содержании 2-й книги “Заветного” (“Вечные пути”) можно составить представление по общему плану этого цикла, составленному Ивановым-Разумником еще до того, как был окончательно определен состав 1-й книги (“Черная Россия”):

Содержание

Заветное

Черная Россия

Русская литература “десятих годов”

Черная Россия

Моховое болото и клопные шкурки

Было или не было?

Осипы и Никодимы

Тленное и нетленное

Тленное и нетленное

Калиф на час

Два юбилея
Милые люди
Жизнь надо заслужить
[Вечные пути
Роза и Крест
Вечные пути
Андрей Белый
Памяти Александра Блока
Надписи на книгах]

Полемика и критика
Полемика и критика
Юлий Легкомысленный
Силуэт г-на Айхенвальда.

Общее предисловие к обеим книгам (“Заветное”) и следующий за ним первый раздел этого плана в целом согласуются с композицией 1-й книги “Заветного”; добавлена из второго раздела плана лишь статья “Калиф на час” (после «Русской литературы “десятих годов”»). Третий раздел плана (“Вечные пути”) зачеркнут фиолетовым карандашом, тем же карандашом (видимо, одновременно) приписано содержание раздела “Полемика и критика”; эти изменения внесены, определенно, в связи с формированием книги Иванова-Разумника “Вершины. Александр Блок. Андрей Белый” (Пг., “Колос”, 1923), в которую вошли все тексты из раздела “Вечные пути”, кроме статьи того же заглавия. Таким образом, содержание 2-й книги “Заветного” оказывается возможным реконструировать с достаточной степенью полноты и точности. В нее входили статьи, ранее опубликованные в “Заветах”: “Вечные пути (Реализм и романтизм)” (1914. № 3), «Тленное и нетленное (О “Профессоре Сторицыне”)» (1913. № 1), “Два юбилея” (1912. № 7), “Милые люди” (новое заглавие статьи «“Дальний край” (О романе и рассказах Бориса Зайцева)» — 1913. № 6), “Жизнь надо заслужить (Сергеев-Ценский. Собрание сочинений, тт. I–VI)” (1913. № 9), «“Полемика” и “Критика”» (1913. № 5), “Юлий Легкомысленный” (новое заглавие статьи “Правда или Кривда?” — 1913. № 12), — а также статья “Силуэт г-на Айхенвальда”, ранее опубликованная в “Русских Ведомостях” (1914. № 142, 21 июня).

С учетом содержания двух частей “Заветного”, а также состава книг Иванова-Разумника “Творчество и критика” (1922) и “Вершины” (1923), включавших ряд его статей “скифского” периода, можно с высокой мерой вероятности восстановить основное содержание двух частей “Скифского”, подготовленных автором для издательства “Эпоха” в 1922 г. Безусловно, в это издание входили статьи, напечатанные в двух сборниках “Скифы” и обозначенные еще в плане содержания “Скифского” 1918 г.:

“Испытание огнем”, “Социализм и революция” — из 1-го сборника, “Две России” — из 2-го сборника ([Пг.], 1918), — а также статьи, указанные в том же плане и не вошедшие в книги “А. И. Герцен” и “Заветное”: “Скифское” (предисловие ко всему циклу статей, воспроизведенное выше), “Скиф в Европе” (впервые под заглавием “Человек и культура (Дорожные мысли и впечатления)”: Заветы. 1912. № 6. Подпись: Скиф), “Т. Н. Грановский (1813–1913)” (Заветы. 1913. № 3. Подпись: Скиф), “Земля и железо” (Русские Ведомости. 1916. № 79, 6 апреля), “Восток или Запад?” (Там же. 1916. № 102, 4 мая), “Иго войны” (Там же. 1916. № 179), “С Антихристом за Христа” (Дело Народа. 1917. № 181, 15 октября), “Бобок” (Знамя Борьбы. 1918. № 85; Знамя. 1919. № 2), “Испытание в грозе и буре” (Наш Путь. 1918. № 1), “Россия и Инония” (Там же. 1918. № 2). В библиографическом перечне своих публикаций Иванов-Разумник также отметил, что в книгу “Скифское” включена его статья “«Благоразумные» и «безумные» (Герцен о наших днях)» (Знамя Труда. 1918. № 114, 9 января). Какие еще работы Иванова-Разумника дополняли содержание “Скифского” в двух частях — и были ли еще какие-либо тексты в него включены, — можно только догадываться. Весьма вероятно, что для сборника были подготовлены какие-то из многочисленных публицистических выступлений, ранее объединенных в книге Иванова-Разумника “Год революции. Статьи 1917 года” (СПб., 1918), или из его неизданных докладов, прочитанных в Вольной Философской Ассоциации (например, “Эллин и Скиф”), или из его публикаций, посвященных духовным предтечам “скифства” — и Герцену прежде всего.

Неосуществленность этого двухчастного критико-публицистического и философского цикла принадлежит к числу наиболее зияющих лагун в творческом наследии Иванова-Разумника, видевшего в исповедании “скифства” квинтэссенцию своего мировоззрения. Не случайно один из своих многочисленных неосуществленных проектов — план сборника “Избранных статей” объемом 18–20 печ. л. — он открывает статьями “Скифство” и “Скиф в Европе” и включает в задуманную книгу еще 5 работ, предполагавшихся для “Скифского” (“Испытание огнем”, “Социализм и революция”, “Благоразумные и безумные”, “Две России”, “Испытание в грозе и буре”)¹⁴. А в позднейшем, уже совершенно утопическом — но с явной мыслью о будущем! — проекте собрания своих сочинений в 14-ти томах Иванов-Разумник вновь упорно указывает: т. IX — “Заветное”, т. X — “Скифское”¹⁵.

Примечания

¹ См.: *Hoffman S. Scythian Theory and Literature, 1917–1924 // Art, Society, Revolution; Russia 1917–1921. Stockholm, 1979. P. 138–164; Dobringer E. Der*

Literaturkritiker R. V. Ivanov-Razumnik und seine Konzeption des Skythentums. München, 1991. S. 160–227. Дьякова Е. А. Христианство и революция в мирозерцании “скифов” (1917–1919 гг.) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1991. Т. 50. № 5. С. 414–425; Белоус В. Г. “Скифское”, или Трагедия “мировоззрительного отношения” к действительности // Звезда. 1991. № 10. С. 158–166; Белоус В. Г. Испытание духовным максимализмом. О мировоззрении и судьбе Р. В. Иванова-Разумника // Литературное обозрение. 1993. № 5. С. 25–37.

² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 128.

³ См.: “Скифы”. Сб. 1-й [Пг.], 1917. С. X–XII.

⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 124.

⁵ Далее оставлено место для эпитафии; помета от руки карандашом: “эпитафия”.

⁶ Кол. III, 11: “...где нет ни Еллина, ни Иудея <...>”.

⁷ Из стихотворения А. С. Пушкина “Ода LVII” (“Что же сухо в чаше дно?...”, 1835).

⁸ Обыгрываются строки из того же стихотворения: “Только пьяное вино / Раствори водою трезвой”.

⁹ Из стихотворения А. С. Пушкина “Кто из богов мне возвратил...” (1835).

¹⁰ Слова Бранда, героя одноименной драматической поэмы Г. Ибсена (1865; действие 4-е).

¹¹ Цитата из заключительной части третьей главы поэмы А. Блока “Возмездие”; соответствующий фрагмент был опубликован в виде отдельного стихотворения (“Когда ты загнан и забит...”) в альманахе “Сирин” (сб. 3. СПб., 1914. С. LXVII).

¹² “В начале было Дело” (нем.) — цитата из “Фауста” Гете (ч. 1, 1-я сцена “Рабочая комната Фауста”), опыт перевода первой фразы Евангелия от Иоанна.

¹³ Сведения о публикациях Иванова-Разумника (кроме газетных) содержатся в его библиографии, составленной Я. В. Леонтьевым (см.: Библиография. 1993. № 3. С. 64–73).

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 4–4 об.

¹⁵ Там же. Л. 6.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ИВАНОВА-РАЗУМНИКА И М. М. ПРИШВИНА: «Деревня» после революции 1905 г.

В ряде статей, посвященных развитию антропологии как научного дискурса, Д. Клиффорд указывает на возникновение в начале XX века того, что он называет “этнографическим субъективизмом”. Это, по его мнению, — широкий идеологический сдвиг, когда на смену европейскому буржуазному идеалу плавной эволюции монолитной (то есть, западной) цивилизации приходят начала плюралистической парадигмы человеческой культуры. Современная антропология предполагает ироническое отношение участвующего наблюдателя, или такое состояние исследователя, который находится в данной культуре и все-таки наблюдает ее снаружи. Клиффорд применяет понятие этнографического субъективизма, сравнивая роман Д. Конрада «Сердце тьмы» (1898–1899) с классическим этнографическим исследованием Б. Малиновского «Аргонавты Западного Тихого Океана» (1922) и дневниками, которые Малиновский вел на протяжении четырех лет на Триобрандских островах (1914–1918)¹. Каждый из этих трех текстов, несмотря на разнообразие представленных жанров, обнаруживает так или иначе неадекватность описания культуры и потому не может претендовать на изложение полной истины.

Подобный этнографический субъективизм проявляется в многочисленных попытках осмыслить культуру русской деревни после революции 1905 г. и, в частности, лежит в основе неонароднической публицистики Иванова-Разумника этого времени. Хотелось бы обратить особое внимание на его статью под заглавием «Что думает деревня?» Название как будто бы просится в кавычки (в которые, кстати говоря, автор сумел поставить большую часть заглавия другой статьи, написанной в 1910 г.: «”Народ” и “интеллигенция”»), подчеркивая условность обоих понятий. Примечательно, что когда Иванов-Разумник опубликовал эту же статью в 1911 г. в сборнике «Литература и общественность», он существенно изменил заглавие: «Жизнь и теории. (Что думает “народ”?)», оставив в кавычках только последнее слово.

Вопреки тому, что в упомянутых работах Иванов-Разумник неоднократно ссылается на свою близость к событиям и объективность наблюдений (что и подчеркивается подзаголовком первоначального журнального варианта статьи “Что думает деревня?” — «Впечатления очевидца»), все-таки деревня остается для автора сугубо *чужим* культурным пространством. Весьма интересно, в этом контексте, рассматривать публицистичес-

кий текст как литературное произведение, чтобы глубже вникнуть в мифологизацию деревни в период острых социальных потрясений.

Сопоставим работу «Что думает деревня?» с произведениями Михаила Пришвина, творчеством которого Иванов-Разумник заинтересовался уже после появления этой статьи на страницах «Русского богатства». По этому поводу А. В. Лавров отмечает, что «движение навстречу “новому” искусству характеризует эволюцию Иванова-Разумника как литературного критика. Его “неонародническая позиция” была далека от консервативности и дидактизма “Русского богатства” — ортодоксального народнического журнала»². Иванов-Разумник обнаружил в Пришвине писателя, который не только разделил его тяготение к народу, но и осознал сложность описания того, что он, собственно, нашел в “деревне”. На фоне раннего творчества Пришвина произведения XIX столетия, посвященные деревенской жизни, потеряли свою привлекательность. И возможно поэтому жанровое разнообразие пришвинских очерков, находящихся между художественной прозой, этнографическим описанием и журналистикой, так привлекало Иванова-Разумника.

О его интересе к очеркам Пришвина свидетельствует критический этюд, написанный в 1911 г. и переизданный в сборнике «Критика и творчество», а также большие отрывки рукописи неопубликованной статьи, по всей вероятности, написанной в середине 30-х гг. и хранящейся в Пушкинском Доме. В этом архивном материале Иванов-Разумник так характеризует ранний этап пришвинского творчества: «Михаил Пришвин начал свой писательский путь с газетных очерков. В высшей степени интересно сравнить его газетный очерк 1905 года “Манифест 17-го октября в деревне” — с написанными на ту же тему двадцатилетием позднее отдельными главками из первого тома “Кощеевой цепи”... Отдельные частности и в очерке “Манифест 17-го октября в деревне” превосходны, но они торчат из упаковочного сена, как отдельные части разбитого фарфора. Сено уже не торчит из главки “Земля и воля”, где к матери героя приходят просить земли в аренду “те” мужики и “энти” мужики: тут весь материал усвоен творческим процессом ее, оставаясь по существу таким же “очерком”, неизменно далеким от очерка прежнего, газетного, голого»³. Несмотря на красоты метафор, использованных Ивановым-Разумником, его мнение о ранней публицистике Пришвина нам трудно разделить, в силу того, что с течением времени часть того “сена”, выпяченность которого у Пришвина казалась Иванову-Разумнику неприемлемой, как раз и представляет интерес для нас, позволяя вникнуть в мифологическую структуру русской деревни того времени. Но здесь со стороны Иванова-Разумника обнаруживается маленькая неточность, которая и подводит нас к истории публикации этой ранней очерковой прозы.

“Манифест 17 октября в деревне” впервые был опубликован в умеренно-либеральной газете “Русские ведомости” 26 ноября 1905 г. Восемь лет спустя, в 1913 г., Пришвин переиздает этот очерк, вместе с другими, написанными в течение 1909–1910 гг. в первом отделе книги “Заворошка” (подзаголовок: “отклики жизни”). Эпизод, упомянутый Ивановым-Разумником, относится не к “Манифесту в деревне”, а к одному из этих позднее написанных текстов (“Как быть с мужиками?”). Все эти произведения также появлялись на страницах “Русских ведомостей”. Объединенные с “Манифестом” и предисловием, они составляют некий цикл деревенских впечатлений: заглавие этого раздела — “Родная земля”. В каждом очерке повествование ведется от лица автора, безмянного городского интеллигента, вернувшегося в усадьбу тети. Присутствие автора никогда не скрывается, но, тем не менее, он как бы растворяется на фоне описываемой крестьянской жизни. В сохранившихся отрывках упомянутой статьи Иванов-Разумник ссылается на то, что “высказывания М. М. Пришвина о самом себе взяты из ряда неопубликованных его заметок”⁴. В этих заметках мы находим следующее: “И не только тогда, но и теперь мне кажется, будто при переходе от первого лица к третьему непременно теряется частичка искренности и убедительности. Много лет потому я писал заметки, корреспонденции, летучие очерки — от первого лица, ничего не отдавая в них на внешнюю трату, на трение жизни моей о форму”⁵.

На протяжении всей книги автор “Заворошки” записывает свои сугубо личные, субъективные впечатления от деревенской среды, часто обнаруживая стремление вникнуть в совершенно чужой ему склад ума. Например, не разделяя суеверия своих крестьянских знакомых, он все-таки живо представляет себе психологическое пространство их культуры, даже когда заветы этой крестьянской культуры идут вразрез с предпосылками современной науки: «“Не пейте сырой воды”, — вдруг отчетливо представляю я себе петербургскую казенную надпись. И вот все, что я могу посоветовать женщинам. Но это не то... Немыслимо ставить над каждой лужицей столб с надписью: “Не пейте сырой воды”.

Как же быть?

— Бог милостив,— повторяю я бабьи слова. И, спускаясь в Чертово Городище, проникнутый народными преданиями об этом месте, совершенно ясно представляю себе, что холера от черта. Вылезали из-под этих темных камней, из привала, хвостатые черти в дополуночный час, заламывая заломы на погибель человеческого рода. Вот отчего в это лето, говорят, так много заломов и черных прожоинов...

Бог милостив!»⁶

Мы видим здесь пример того самого этнографического субъективизма, о котором говорит Клиффорд, и, в более отдаленном смысле, пример субъективного социологического подхода, унаследованного Ивановым-Разумником от Михайловского и Лаврова. Об этом подходе вскользь упоминается и в концовке статьи “Что думает деревня?”, к которой мы сейчас вернемся.

Клиффорд резюмирует новшество риторической техники Малиновского в книге “Аргонавты Западного Тихого Океана” таким образом: вы, читатель,— там (то есть, между туземцами), потому что автор был там⁷. И Пришвин и Иванов-Разумник разделяют подобный прием. Но у последнего этнографизм имеет более острую политическую направленность, которая прямо излагается в послесловии переизданного в сборнике “Общественность и критика” варианта статьи: «Неужели мы думали, что Россия в 1905 году может “перескочить” прямо в царство социализма? Солидные люди и задним числом пророки хотят возвести на всех нас огулом такую небылицу, но это слишком лубочный полемический прием... Мы надеялись... что в области социальной возможно будет достигнуть не социализма, а лишь социализации, т. е. не перемены формы общественного производства, а лишь изменения формы земельной собственности, вполне согласно с давнишними мечтами самого “народа” — как это видно из настоящей статьи»⁸.

Последняя фраза содержит предпосылку, которая лежит в основе повествовательной структуры очерка: попытка автора войти внутрь той среды, которую он наблюдает. В отличие от Пришвина, Иванов-Разумник подробно пересказывает мнения своих собеседников-крестьян, иногда приводя длинные прямые цитаты из их писем и даже, в одном месте, ссылается на три статьи, написанные одним крестьянином по земельным вопросам. Но он, также, как и Пришвин, тщательно инсценирует свое присутствие в деревне, чтобы таким образом добиться большей степени достоверности: «”Беседы” крестьян начались уже с середины лета минувшего года: по тридцати, по сорока человек собирались они “послушать газету”, а кстати и обменяться всякими вестями, предположениями, слухами, которыми полна была атмосфера... ничто не может быть ошибочнее мнения рептильной прессы, по которому все крестьянские митинги устраивались по наущению крамольной интеллигенции...»⁹ На протяжении всей статьи Иванов-Разумник делает упор на политическом самосознании крестьян. Поэтому он стремится произвести эффект, будто он присутствует здесь лишь в роли слушателя.

Настоящая работа является наброском к описанию такого “этнографизма”, который пронизывает разные по жанру произведения и который

на стыке этнографии и литературы стремится осмыслить русскую деревню после революции 1905 г. как социокультурный феномен.

Примечания

Автор выражает благодарность фонду IREX за поддержку в 1995–1996 гг.

¹ *Clifford J. On Ethnographic Self-Fashioning: Conrad and Malinowski / Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality and the Self in the Western Thought.* Stanford Univ. Press, 1986. Pp. 140–141.

² *Лавров А. В.* Переписка [А. А. Блока] с Р. В. Ивановым-Разумником // Литературное наследие. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 370.

³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 49. Л. 14–15.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ *Пришвин М. М.* Заворошка. Отклики жизни. М., 1913. С. 81.

⁷ *Clifford J. On Ethnographic Authority. Representations 1:2.* Spring. 1983. P. 118.

⁸ *Иванов-Разумник.* Что думает деревня? (Впечатления очевидца) // Современность. 1906. Отд. II. С. 51.

ПИСЬМО К. Д. БАЛЬМОНТА К Р. В. ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

В мае 1913 г. Константин Бальмонт (1867–1942), воспользовавшись всеобщей амнистией в связи с 300-летием Дома Романовых, после семилетнего отсутствия вернулся в Россию. Не будь амнистии, он подлежал бы аресту за свои политические стихи, написанные во время первой русской революции. Годом ранее (в феврале-декабре 1912 г.) поэт совершил кругосветное путешествие. Возвратившись в Москву, он вскоре возобновил свои контакты с представителями ведущих отечественных литературных изданий.

Публикуемое письмо К. Д. Бальмонта к Р. В. Иванову-Разумнику¹, посвящено различным сторонам сотрудничества поэта и критика. В частности, Бальмонт печатался в журнале “Заветы” (1912–1914), где Иванов-Разумник возглавлял литературный отдел, а в петербургском издательстве “Сириус”, литературной редакцией которого также в эти годы заведовал Иванов-Разумник, вышла книга Бальмонта “Белый Зодчий”². Однако следует заметить, что в альманахе “Сириус”, три выпуска которого увидели свет, произведения Бальмонта так и не появились. Весной 1914 г. поэт находился в своем первом лекционном турне по городам России, где он выступал с лекциями “Поэзия как волшебство”, “Океания” и чтением стихов. Это первая поездка предшествовала двум, еще более успешным, турне в 1915–1916 гг., которые принесли Бальмонту всероссийскую известность. Остальная часть письма касается цензурных проблем, с которыми поэт часто сталкивался во время публикации своих произведений³.

1914. 1 апр. Ростов-на-Дону

Многоуважаемый

Разумник Васильевич,

Посылаю последние корректуры. Книга может быть выпущена. Можно не посылать мне корректуры титула и обложки. Доверюсь⁴.

Большое спасибо за услугу. 250 р. пришли все-таки поздно, и, вероятно, вернулись к Вам? Все устроилось благополучно.

Совершаю триумфальное шествие по югу. Все города — Минск, Киев, Одесса, Харьков, Ростов — откликнулись как хор весенних птиц.

Еду в Екатеринодар, Тифлис, и Баку. В СПб. вернусь к 27-му апреля и пробуду дней 5.

Жму руку Вашу, — Из Баку вышлю Вам “Океанию”⁵.

Преданный Вам

К. Бальмонт.

Р. С. Знаете ли, что альманах “Гриф” был арестован из-за меня, из-за “Тринадцать лет” в “Пламени Мира”⁶. Но был выпущен из когтей. Надеюсь, у “Сирин” не будет осложнений. На всякий случай сообщаю адрес “Грифа”: Сергей Алексеевич Соколов⁷, Тверская, Пименовский п., д. 2, кв. 20. (Он сделал какие-то ловкие маневры, чтобы освободить альманах!)

Примечания

¹ Оригинал письма хранится в ИРЛИ (Пушкинский Дом) АНРФ: Ф. 79. Оп. 1, № 225.

² Бальмонт одно время предлагал издательству «Сирин» выпустить свое собрание сочинений, но проект не был осуществлен. См.: *Гречишкин С.* Архив С. А. Полякова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 15.

³ См.: *Мартынов И. Ф.* Русский декаданс перед судом цензуры (1906–1916 гг.) // Гумилевские чтения. Wiener Slawistischer almanach sonderband 15. Wien, 1984. С. 143–146.

⁴ Речь идет о книге Бальмонта «Белый Зодчий», которая вышла в изд. «Сирин» в начале мая 1914 г. Сборник, главным образом, посвящен кругосветному путешествию Бальмонта 1912 г.

⁵ Очерк Бальмонта “Океания” был напечатан в журнале «Заветы» (№ 6, 1914. С. 7–34). Во время своего кругосветного путешествия Бальмонт побывал в Океании на островах Тонга, Самоа и Фиджи. О влиянии фольклора Океании на творчество Бальмонта: см.: *Рождественская И. С.* Фольклор Океании в сказках К. Д. Бальмонта // Русский фольклор. Вып. XVIII. Л., 1978. С. 96–114.

⁶ Символистское издательство «Гриф» по случаю своей десятилетней годовщины выпустило юбилейный сборник в 570 нумерованных экземплярах: «Альманах Гриф: 1903–1913». М., 1914. В стихотворении “Тринадцать лет” (С. 27–28) цикла “Пламя мира” (С. 26–32) Бальмонт описывает, как он потерял невинность в тринадцать лет.

⁷ Соколов Сергей Александрович (Сергей Кречетов, 1878–1936) — поэт, владелец издательства «Гриф».

В. РОПШИН VERSUS ИВАНОВ-РАЗУМНИК **Письма Р. В. Иванова-Разумника к Б. В. Савинкову**

Бориса Викторовича Савинкова {литературный псевдоним В. Ропшин (1879–1925)} никак нельзя отнести ни к кругу знакомых Иванова-Разумника, ни к числу духовно близких ему людей. Их жизненные и творческие пути только на мгновение соприкоснулись в 1913 г., чтобы после этого разойтись бесповоротно.

В 1912 г. Савинков и Иванов-Разумник оказались сотрудниками журнала “Заветы”, организованного В. М. Черновым и В. С. Миролюбовым, который начал выходить в апреле 1912 г. Роман Савинкова “То, чего не было” печатался в “Заветах” с первого же номера (1912, № 1–8; 1913, № 1, 2, 4).

В начале 1911 г. Савинков, глава Боевой организации партии социалистов-революционеров, отходит от активной политической деятельности и полностью погружается в работу над романом. Нельзя сказать, что этот “уход” в литературу был добровольным. После выхода в свет в апреле 1911 г. Заключения Судебно-следственной комиссии по делу Азефа, в котором лидерами эсеровской партии была вынесена оценка эсеровскому террору, Савинков решительно порывает с центральными партийными учреждениями. В этой нелегкой для Савинкова ситуации В. М. Чернов, который, правда, не принял “Заключения” и отошел от участия в руководстве партии, берется за публикацию савинковского романа, сразу же вызвавшего резкое неприятие в эсеровской среде. Вначале недовольство зрело подспудно (Чернов получал от членов Заграничной Делегации партии эсеров письма, авторы которых негодовали и сетовали по поводу присутствия Савинкова в числе сотрудников журнала), а затем выплеснулось и на страницы прессы. В ноябрьском номере “Заветов” за 1912 г. появляется письмо 22-х видных народников и эсеров, в котором они, характеризуя роман Савинкова как крайне неверную картину пережитого Россией революционного движения, выражали свою “несолидарность в этом направлении с редакцией, решившей поместить произведение Ропшина”¹.

С каждым месяцем шквал критических выступлений в адрес Савинкова усиливался, и нетрудно представить реакцию автора, который, по свидетельству Д. В. Философова, чувствовал “себя по уму, по способностям куда современнее и выше <...> своих старших товарищей”², на эту критику. В письме от 5 августа 1912 г. к своей первой жене В. Г. Успенской Савинков констатировал: “Ругают не только меня, но и редак-

цию, которая взяла мой роман. Ругают бессовестно, глупо и грубо, на всех перекрестках”³. К весне 1913 г. Савинков, чувствуя известное удовлетворение от того, что сказал в романе то, что давно надо было иметь смелость сказать, оказывается, как ему представляется, в почти полной изоляции. “Меня затравили”⁴, — пишет он весной 1913 г. Успенской.

Именно в этой ситуации в апрельском номере “Заветов” за 1913 г. одновременно с публикацией заключительных глав романа “То, чего не было” была напечатана статья Иванова-Разумника, вошедшего осенью 1912 г. в редакцию “Заветов” на правах заведующего литературным и критическим отделами. Статья называлась “Литература и общественность. Было или не было? (О романе В. Ропшина)” и носила в целом благожелательный характер, но в ней отрицалось наличие у Савинкова крупного литературного дара. Иванов-Разумник отмечал: «В романе этом нет революции, хотя он и роман о революции, в романе этом нет трагедии, хотя автор все время старается проводить ее. Но все это “было” в жизни, хотя и “не было” в романе»⁵. Главное, однако, было в другом — Иванов-Разумник утверждал, что Савинков использовал сюжетные ходы рассказа А. М. Ремизова “Без пяти минут барин”. В этом коротеньком рассказе изложен случай из жизни слесаря Сеньки Быстрова, отравившего “от скуки” стрихнином казачий патруль. Совпадение просматривалось в том, что в третьей главе первой части романа “То, чего не было” Савинков описывал эпизод из биографии одного из своих персонажей — слесаря Вани, также отравившего ядом четырех казаков, из мести за жену, убитую во время забастовки.

Савинков был раздосадован этим обстоятельством. Он считал, что никакого “заимствования” у Ремизова он не делал, о чем и написал Иванову-Разумнику. Последний откликнулся на это письмом от 25 мая/7 июня 1913 г, где предпринял попытку уладить инцидент полюбовно, хотя и не опроверг своих утверждений, но это не устроило Савинкова, который отправил Иванову-Разумнику еще одно письмо, написанное, видимо, в более резкой тональности. В свою очередь Иванов-Разумник передал Савинкову через третьих лиц свое второе и последнее послание от 17/30 июня 1913 г., уже настоящую отповедь, в которой он отказывал Савинкову в праве судить о чьей-либо критической добросовестности. Савинков не пожелал более продолжать “обмен мнениями” напрямую с Ивановым-Разумником и 7 июля 1913 г. отправил его второе письмо в редакцию “Заветов” со своим ответом, в котором настаивал: «Никогда ни словесно, ни письменно, я не высказывал, что вся статья [господина] Иванова-Разумника кажется мне неправильной, обидной или недобросовестной. Речь шла только об одном из нее месте (“Заветы”, 1913, IV, 135). Не я один усмотрел в этом месте обвинение в литературном заим-

ствовании, но и В. М. Чернов. Место это я продолжаю считать недобросовестным».

Таким образом, конфликт пришлось улаживать уже Чернову, взявшему на себя роль миротворца. Он убеждал Савинкова положить конец инциденту с Ивановым-Разумником, прибегая к таким аргументам: «Я считал, что редакция обязана дать Вам известное удовлетворение. Думаю, что так и вышло бы, Ваше дело было вполне правое — до тех пор, пока несправедливого упрека Вам Вы не объявили недобросовестным. Тут и Вы взяли на себя долю неправоты <...> Надеюсь, что после этого и Вы, и Иванов-Разумник охотно возьмете обратно все те резкости, которые друг другу адресовали в переписке».

Савинкову необходимо было как-то отреагировать на эту, причинившую ему и так немало неприятных моментов, историю, и он решает просто ее завершить без дальнейших разбирательств, уже ставших ничемными и беспредметными. В письме от 19 июня 1913 г. он извещает Чернова: «Дорогой Виктор Михайлович, указания на “литературные заимствования” — не упреки, а обвинение, как не упрек, а обвинение указание на воровство. Если обвинителю известно, что обвиняемый невиновен, и он все-таки поддерживает обвинение, то он поступает недобросовестно<...> Я не хочу раздувать уже и без того раздутый инцидент и не придаю ему большего значения, чем он того заслуживает. В моих глазах вся эта история — обыкновенная, прискорбная и скучная дрязга. Ей давно следует положить конец. Вы пишете, что Иванов-Разумник не знал обстоятельств дела. Я очень рад этому. Это дает мне уверенность, что он предъявил свое обвинение не по недобросовестности, а по незнанию. Слово “недобросовестность” я поэтому охотно беру назад и, со своей стороны, считаю инцидент исчерпанным».

Однако это заявление Савинкова было не искренним, и абсолютно не отражало сложившегося у него действительного отношения к Иванову-Разумнику. В письме к В. С. Миролюбову от 13/26 мая 1913 г. Савинков писал об Иванове-Разумнике: «Как ему не стыдно! Ведь он знал, что “заимствования” нет, знал также, что я переделал главу, и в печати она вовсе не похожа на ремизовский рассказ. Очевидно, он читал в рукописи и не потрудился перечитать в “Заветах”. Так все-таки не делают <...>»

Представляется, что немалую лепту в формирование у Савинкова убеждения в злокозненном характере действий Иванова-Разумника внесли Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, с которыми Савинков был в то время очень тесно связан как личными отношениями, так и духовно. Мережковский в письме к Савинкову от 18 июня 1913 г. писал прямо, без лишних недомолвок: «Что в “Заветах” Вы не жилец, то я давно чувствовал. Главная беда Иванова-Разумника — непроходимая и не-

скромная, наступательная, какая-то воинствующая и торжествующая глупость». Гиппиус в письме к Савинкову от 1 июня 1913 г. была не менее определена: «Что касается Разумника — то сей неисправимый хулиган. “Заветы” киснут, чахнут и вырождаются благодаря ему и его редакторскому коллективу». В письме же к Савинкову от 15 июня 1913 г. Гиппиус подтверждает его уверенность, что Иванов-Разумник «знал о том, что не вы взяли у Рем[изова], а Ремизов точно передал ваши слова, ваш рассказ. И что Раз[умник] человек недобросовестный, — это теперь ходячая истина в СПб. Ответить вам он именно должен был “пространно и глупо”».

Савинков, к весне 1913 г. выбитый из колеи всевозможными нападками со стороны бывших товарищей по партии, и будучи убежден в несправедливости обвинений в литературном плагиате, очень болезненно воспринял критический отзыв Иванова-Разумника о своем романе, поставив его в один ряд со всеми недобрыми измышлениями и клеветами в свой адрес, которых много приходилось ему слышать в эти годы. Иванов-Разумник, по всей видимости, не имея цели специально унижить или опорочить Савинкова, своей критической статьей уязвил авторское самолюбие, и страницы “Заветов” — журнала, который был одним из рупоров российской демократической общественности — стали отныне для Савинкова недоступны.

Подводя итог инциденту с Ивановым-Разумником, Савинков писал 10 августа 1913 г. Миролюбову: «“Заветы” мне не уплатили. Это поставило меня в трудное положение. Но не в этом беда. Беда в том, что нельзя сотрудничать в журнале, редактор которого обвиняет в “литературном заимствовании”. Иванов-Разумник в ответ на мои письма написал мне два письма — одно пространное и неумное, другое — короткое и очень грубое. Факт остается фактом — недобросовестно обвинять в “заимствовании”, если редакция в лице двух редакторов (Вас и В[иктора] М[ихайловича Чернова]) заимствования не усмотрела и тем дала гарантии, что на страницах журнала об этом разговора не будет. Мне кажется, что Иванов-Разумник поставил Вас и В. М. в весьма неудобное положение. Сотрудничать в “Заветах”, пока там Иванов-Разумник — я не буду»⁶.

Первое письмо Р. В. Иванова-Разумника к Б. В. Савинкову печатается по автографу, хранящемуся в ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 78. Лл. 1–2 об.; второе — по переписанному Савинковым тексту письма Иванова-Разумника, хранящемуся там же. Л. 3.

Уважаемый коллега,

очень сожалею, что мне приходится знакомиться с Вами письменно: при личной встрече гораздо легче договориться и понять друг друга. Так, например, легко было бы выяснить, что указание мое на рассказ “Без пяти минут барин”⁷ сделано отнюдь не в “осуждающем” тоне, — это совершенно ясно из текста статьи.

Но это мелочь. Вообще же мне показалось из Вашего письма, что Вы как будто обижены статьей о Вашем романе. Если это так, то напрасно. В статье мне хотелось высказать свое совершенно искреннее мнение о Вашем романе, указать на его литературную значительность и на художественную неудачу замысла⁸. А всякое искреннее мнение должно быть ценно для автора — хотя бы оно было и совершенно отрицательным (каким вовсе не является мой отзыв).

По существу же — я думаю, что я прав, не переоценивая Ваш роман, и ожидая от Вас в будущем больше того, что Вы дали в прошлом. Буду очень рад, если в этом “будущем” Вы будете работать в том же журнале, где печатали Вы и свой роман; с интересом буду ждать новых Ваших произведений, — где бы они не появились.

В. С. Миролюбов действительно ушел из журнала, — о чем я сожалею, ценя его большой редакторский опыт и большой труд, вложенный им в дело⁹. Но уход его ничего не изменит по существу в общем направлении и положении журнала.

Внешние дела журнала — очень тяжелые, но есть надежда, что к осени все наладится. Кстати сказать: я стою совершенно в стороне от всех денежных дел журнала, моя работа только редакционная; всеми материальными делами ведает секретарь редакции¹⁰, который хочет на днях писать Вам письмо.

Желаю Вам дальнейшей удачной работы и очень хотел бы, чтобы Вы не считали свое сотрудничество в журнале законченным.

Уважающий Вас

Р. Иванов.

17/30 июня 1913
Везо Эстляндия
Дача Пелуса

М[илостивая] Г[осударыня] г[оспо]жа Зильбербер[г],¹¹
будьте любезны передать от моего имени нижеследующее г[осподи]-
ну Ропшину.

Письмо его только что прислано мне из редакции, — и я отвечаю не-
медленно по получении. Довожу еще раз до сведения г[осподина] Р[оп-
шина], что никакого обвинения в заимствовании в статье моей о его ро-
мане не содержит[ся], — это ясно каждому из приводимых Ропшиным
моих слов (“Заветы”, 1913, IV, 135).¹² Нужно иметь чрезмерно болезнен-
ное самолюбие, чтобы отвечать на это место из моей статьи письмами,
подобным письмам г[осподина] Ропшина.

И после моего письма к нему я имею право признать эту чрезмерную
обидчивость явно недобросовестной, — ибо недобросовестно, обидевшись
на всю статью, делаю вид, что обижен одной лишь фразой, — ибо недобро-
совестно всякое перетолковывание чужих слов. Судить же о моей “кри-
тической добросовестности” после всего этого — дело не г[осподина]
Ропшина, у которого еще весьма смутное понятие о том, что можно и
чего нельзя позволять себе в литературной деятельности.

С почтением

Разумник Ив[анов].

Примечания

¹ Заветы. 1912. № 8. Отд. II. С. 144.

² Звезда. 1992. № 3. С. 152.

³ РГАЛИ. Ф. 1557. Оп. 1. Д. 11. Лл. 33–33 об.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1557. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

⁵ Заветы. 1913. № 4. Отд. II. С. 149.

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Д. 1012. Лл. 10–10 об.

⁷ Рассказ А. М. Ремизова “Без пяти минут барин”, написанный в 1906 г., был
впервые опубликован в журнале “Перевал”. 1906. № 1. С. 34–35. Впоследствии
он вошел в третий том “Собр. сочинений” Ремизова, вышедших в издательстве
“Шиповник” в 8-ми томах в 1910–1912 гг.

⁸ Здесь Иванов-Разумник почти дословно повторяет следующее положение
из своей статьи: “Теперь не трудно и подвести итоги, сказать о значении романа
В. Ропшина, о его месте в литературе, о его художественной ценности. Я уже
сказал, что произведение это представляется мне литературно значительным.
Теперь добавлю: роман этот — значительное беллетристическое явление, со
многими художественными штрихами”. (Заветы. 1913. № 4. Отд. II. С. 147.)

⁹ В. С. Миролубов (1860-1939) окончательно ушел из “Заветов” в апреле 1913 г. Основной причиной ухода явилось систематическое нарушение Ивановым-Разумником требования Миролубова присылать ему как редактору литературного отдела весь беллетристический материал. Сыграло свою роль также желание Миролубова иметь свой собственный журнал. (см.: публикацию писем К. А. Тренева и В. Я. Шишкова к В. С. Миролубову. Литературный архив. Вып. 5. М.-Л., 1960.)

¹⁰ Секретарем редакции журнала “Заветы” являлся С. П. Постников (1883–1965).

¹¹ По всей видимости, Иванов-Разумник переслал это письмо Савинкову либо через его вторую жену Е. И. Зильберберг (в первом браке — Сомова), либо через ее родственников.

¹² Савинков имел в виду следующие слова из статьи Иванова-Разумника, которые, собственно, и были формальным поводом к конфликту: «“Плагиаг” — это, конечно, вздор, о котором не стоит серьезно говорить. Но уж если говорить о “заимствованиях”, то скорее могли обвинить В. Ропшина за перенесение в роман целиком одного рассказа А. Ремизова “Без пяти минут барин” (Собр. соч., III, 39–42). Воображаю, как обрадовались бы литературные обвинители В. Ропшина, если бы в свое время заметили это». (Заветы. 1913. № 4. Отд. II С. 135.)

Когда настоящий сборник был уже подготовлен к печати, в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 143) впервые удалось обнаружить два письма В. Ропшина, адресованных редактору журнала “Заветы” (по версии составителей описи — И. И. Краевскому). Нет ничего удивительного в том, что в конце концов они оказались в архиве главного адресата Ропшинской критики.

Публикатор выражает благодарность за помощь М. М. Павловой.

13/26 V 1913

Милостивый Государь,

г. Редактор,

я прочел статью г. Иванова-Разумника в № 4 “Заветов” о моем романе. В ней г. Иванов, между прочим, утверждает, что я “заимствовал” рассказ А. Ремизова “Без пяти минут барин”.

По этому поводу не могу не заметить следующего:

1. Редакции было хорошо известно, что не я заимствовал рассказ у Ремизова, а скорее, наоборот.

2. Во избежание, однако, каких бы то ни было недоразумений, я, по совету редакции, изменил в рукописи соответствующее место романа, настолько, что по утверждению редакции же, глава III-ья моего романа сохранила только внешнее сходство с рассказом Ремизова, фабула же и смысл его приобрели отличное от фабулы и смысла Ремизовского рас-

сказа, значение. В последнем г. Иванов мог легко убедиться, дав себе труд перечитать роман в печати (см. № 1 “Заветов” за 1912 г.).

Я не могу также не возвратиться к вопросу об оттисках и о гонораре. Я много раз и весьма заблаговременно просил редакцию не задерживать оттисков, ибо по оттискам я переделываю роман для отдельного издания. Февральские оттиски я получил в апреле. Апрельские оттиски я до сих пор не получил. Письма мои остаются без ответа, если не считать одного письма, в котором редакция обещала уплатить мне гонорар в конце апреля. Я еще раз, убедительнейше прошу, произвести со мною теперь же окончательный расчет, выслать деньги на мой счет по телеграфу, оттиски же почтой.

С приветом В. Ропшин

P.S. С прискорбием узнал о выходе из состава редакции В. С. Миролубова.

В. Р.

3

13.VI.1913.

Милостивый Государь,

Я получил письмо г. Иванова-Разумника. Я не могу оставить его без ответа.

г. Иванов-Разумник пишет, что ему “показалось, что я как будто обижен” его статьей. Я этого не высказывал. Речь идет не о статье, а о следующем из нее месте:

«Плагиаг,— это, конечно, вздор, о котором не стоит говорить. Но уж если говорить о “заимствованиях”, то скорее могли обвинить В. Ропшина за перенесение в роман целиком рассказа А. Ремизова “Без пяти минут барин” (Собр. Соч. III, 39—42). Воображаю, как обрадовались бы литературные обвинители В. Ропшина, если бы в свое время заметили это. Но кража “Войны и Мира” это — просто анекдот, не который можно отвечать только соответственным анекдотом об украденном соборе». (“Заветы” 1913, IV, 135).

г. Иванов-Разумник объясняет в своем письме, что цитированное обвинение предъявлено им “не в осуждающем тоне” и что оно — “мелочь”. Мне не важно в каком тоне писал г. Иванов-Разумник свою статью и считает ли он “мелочью” обвинение в литературном “заимствовании”. Мне важно, что обвинение это недобросовестное.

г. Иванов-Разумник, как член редакции, был обязан знать то, что знали его товарищи и чего не знают читатели. В. С. Миролубову и В. М. Чернову было известно, что о “заимствовании” в точном смысле этого слова не может быть речи: рассказ “Без пяти минут барин” записан Ремизовым в бытность мою с ним в ссылке в Вологде в 1902 г. с моих слов. Уже одно

это обстоятельство должно было удержать добросовестного критика от обвинения в “заимствовании”.

Но, чтобы быть корректным по отношению к Ремизову, я, с одобрения редакции (В. С. Миролюбова и В. М. Чернова) переделаю первоначальный текст III-ей главы. В переделанном (напечатанном) тексте редакция не усмотрела такого сходства с Ремизовским рассказом, которое бы давало право предъявить ко мне обвинение. Этим мне гарантировалось, что на страницах “Заветов” я не могу быть обвинен в литературном “заимствовании”. Гарантия эта нарушена. Я не могу назвать это добросовестным.

г. Иванов-Разумник может ответить, что он не был согласен с мнением В. С. Миролюбова и В. М. Чернова. В этом случае он был обязан известить меня об этом заранее: я бы прекратил печатание романа в “Заветах”. Этим бы я избежал того положения, в котором нахожусь ныне. Я, сотрудник “Заветов”, на страницах “Заветов” же обвинен редактором в литературном “заимствовании”. Этим недобросовестным обвинением естественно порывается всякая моя связь с журналом.

С почтением В. Ропшин

Публикация В.Г.Белоуса

ИВАНОВ-РАЗУМНИК И ЕСЕНИН

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится небольшая статья Р. В. Иванова-Разумника о поэме Сергея Есенина “Песнь о Евпатии Коловрате”. В самом ее начале Иванов-Разумник писал:

«Сложенная в 1912 году Есениным песня о Евпатии Коловрате была записана им по моей просьбе в 1914; обстоятельства этой записи следующие. В одном из наших разговоров осенью 1914 г. — речь зашла о шумевшей тогда “заумной поэзии”...»¹

Отсюда можно заключить, что Иванов-Разумник был знаком с Есениным уже осенью 1914 г. Однако это не так, — противоречит фактам биографий и Иванова-Разумника и Есенина. Осенью 1914 г. Разумник Васильевич жил в Царском Селе, а Есенин — в Москве. К тому же далее в статье упоминается разговор Есенина с Клюевым, а этот разговор мог состояться не ранее октября 1915 года, когда они впервые встретились, а до этого Есенин о Клюеве “не слышал ни слова”².

Вероятно, прекрасная память Иванова-Разумника на этот раз ему изменила. Есенин впервые приехал в Петроград 9 марта 1915 г. и жил здесь до 29 апреля. В этот период он вряд ли встречался с Разумником Васильевичем, — об этом ни в одном из воспоминаний не упоминается. Вторично он приехал в Петроград 2 октября и жил здесь до призыва в армию в апреле 1916 г. Таким образом, встреча Есенина и Иванова-Разумника вероятнее всего произошла впервые осенью 1915 г. в редакции одного из периодических изданий Петрограда, где оба тогда часто бывали.

Самым первым документальным доказательством их знакомства осенью 1915 г. служит письмо Есенина Иванову-Разумнику, отправленное в декабре того же года. Здесь поэт просит Разумника Васильевича, который в то время был секретарем Литературного фонда, хлопотать о денежной суде. Причины просьбы изложены в письме: “Приходится жить литературным трудом, но очень тяжело. Дома на родине у меня семья, которая нуждается в моей помощи”³.

При активном содействии Иванова-Разумника помощь Есенину была оказана. Но не только ему, но и другим нуждающимся литераторам — Андрею Белому, В. Князеву, С. Подъячеву.

В феврале 1916 г. Есенин был призван на военную службу и определен в санитары Царскосельского военно-санитарного поезда № 143. Служба его началась в Федоровском городке Царского Села 20 апреля. Во время увольнений Есенин частенько заходил к Разумнику Васильевичу, ко-

торый жил буквально в двух шагах от Федоровского городка — в квартире № 2 (ныне № 1) по Колпинской (ныне Пушкинской) улице. Царскосел Э. Ф. Голлербах писал: “В Царском под крылом полковника Ломана очутился голубоглазый и златокудрый Сережа Есенин, из него пытались сделать придворного поэта, но в воздухе уже пахло революцией, и поэта тянуло к иному кругу. Пестовал его Иванов-Разумник”⁴.

Дочь Иванова-Разумника Ирина Разумниковна рассказывала автору этих строк:

“Отец снимал трехкомнатную квартиру на первом этаже. Кабинет отца был в два окна. Вдоль одной из стен стояли рояль и диван, другие стены закрывали шесть огромных шкафов. На моей памяти в одно из посещений отца Есениным в 1916 году Сергей Александрович, стоя у рояля, пел. Может быть не пел, а певуче читал свои стихи, но у меня сохранилось впечатление именно о пении”.

В конце января 1916 г. вышла первая книга стихотворений Есенина “Радуница” в издательстве М. В. Аверьянова в Петрограде. Находясь на военной службе, поэт готовит новую книгу “Голубень”, которую предполагает выпустить в том же издательстве. Со стихами будущей книги Есенин знакомит Иванова-Разумника и Николая Клюева. Об этом в ноябре 1916 г. он сообщает в письме к Аверьянову: «Впредь буду обязан Вам “Голубенью”, о достоинстве коей можете справиться у Разумника Иванова и Клюева. Вы-то ведь не слышали моих стихов с апреля...»⁵

Почти документальное доказательство одной из встреч Иванова-Разумника с Есениным в доме на Колпинской мы находим в стихотворении главного хирурга Царскосельских госпиталей Веры Игнатьевны Гедройц:

*Я тебя помню в голубой рубашке,
Под сенью радушного крова.
Ты пил из фарфоровой чашки
Чай у Разумника Иванова...⁶*

В это же время начинается “скифский” период в творчестве Иванова-Разумника. Вместе с А. И. Иванчиным-Писаревым и С. Д. Мстиславским он готовил к выпуску литературные сборники “Скифы”. К участию в них были приглашены Андрей Белый, С. Есенин, В. Брюсов, А. Ремизов, О. Форш (тогда она печаталась под псевдонимом “Терек”) и другие поэты и писатели.

24 июня 1917 г. Сергей Есенин отправил поэту Александру Ширяевцу письмо, в котором есть такие строки:

«Бог с ними, с этими питерскими литераторами, ругаются они, лгут друг на друга, но все-таки они люди, и очень недурные внутри себя люди... Мы ведь скифы, приявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова с поверием наших бабок... Но есть, брат, среди них

один человек, перед которым я не лгал, не выдумывал себя и не подкладывал, как всем другим. Это Разумник Иванов. Натура его глубокая и твердая, мыслью он прожжен, и вот у него-то я сам, сам Сергей Есенин, и отдыхаю, и вижу себя, и зажигаюсь об себя... Стихи посылай на “Скифы”, новый сборник, и “Заветы” на имя Разумника Васильевича Иванова...”⁷

В июле 1917 г. вышел первый сборник “Скифы”. В нем были опубликованы статьи Иванова-Разумника, две поэмы Есенина: “Марфа Посадница” и “Голубень”, стихотворения “О красном вечере задумалась дорога...”, “Синее небо, цветная дуга...” и другие. Стихотворение “Осень” Есенин посвятил своему старшему другу:

ОСЕНЬ

Р. В. Иванову

*Тихо в чаще можжевеля по обрыву,
Осень — рыжая кобыла — чешет гриву.*

*Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.*

*Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступал дорожным*

*И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.*

Во втором сборнике, вышедшем в Петрограде в середине декабря 1917 г. (под редакцией Андрея Белого, Иванова-Разумника и Мстиславского) также были опубликованы поэмы Есенина “Товарищ”, “Ус”, “Певущий зов” и стихи “Не напрасно дули ветры...”, “О край дождей...”

В 1917–1918 гг. Иванов-Разумник работал заведующим литературным отделом лево-эсеровских изданий — газет “Дело народа”, “Знамя труда” и журнала “Наш путь”. Есенин активно печатался тогда в этих изданиях, часто приходил в редакции. В помещении редакции газеты “Дело народа” на Галерной улице, в доме № 40, Иванов-Разумник познакомил Есенина с его будущей женой, работавшей там техническим секретарем — Зинаидой Николаевной Райх. Об этом мы узнаем из воспоминаний эсерки Мины Свирской⁸. Кроме того, из этих же воспоминаний стало известно еще об одной встрече Иванова-Разумника с Есениным. Это произошло в октябре 1917 года, когда Сергей Есенин, Райх и Ганин вернулись из поездки на Север. К тому времени Есенин и Райх обвенчались. Молодые поселились в доме № 33 по Литейному проспекту. Туда-то и пришел

Разумник Васильевич 3 октября, чтобы поздравить Есенина с его 22 летием. Вот что об этом вспоминала Свирская: “Зинаида просила меня прийти. Сказала, что будет только несколько человек — закуски ведь будет очень мало. Я пришла. Электричество не горело. На столе стояла маленькая керосиновая лампа, несколько свечей. Несколько бутылок и какая-то закуска. По тем временам стол выглядел празднично. Были Раиса Павловна, Савелий Павлович, Ганин, Иванов-Разумник, Петр Орешин и еще кто-то, но не вспомню. Было очень оживленно и весело...”⁹

Это был период исключительно активной творческой деятельности и Иванова-Разумника и Есенина. Сергей Есенин часто выступал на литературных вечерах. Иванов-Разумник избегал публичных выступлений, но изредка они все-таки были. Малоизвестен факт совместного выступления Иванова-Разумника с Есениным на литературном вечере памяти декабристов, который был организован “Всероссийской военной организацией левых социалистов-революционеров” в Соляном городке (Пантелеймоновская улица, 2) 14 декабря 1917 г.¹⁰ Кроме афиши вечера хранящейся в ЦГАЛИ, никаких сведений об этом событии не сохранилось.

В конце декабря 1917 г. Есенин вместе со своим другом поэтом Алексеем Ганиным побывал в Царском Селе у Иванова-Разумника. Об этом написал в своих воспоминаниях литератор Е. Г. Лундберг: “Познакомился у Иванова-Разумника с С. Есениным и А. Ганиным. Поэты. Оба молодые. В Есенине — сочетание озорства с большою утонченностью... Иванов-Разумник балует Есенина, не напортил бы...”¹¹

В Пушкинском Доме, в архиве Иванова-Разумника, находится чудом сохранившийся дневник его дочери Ирины. Из него стало известно о нигде ранее не упоминавшемся факте приезда Есенина к Иванову-Разумнику 31 декабря 1917 г.:

“Около 9 ч. к нам пришли С. Есенин и Орешин и сидели до 10 часов. Папа был дома”¹².

Прошло меньше месяца, и Есенин снова побывал в Царском Селе на Колпинской улице. Когда в январе 1918 г. Лундберг приехал к Иванову-Разумнику, там он встретил Есенина и еще двух известных писателей — О. Д. Форш и Е. И. Замятина: “Вечером у Иванова-Разумника литература не только подается, она творится — особенно долгими ночами, когда один из гостей остается с глаз на глаз с хозяином...”¹³

В записных книжках и дневниках А. А. Блока неоднократно встречаются фамилии Р. В. Иванова-Разумника и С. А. Есенина. Чаще порознь, но в нескольких записях и вместе. Вот три записи, относящиеся к 1918 г.:

30 января. «В редакции “Знамени труда” (материал для первой книжки “Нашего пути”). Иванов-Разумник, Есенин, Чапыгин, Сюнненберг, Авраамов, М. Спиридонова...»¹⁴

20 февраля. «В “Знамени труда” — мои “Скифы” со статьей Иванова-Разумника.— В “Наш путь” — Р. В. Иванов, Лундберг, Есенин...»¹⁵

27 марта. “На Лиговку (Р. В. Иванов): 1) его корректура... Есенин, Чапыгин, Сюнненберг, Камкова, Шимановский...”¹⁶

В конце апреля 1918 г. Есенин выехал в Москву на постоянное жительство. Там у него появились новые друзья — поэты-имажинисты. Но Иванова-Разумника он не забывал. 30 сентября 1918 г. Есенин пишет в Детское Село письмо, приглашает Разумника Васильевича приехать в гости и просит помочь издать книгу своих стихов в Петрограде. В другом письме от 4 декабря 1920 г. он писал:

“Дорогой Разумник Васильевич!

Простите ради Бога за то, что не смог Вам ответить на Ваше письмо и открытку. Так все неожиданно и глупо вышло. Я уже собирался к 25 октября выехать, и вдруг пришлось вместо Петербурга очутиться в тюрьме ВЧК. Это меня как-то огорошило, оскорбило, и мне долго пришлось выветриваться. Мне очень и очень хотелось бы Вас увидеть, услышать и самому сказать о себе. Уж очень многое накопилось за эти два с половиной года, в которые мы с Вами не виделись. Я очень много раз порывался писать Вам, но наше безалаберное российское житие, похожее на постоялый двор, каждый раз выбивало перо из рук. Я удивляюсь, как еще я смог написать столько стихов и поэм за это время. Всего Вам, Разумник Васильевич, всего хорошего. Я очень и очень часто вспоминаю Вас. Жаль только, что не видимся, но авось как-нибудь вырвусь. Привет Варваре Николаевне, Вашим детям и Ремизовым.

Жму Вашу руку.

С. Есенин.”¹⁷

Вероятно, Разумник Васильевич прислал ответное письмо с обещанием приехать в Москву. Но время шло, а он все не приезжал. 29 августа 1921 г. один из его старых знакомых, член партии социалистов-революционеров А. А. Шрейдер, отправил ему письмо, где содержалась такая приписка:

“Дорогой Разумник Васильевич, привезите какие-нибудь материалы о Блоке... Квартира (совсем отдельная и хорошая комната), стол и все прочее Вам здесь уже устроено — устроил Есенин. Он ждет Вас с нетерпением”¹⁸.

Вдумаемся в эти строки, которые ранее не публиковались. Бездомный Есенин находит квартиру для Иванова-Разумника и ждет его с нетерпением. А ведь некоторые литературоведы пытались уверить, что после 1918 г. Есенин больше с Разумником Васильевичем не встречался, так как “охладел” к нему.

Они встречались и в 1921 и 1924 г. В сентябре Иванов-Разумник находился в Москве. По возвращению, в письме из Детского Села от 5 октября он сообщил М. М. Пришвину:

«...Серезжа Есенин — только что видел его после трех лет в Москве — написал сильную и крепкую вещь — поэму “Пугачев”»¹⁹.

В начале февраля 1922 г. Есенин сопровождал Дункан во время ее гастролей в Петрограде. Среди множества других дел, в частности, издания поэмы “Пугачев”, Есенин планировал встречу с Ивановым-Разумником. Встреча, однако, не состоялась. 6 марта из Москвы Есенин писал старшему другу о своем огорчении: “что даже и по телефону нельзя было поговорить... Живу я как-то по-бивуачному, без приюта и без пристанища, потому что домой стали ходить и беспокоить разные бездельники... Им, видите ли, приятно выпить со мной! Я не знаю даже, как и отделаться от такого головотяпства, а прожигать себя чахло, совестно и жалко. Хочется опять заработать, ибо внутри назрела большая вещь...”²⁰

Перед отъездом из Москвы за границу, 5 мая 1922 г. Есенин в письме Н. А. Клоеву сообщает, что будет писать ему “на Разумника”. Вероятно, это был адрес, который Есенин знал лучше всего и считал самым надежным...

К Разумнику Васильевичу домой приходили не только писатели, поэты и художники, но и студенты детскосельского института. Один из них — Николай Шараров вспоминал:

«В квартире Иванова-Разумника на Колпинской улице, 20 собирались местные и приезжие литераторы побеседовать о задачах литературы, обсудить новые произведения, прочесть отрывки из своих. Раньше всех к назначенному времени обычно приходил В. Шишков... Как-то, беседуя с Разумником Васильевичем, я, по-студенчески прямо, спросил его, кто, по его мнению, в русской поэзии после Пушкина будет ее представлять? Кто теперь самый большой поэт на Руси? Он, быстро взглянув на меня, немедленно ответил: “Несомненно, Сергей Есенин!...”»²¹

Приехав летом 1924 г. в Ленинград, Есенин неоднократно бывал в Детском Селе, выступал на поэтических вечерах и несколько раз заходил к Разумнику Васильевичу. Об этом Иванов-Разумник написал в книге “Писательские судьбы”. Об этом вспоминала его дочь Ирина Разумниковна (газета “Вперед”, Пушкин, 24.01.89). Об этом же написал поэт В. Эрлих в книге “Право на песнь” в главе “Детское Село”. Речь шла о приезде ленинградских поэтов-имажинистов в Детское Село в июле 1924 г.:

“Поезд еще не остановился, но мы соскакиваем на ходу и, с невероятным шумом перебегаем платформу. Все мы вооружены китайскими трещотками и стараемся шуметь как можно больше. Но, выйдя на улицу,

Есенин сразу принимает степенный вид и командует: — Вот что! Сначала к Разумнику Васильевичу! Повзводно! Раз! Два! Чуть не забыл! К нему — со всем уважением, на которое мы способны! Марш!

Через четверть часа мы у Иванова-Разумника. Ласковый хозяин, умно поглядывая на нас сквозь пенсне, слушает стихи и сосет носогрейку. — Так-с... Так-с... Пушкинизм у вас, друзья мои, самый явный! Ну что же! Это не плохо. Совсем не плохо!

Перед уходом Есенин просит его сказать вступительное слово на вечере в Доме ученых. Хозяин жмет руку и ласково посапывает: — Скажу, скажу! Но только для вас, Сергей Александрович. Только для вас!..”²²

По-видимому, это была их последняя встреча. В 1925 г. Есенин приехал в Ленинград дважды — в ноябре, на несколько дней, и в декабре. Последний приезд оказался роковым: он трагически погиб в гостинице “Англетер” в ночь с 27 на 28 декабря 1925 г.

В ответ на письмо московского историка Я. Леонтьева И. Р. Иванова сообщила:

“...Видел ли папа мертвого поэта, не припомню, но что он не сопровождал тело в Москву — совершенно точно. Смерть эта поразила отца, но никаких разговоров о, якобы, убийстве Есенина не было”²³.

Разумника Васильевича неоднократно просили выступать на вечерах памяти Есенина, которые проходили в Ленинграде в течение 1926 г. Но он неизменно от всех этих предложений отказывался, считая, что личное не стоит выносить на общественное обсуждение. Обращаясь к З. Н. Райх, Иванов-Разумник писал (16. 01. 27):

“Очень досадно было мне, что так и не пришлось по настоящему повидаться и поговорить в этот мой приезд; хотел и от Вас услышать кое-что, и Вам рассказать кое о чем. Я за этот год закончил свои записки о С<ергее> А<лександровиче>, — листов на пять и совершенно не для печати, за исключением быть может нескольких страниц общего содержания”²⁴. В книге “Писательские судьбы” Иванов-Разумник подвет своеобразный тог:

«Гибель Есенина в 1925 г. тесно связана не только с его болезнью (смотри его предсмертную поэму “Черный человек”); ведь и самая болезнь была следствием невозможности писать и дышать в гнетущей атмосфере советского рая.

Знаю об этом из разговора с Есениным за год до его смерти, когда он приехал ко мне летом 1924 года в Царское Село..., — о нем... надо будет рассказать подробно...»²⁵

Примечания

- ¹ *Субботин С. И.* К истории текстов “Иорданской голубицы”, “Ленина” и “Песни о Евпатии Коловрате” // *Есенин академический. Есенинский сборник.* Вып. II. М., 1995. С. 64.
- ² *Есенин С. А.* Собр. соч. в шести томах. (Далее: Есенин. Т. №). Т. V. М., 1979. С. 220.
- ³ Там же. Т. VI. М., 1980. С. 69.
- ⁴ *Голлербах Э.* Город муз. Царское Село в поэзии. СПб., 1993. С. 205.
- ⁵ *Есенин. Т. VI.* С. 77.
- ⁶ Новое о Сергее Гедройц / Публ. А. Г. Меца // *Лица. Биографический альманах.* 1992. № 1. С. 299.
- ⁷ *Есенин. Т. VI.* С. 81–84.
- ⁸ *Свирская М.* Знакомство с Сергеем Есениным // *Русское зарубежье о Есенине.* М., 1992. С. 144.
- ⁹ Там же. С. 148.
- ¹⁰ См.: *Леонтьева Я.* “Работал с эсерами... как поэт” // *Русь святая* (Липск). 1993, 16 декабря.
- ¹¹ *Лундберг Е.* Записки писателя. 1917–1920. Берлин, 1922. С. 110.
- ¹² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 2. № 13.
- ¹³ *Лундберг Е.* Ук. соч. С. 117–118.
- ¹⁴ *Блок А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 387.
- ¹⁵ Там же. С. 389.
- ¹⁶ Там же. С. 397.
- ¹⁷ *Есенин. Т. VI.* С. 100, 101.
- ¹⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1, № 348. Л. 1 (Сообщил В. Г. Белоус).
- ¹⁹ РГАЛИ. Архив М. М. Пришвина (Сообщил Я. В. Леонтьев).
- ²⁰ *Есенин. Т. VI.* С. 115.
- ²¹ *Шарапов Н. И.* Мои встречи с Есениным // *Есенин и современность.* М., 1975. С. 389, 390.
- ²² *Эрлих В.* Право на песнь // *Как жил Есенин.* Челябинск, 1992. С. 168.
- ²³ *Гликин М., Леонтьев Я.* Черный магнит “Англетера” // *Общая газета.* 1996, 3 января.
- ²⁴ *Карохин Л.* “Моя сказка, моя жизнь” // *Царскосельская газета.* 1994, 30 июня.
- ²⁵ *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы / Публ. А. Лаврова // *Возвращение.* 1991. Вып. 1.

СКИФСТВО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА мистерия “Соломон и Китоврас”

В начале 1910-х гг. в процессе работы над сборником апокрифов “Лимонарь” Ремизов обратил внимание на древнерусскую повесть, упоминутую Н. С. Тихонравовым в индексе запрещенных на Руси книг,— “О Соломоне царе и о Китоврасе басни и кошуны”.

Сюжетное ядро древнерусской повести — один из легендарных эпизодов создания Соломонова храма. Царь Соломон пленяет демона Китовраса, который помогает найти камень “шамир” — с его помощью можно без шума обтесывать материалы для храма. Оказавшись при дворе Соломона, Китоврас хитростью овладевает царским волшебным перстнем, забрасывает самого царя на край земли и садится на престол, приняв облик Соломона. В финале повести перстень падает с руки Китовраса, появляется настоящий царь, а демон исчезает.

Первые сведения о попытках обработать эту легенду относятся к 1912 г., который Ремизов называл периодом “Терещенок”. Тогда писатель сблизился с семьей мецената, промышленника и одного из лидеров русского масонства М. И. Терещенко и получил возможность пользоваться его личной библиотекой, которая ныне утрачена. Тогда же Терещенко заказал Блоку либретто балета из времен Средневековья, и итогом этого замысла стала драма “Роза и крест” (1913), вся основанная на эзотерической философии розенкрейцерства. Переписка, дневниковые записи свидетельствуют об интенсивном обсуждении будущего сочинения Блоком, Ремизовым и Терещенко. Важно отметить, что и идейно-художественная структура, и само название драмы связаны с символикой и идеологией розенкрейцеров, а для них легенды о строительстве Соломонова Храма и обретении “красесекомого” камня (“шамира” древнерусской повести) были базовыми в системе их символической философии. Возможно, изучение общих эзотерических источников было причиной возникновения у Ремизова замысла сочинить вместе с Блоком “русалию” — т. е. театральное действо о Соломоне и Китоврасе. Об этом он сообщал Блоку в письме от 22 июля 1912 г.: “Все мечтаю <...> написать с Вами Китовраса”¹.

В архиве Ремизова, хранящемся в Центре Русской культуры Амхерст-колледжа (США) имеется альбом-конволют текстов Ремизова, объединенных названием “Китоврас”². Это — черновые и беловые автографы текстов разного жанра, объединенных одной темой — пересказом сказа-

ний о Соломоне и Китоврасе. Хронологические рамки их создания — 1910-е — конец 1920-х гг.

Особый этап работы над текстом древнего сказания относится к 1918–1920 гг. — времени, когда сюжет о союзе человека и демона в деле великого созидания вновь приобрел актуальное значение.

26 мая 1918 г. Ремизов сообщил В. Э. Мейерхольду: “Хочу осуществить давно задуманное, написать для большого циркового театра о Соломоне и Китоврасе»³. В 1919 г. на анкетный вопрос о текущей творческой работе писатель ответил так: “Больше всего занят театром, и потому, что люблю театр, и потому еще, что служу в учреждении театральном. Три пьесы ношу в сердце — пишутся они медленно, не хватает часов — а и сон тоже каждому полагается — три образа неодоленные — Китоврас и царь Соломон — скиф и мудрец, демон и повелевающий демонами, потом Ванька-Каин-вор-скоморох, а последнее — конец Разина”⁴. В дневниковой записи от 30 сентября 1920 г. Ремизов пометил: “Когда шел, мысленно писал до ожесточения. Писал первую сцену из Китовраса... А вернулся — разбитый. Куда уж писать?”⁵ Но несмотря на трудности, драматическое произведение в 3-х актах “Соломон и Китоврас” было написано, хотя и осталось неопубликованным.

В новой редакции истории Соломона и Китовраса сюжет древнерусской повести — основа лишь одного эпизода “русалии”. Под этим термином писатель понимал “большое всенародное действо с душой, устремленной к вечному, религиозное, безумное”⁶ — т. е. мистерию. При создании “всенародного действа” главным источником Ремизова стала основная масонская легенда о Храме. Удалось установить печатный источник ремизовского текста — изложение этой легенды в восьмой книге “Франкмасоны” исследования Чарльза Гекерторна “Тайные общества всех веков и всех стран” (рус. перевод: СПб., 1876).

В ней рассказывается о строителе Храма — Адонираме (Хираме), потомке духа огня Самаэля и Тубалкаина, изобретателя закалки металлов. Итогом работ по строительству Храма стала отливка Адонирамом “медного моря” — т. е. Купели. Но этот проект закончился неудачей из-за коварства трех подмастерьев, недовольных Адонирамом. Процесс отливки обернулся катастрофой. Адонирам услышал голос из кипящей массы выливавшегося из формы металла: «“Приди, сын мой, не опасайся, я сделал тебя несгораемым; бросься в пламя”». Хирам бросился в горнило, <...> и спрашивал того, кто увлек его в бездну: — Куда ты ведешь меня? — В центр земли, в душу мира, в царство великого Каина, где вместе с ним царствует свобода. Там тиранская ненависть Адонаи прекращается <...> — Кто же я и кто ты? — Я отец твоих отцов, я сын Ламеха, я Тубалкаин»⁷.

Драматическая мистерия Ремизова “Соломон и Китоврас” принадлежит к наиболее эзотерическим текстам писателя. К источникам пьесы, кроме апокрифических легенд о Китоврасе, кроме масонской легенды о Хираме-Адонираме принадлежат и статьи Иванова-Разумника.

Как известно, Ремизов, хотя и со значительными оговорками, примыкал к “скифам” — литераторам, группировавшимся вокруг Иванова-Разумника. Он был участником сборников “Скифы” (в первом номере было напечатано его либретто “Ясня”, во втором — “Gloria in Exelsis” и программное “Слово о погибели русской земли”).

Ремизовская трактовка столкновения двух героев мистерии — демона Китовраса и царя Соломона — во многом сходна с символической схваткой разумниковского “скифа” с мировым мешанином. По Иванову-Разумнику, их противостояние — это «борьба реакционности в разных масках — в маске “прогресса”, в маске “социализма”, в маске “христианства” — с революционной сущностью, с “волей до конца” во всех областях, во всех кругах жизни и творчества — в политике, в науке, в искусстве, в религии»⁸.

Царь Соломон олицетворяет мудрость, порядок и власть, образующие “законное” человеческое мироустройство. Он же воплощает ненасытное стремление людей стать абсолютными хозяевами рационально устроенного мира. Через разум человек может уподобиться Богу — таково символическое значение предполагаемого брака царя Соломона с царицей Савской. Он говорит ей: “В тебе сильно желание мудрости. А я сжигаем твоей красотой. Если ты любишь мудрость, соединим свои дни, и будут дети наши прекрасны и мудры как боги земли”. Однако для Ремизова доктрина о примате разума (“мудрости”) всегда представлялась ложной. В особенности в годы революции “антропоцентризм” ремизовского героя был свидетельством неистинности исповедуемых им теорий. Царь Соломон — воплощение того “человечества”, которому противостоят утопические “обезьяны” Ремизова. В известном Манифесте Обезвельволшала объявлялось, что свободные обезьяны презирают “гнусное человечество, омрачившее свет мечты и слова”, состоящее из людей, “как будто откликающихся на вольный клич, но не допускающих борьбу за него”⁹.

Антагонист библейского царя Китоврас характеризуется в пьесе как “вольный житель привольных степей, мудрый, ласковый, смелый. Он познал глубокую мудрость веков, когда вся природа говорила одним языком”. Писатель использовал разъяснение семантики имени Китовраса, данное А. Веселовским: “Китоврас не что иное как неумелая переделка греческого кентавра”¹⁰. В пьесе Ремизова Адонирам называет его “свободным кентавром”. Для писателя не так значима волшебная (демони-

ческая) сущность Китовраса, как персонификация в его лице стихии абсолютной свободы. Модернизированный и переосмысленный, этот образ стал у Ремизова одним из центральных символов революции. Философскую и эстетическую аналогию символическому истолкованию “вольного кентавра” Ремизов частично обрел в “скифской” теории Иванова-Разумника.

Наиболее полно раскрытие генезиса и семантики образа Китовраса дано Ремизовым в рецензии (1918–1919) на пьесу “Дантон” Ромена Роллана: “Дантон — скиф раздольных степей, Китоврас, чарующий дикой песней прирученное, расчетливое, приспособившееся в борьбе к расчетливости — другого исхода нет! — человеческое стадо. Дантон пробуждает в душе и самой человеческой, т. е. расчетливой, видение обезьяньего вольного скифа, песенного Китовраса — народ готов уж освободить его за крылатую его волю и уносящую, опьяняющую песню, но <...> Жизнь человеческая — стада человеческого не может идти по-обезьяньи под песню Китовраса — человеку это не под силу и притом же неразумно! — но и без песни Китовраса жить невозможно, просто скучно, просто постыло”¹¹.

В пьесе Ремизова противопоставлены две “мудрости” — человеческая “разумность” царя Соломона и стихийное “неразумие” Китовраса. На просьбу Соломона Китоврас отвечает: “Мудростью ли похвастает сын лесов и степей! Еще не пришли те пастыри, которые научат весь мир... Благодать радостной жизни дышать на вольной земле — вот моя мудрость”. Это — антитеза профанного и тайного знания, причем, по Ремизову, только через последнее можно постичь природу стихийного акта творения. А одним из его проявлений является революция.

Кабалистическими заклинаниями Соломон делает Китовраса союзником, находит волшебный камень Шамир и смиряет шум. “Наступает тишина, проникнутая музыкой”. Неслышная музыка — символ мировой гармонии. На мгновение “закон” и “свобода” пребывают в равновесии. Но оно нарушается по воле Адонирама — “сына гения огня”.

В годы революции символика “огня”, “мирового пожара” широко использовалась в художественной литературе и публицистике. Приоритетное место занимала она и у Ремизова. В 1919 г. он опубликовал книгу “Электрон” — переложение текстов Гераклита Эфесского. “Есть суд всего, — писал в ней Ремизов, — что дышит, живет и растет, суд огнем. Огонь — последний судия все судит и все разрешает”¹². Знаменательна лексическая и семантическая переключка этого текста со статьей Иванова-Разумника о поэме Блока “Двенадцать” — “Испытание в грозе и в буре” (1918), где критик процитировал “Электрон” Ремизова. «От произведений поэзии переходя к преломляемым ею лучам жизни, — писал

Иванов-Разумник, — еще раз повторю: лучи эти соединяются, через революцию, в “последний суд огнем”. И этот последний суд — для всего и для всех является последним испытанием. В огненной грозе и буре должны распасться старые кирпичи, должны закалиться новые мечи, проводящие нас в мир новый. В буре пожаров надо суметь увидеть то новое, то надисторическое, что таится перед нами в пыли, грязи и крови.»¹³

Для Ремизова, изучавшего религиозные и философские системы древних, характерно представление о метафизическом принципе огня как первоисточника космической эволюции. Поэтому он сделал именно Адонирама — “сына гения огня” — основной движущей силой сюжета своей мистерии о мировом переустройстве. Адонирам подсказывает Соломону, как овладеть Китоврасом. И он же побуждает Китовраса воспользоваться своей тайной силой — “песней полей, песней любви”. Соломон отдает Китоврасу магический перстень. Наступает царство Китовраса, обернувшегося царем Соломоном.

Если царство Соломона — это модель мироустройства на основе “закона” и рациональной человеческой “мудрости”, то царство Китовраса — творимый волей Адонирама эксперимент по созданию миропорядка, основанного на абсолютной стихийной свободе. Антитетичность двух мироустройств в пьесе Ремизова подчеркнута особым художественным приемом — введением одинаковых по фабуле, но противоположных по смыслу сцен судов обоих “царей Соломонов”.

Эксперимент Адонирама доходит до высшей точки в момент создания “медного моря” — т. е. Купели. Пожар, которым заканчивается церемония ее отливки — кульминация мистерии Ремизова и наиболее концентрированное аллегорическое выражение ее основной идеи. Китоврас — властитель царства безудержной свободы становится деспотом, повторяя путь первого, “настоящего” царя Соломона. Он обуян гордыней. “Я — царь, — говорит он Адонираму. — Кто может быть выше меня?” По мысли Ремизова, мир свободы и воли неизбежно превращается в царство принуждения. На вопрос Китовраса Адонирам отвечает, что выше его “бессмертные души, рожденные воздухом, огнем и водой”.

В большинстве эзотерических учений эти три элемента составляют основу космогонических процессов. Архитектор Адонирам является одной из эманаций этих сил, а его эксперимент по смене модели мироустройства есть, по мысли писателя, лишь частица вечного космического движения.

В финале пьесы наиболее отчетливо прослеживается связь концепции произведения Ремизова с учением гностика Василида о земном мире, находящемся во власти зла (“деспота Демиурга”). Автор мирового эксперимента Адонирам свергает с трона “вольного скифа” Китовраса. Он

говорит: “Слушай, Китоврас, корону царя Соломона я надел на тебя и снимаю обратно. *Раскат и голос*: Адонирам! — Кто зовет меня? — Твой прародитель, сын бессмертного и смертной жены. Твой предок Каин <...> Огонь не может тебе повредить. Спускайся сюда, мы вернемся с тобой к центру земли и поклонимся твоему лучезарному предку Деннице, богу свободы, врагу деспота Демиурга. Склонимся у трона свободного царя безвластия. *Адонирам входит в пламя.*”

Погружение героя в пламя — кульминация мистерии. Это — момент мистического преображения Адонирама, его жертва — это искупление эксперимента по созданию царства безвластия. После огненного исчезновения Адонирама Китоврас срывает волшебный перстень — знак власти, но не теряет облика царя Соломона, хотя после снятия перстня мгновенно появляется подлинный Соломон. На сцене оказываются два царя Соломона как воплощение нового выбора, стоящего перед людьми. Таким образом, мистерия Ремизова заканчивается открытым финалом — эксперимент по созданию нового мироустройства проведен, но является ли он последним или лишь одним из многих грядущих...

Уезжая из России, Ремизов взял с собой все рукописи, связанные с сюжетом о Соломоне и Китоврасе. Последний раз он вернулся к нему в 1930 г., создав легенду “Соломон и Сфинкс”. В новой версии на первый план выдвинута тема исторической памяти, воплощенная в образе Хирама. Теперь этот герой имеет черты самого автора. Но примечательно, что в новом тексте сохраняется историческая “память” о ремизовской мистерии революционных лет. В финале истории о потере Соломоном царства, которую лишь наблюдает свидетель Хирам, говорится: “А в распахнутые окна, под хохот Китовраса, ворвалось беззастенчиво — те, странные, вывезенные Хирамом из Тира, с дерзкими лицами ходили по улицам:

Это будет последний

И самый решительный бой...

И Хирам как очнулся. Глаза его встретились с глазами Китовраса. И Китоврас, оборвав хохот, горько улыбнулся. И от этой улыбки вся горечь судьбы поднялась на сердце Хирама. И увидел Хирам, как под царской одеждой вздрагивали конские крепкие копыта”¹⁴.

Таким образом, оставшаяся неопубликованной мистерия Ремизова была художественным откликом писателя на концепции революционного переустройства, и, в том числе, откликом на “скифскую” теорию Иванова-Разумника. В ней Ремизов выразил свое отношение к делу строительства “царства свободы”, царства “вольного скифа” Китовраса как к притягательной, но обреченной утопии.

Примечания

¹ Переписка А. А. Блока с А. М. Ремизовым. (1905–1920) / Вст. ст. З. Г. Минц; публ. и коммент. А. П. Юловой // Лит. наследство. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Т. 92. Кн. 2. М., 1981. С. 108.

² Приношу благодарность директору Центра русской культуры Амхерст-колледжа проф. С. Рабиновичу за разрешение публикации мистерии Ремизова. Публикация текстов всех редакций переработок легенды о Соломоне и Китоврасе см.: А. М. Грачева. “Соломон и Китоврас” А. М. Ремизова. (История текста) // Текстология русского модернизма. Под ред. О. А. Кузнецовой. СПб., (в печати).

³ РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед. хр. 2303. Л. 33.

⁴ Вестник литературы. 1919, № 8. С. 4.

⁵ Ремизов А. Дневник 1917–1921 / Подг. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова. Вст. зам. и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее. Истор. альманах. Вып. 16. М.–СПб., 1994. С. 493.

⁶ Ремизов А. Крашенные рыла. Берлин, 1922. С. 83.

⁷ Гекертон Ч. У. Тайные общества всех веков и всех стран. Ч. 1. М., 1993. С. 152.

⁸ Скифы [С. Д. Мстиславский, Иванов-Разумник]. Вместо предисловия // Скифы. Сб. 1. Пг., 1917. С. XI.

⁹ Ремизов А. Взвихренная Русь. Париж., 1927. С. 273–274.

¹⁰ Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872. С. 137.

¹¹ Ремизов А. Крашенные рыла. С. 76–77.

¹² Ремизов А. Электрон. Пб., 1919. С. 7.

¹³ Иванов-Разумник. Вершины. Пг., 1923. С. 202.

¹⁴ Последние новости (Париж). 1931, № 3679, 19 апр. С. 3.

ПИСЬМО Р. В. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА К Б. И. ХАРИТОНУ

Публикуемый текст относится к эпистолярному наследию Иванова-Разумника периода Вольной Философской Ассоциации (1019–1924). Документ хранится в архиве В. А. Петрицкого. Публикуется впервые.

* * *

Царское Село.
16 декабря 1921 г.
Борису Осиповичу
Харитону.¹
“Дом литераторов”.

Многоуважаемый Борис Осипович, к сожалению я не успел исполнить вовремя свое обещание. Но зато утраиваю его: вместо заметки о новой поэме Клюева — я дам статейку о трех новых и пока неизвестных поэмах: Клюева, Есенина и Гиппиус.² Пришло или занесу их в понедельник 26/ХІІ.

Заметку о сборнике “Памяти А. Блока” доставит Вам один из “вольфилицев”³.

И последнее: о книге “Пушкин. Достоевский”⁴ — не могу окончательно; слишком разноценный материал.

Готовый к услугам.

Р. Иванов.

Примечания

¹ Харитон Борис Иосифович (Осипович) (1877–1941) — литератор, журналист; в 20-е гг. редактор “литературно-исследовательских и критико-библиографических журналов” “Летопись Дома литераторов” и “Литературные записки”. Выслан из России в 1922 г. Отец академика Ю. Б. Харитона. См.: *Петрицкий В. А. Вехи времени*. СПб., 1995. С. 21.

² См.: *Иванов-Разумник. Три богатыря // Летопись Дома литераторов*. 1922. №. 7. С. 5. Речь идет о поэмах Владимира Васильевича Гиппиуса (1876–1941) “Лик человеческий”, Николая Алексеевича Клюева (1884–1937) “Четвертый Рим” и Сергея Александровича Есенина (1895–1925) “Пугачев”. Рукопись статья, датированной 31.ХІІ.1921 г., сохранилась в архиве С. А. Есенина (ИРЛИ. Ф. 817. №. 32).

³ См.: Д. П. [Пинес Д. М.] Вольфила — Блоку // *Летопись Дома литераторов*. 1922. №. 1–2 (5–6). С. 7. Речь идет о книге “Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А. З. Штейнберг. Пб., 1922, изданной Вольной Философской Ассоциацией. Вероятно, “вольфилец” — сам Дмитрий Михайлович

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЫСЛЫ ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

В 1923 г. вышла в свет книга Иванова-Разумника “Вершины. Александр Блок. Андрей Белый” — последняя, в которой он мог дать свою трактовку явлений новейшей русской литературы и сформулировать свои критические оценки. После этого деятельности Иванова-Разумника как критика и публициста, активно участвовавшего в живом литературном процессе на протяжении двух десятилетий, в советской печати был поставлен прочный заслон. В письме к Ф. И. Седенко (Витязеву) от 26 февраля 1928 г. он с горькой иронией называет себя “бывшим литератором”¹. Оставалась, однако, возможность работать на более “тихом”, удаленном от злобы дня поприще — историко-литературном: в амплу интерпретатора явлений и имен давно прошедших десятилетий Иванов-Разумник еще был, до поры до времени, приемлем. Имея большой опыт литературоведческой, в том числе текстологической и комментаторской, работы (в 1911 г. под редакцией и с примечаниями Иванова-Разумника было выпущено Собрание сочинений В. Г. Белинского в трех томах, в 1911–1913 гг. — несколько подготовленных им изданий классиков в серии “Историко-литературная библиотека” и т. д.), с середины 1920-х гг. Иванов-Разумник занимался главным образом историко-литературным трудом. В течение трех лет увидели свет четыре подготовленные им книги — одна в издательстве “Прибой”: “Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры” Н. Ф. Щербины (Л., 1929) — и три в издательстве “Academia”: “Литературные воспоминания” И. И. Панаева (Л., 1928), “Воспоминания” Аполлона Григорьева (М.-Л., 1930), “Записки о моей жизни” Н. И. Греча (М.-Л., 1930; совместно с Д. М. Пинесом). Кроме того, с предисловиями Иванова-Разумника были изданы романы Д. Н. Мамина-Сибиряка “Приваловские миллионы”, “Хлеб”, “Черты из жизни Пепко”², а с его комментариями — романы И. А. Гончарова “Обыкновенная история”, “Обломов”, “Обрыв”³.

Эти книги являют собой результат лишь части тех историко-литературных проектов, которые Иванов-Разумник тогда готов был осуществить. В письме к Витязеву от 7 июня 1928 г. он перечисляет ряд отдельных изданий (определенно, для серии “Памятники литературного быта” в издательстве “Academia”), которые мог “сравнительно скоро представить”:

«1) Греч, “Записки”. По новым рукописям и материалам, первое полное издание, с комментариями. К сожалению — 25 печ. листов.

2) *Нестор Кукольник*, Записки и воспоминания. Никогда не были собраны, а частью (значительной) и не были напечатаны. Материал очень интересный для быта и эпохи 30-х годов. Размер с комментариями — около 15 печ. л.

3) *М. Ф. Каменская*, Воспоминания. Они никому не известны, никогда не выходили отдельной книгой, а между тем это блестящий и талантливый литературный памятник, описывающий эпоху 20–30-х годов; читается “взасос”. Чуть больше 15–16 п. л.

4) *Никитенко*, Записки. Выборка в 15–18 п. л. всего ценного, что есть в его двухтомии, при этом — по рукописи и с обильным числом неизвестных и нецензурных доселе мест»⁴.

Из этих замыслов Ивановым-Разумником был осуществлен только один — “Записки о моей жизни” Н. И. Греча. “Воспоминания” М. Ф. Каменской, впервые опубликованные в 1894 г. в “Историческом вестнике” и подготовленные к печати в 1930 г. Н. О. Лернером, вышли в свет отдельным изданием только в наши дни⁵; дневник А. В. Никитенко издан в трех томах⁶, заявка же на “Записки и воспоминания” Н. В. Кукольника никем не реализована и по сию пору.

В архиве Иванова-Разумника сохранилось еще несколько заявок на подготовку книг, которые не были востребованы издательствами и так и остались его рабочими проектами. Среди них — заявки на отдельные издания сочинений писателя-петрашевца Александра Ивановича Пальма (1822–1885) и прозаика-семидесятника А. О. Новодворского (1853–1882), печатавшегося под псевдонимом А. Осипович. В последующие десятилетия произведения этих авторов в том объеме, в каком задумывал их собрать Иванов-Разумник, так и не были изданы⁷. Другие два его проекта оказались в числе первых подступов к исследовательской и книгоиздательской разработке больших тем, которые станут предметом внимательного литературоведческого изучения на протяжении длительного времени. Замысел книги “Подпольные сатиры XIX века”, в частности, осуществился в расширенном виде в ряде томов сатирической и “вольной” поэзии, выпущенных в Большой серии “Библиотеки поэта”⁸. Монография «“Современник” и “Отечественные Записки”», если бы Иванову-Разумнику была предоставлена возможность ее написать, явилась бы первым в отечественной историко-литературной науке капитальным исследованием этих важнейших для формирования русской общественной мысли журналов, уже в 1930-е гг. ставших предметом внимательного изучения и на сегодняшний день пристально и в самых различных аспектах проанализированных и библиографически описанных⁹.

Два основных направления литературоведческой деятельности Иванова-Разумника в советское время связаны с изданием и изучением твор-

чества Александра Блока и М. Е. Салтыкова-Щедрина. О работе Иванова-Разумника над Блоком нам уже приходилось писать; что же касается его щедриноведческих трудов, то и по сей день исследовательский приоритет Иванова-Разумника в этой области должным образом не обозначен.

Работа Иванова-Разумника над Щедриным, начатая еще в предреволюционные годы публикацией в “Заветах” (1914. № 4) его неизданной “драматической сатиры” “Тени”, развернулась с большой интенсивностью во второй половине 1920-х гг.; результаты ее — биографический очерк и примечания в книге “Избранные отрывки из сочинений” Салтыкова-Щедрина в 6 томах (М.-Л., ГИЗ, 1926–1928) с обстоятельными комментариями, в совокупности составляющими 30 печатных листов; сборник “Неизданный Щедрин” (Изд-во Писателей в Ленинграде, [1931], 328 с.) с предисловием и примечаниями Иванова-Разумника, — а также монографическое исследование “М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Ч. 1. 1826–1868” (М., “Федерация”, 1930), вышедшее в свет благодаря энергичным хлопотам Ф. И. Седенко-Витязева. Первая часть задуманного трехтомного труда о Салтыкове-Щедрине, по достоинству оцененная подлинными учеными (в частности, Вас. Гиппиус в рецензии подчеркивал: “Книга Иванова-Разумника — научное событие большого значения и интереса прежде всего для историка литературы, а затем — для историка русской культуры вообще <...> творчество Салтыкова впервые систематизировано и социологически прокомментировано <...> впервые установлен ряд фактов, которые необходимо должны войти в науку и составить основу всего дальнейшего щедриноведения”), “идейно выдержанными” критиками была встречена, естественно, в штыки. В. Архангельский, отмечая, что в работе Иванова-Разумника “эпигонско-народнический идеализм автора сохранился в полной своей неприкосновенности”, расценивал книгу как “склад интересных, далеко не малоценных, но все же только сырых материалов”. “Марксистская же монография о великом сатирике, — сетовал рецензент, — увы, еще не написана”. В разрешении поставленной задачи Иванов-Разумник, по мнению другого рецензента, “терпит жесточайшее фиаско, ибо <...> методом диалектического материализма <...> в своей работе не пользуется”: “...труд Иванова-Разумника страдает недостатками совершенно неустраняемыми, поскольку автор стоит на методологической платформе, не только ни в какой степени не созвучной принципам марксистского метода, но и прямо противоположной им”. Столь недвусмысленные вердикты, разумеется, прочитывались как предварительный, заблаговременно вынесенный приговор второй, еще не написанной, части монографии Иванова-Разумника.

14 мая 1932 г., за восемь с половиной месяцев до ареста, Иванов-Разумник писал Витязеву: «...последние полтора года я сиднем сидел за Блоком; теперь эта работа пришла к концу. Но зато подошла другая работа — полное собрание сочинений Салтыкова-Щедрина, в 20-ти томах. План и распределение материала выработал я; издает “Гихл” — “в ударном порядке”: все 20 томов должны лежать на прилавках книжных магазинов к 1 дек<абря> 1933 года. Забронировано 300 тонн бумаги и сколько-то там сотен тысяч рублей. В этом издании я делаю три тома (всю публицистику) и реальный комментарий ко всем томам. Таким образом впереди, если будем живы и здоровы,— полтора года напряженнейшей работы <...> Хорошо бы, если б удалось, закончив ее, осуществить второй и третий томы монографии о Салтыкове, переработав и первый том».

Из-за ареста Иванова-Разумника этим планам не суждено было осуществиться. О том, что его участие в 20-томном Собрании сочинений Салтыкова-Щедрина, изданном не в 1932–1933, как намечалось, а в 1933–1941 гг., предполагало не только комментирование и подготовку отдельных томов, но и контрольное рецензирование томов, редактировавшихся другими исследователями, свидетельствуют сохранившиеся в архиве Иванова-Разумника машинописные замечания и исправления текстологического характера — результат скрупулезного изучения и проверки текстов произведений Щедрина. К этим рецензентским отзывам Иванов-Разумник приложил следующую пояснительную записку:

«Замечания на тт. I–VII полного собр. сочинений Салтыкова-Щедрина
Ленгихл. 1932–1933 г.

Составленный мною (и осуществляемый) план полного собр. сочинений Салтыкова (приложен здесь) — предполагал обработку отдельных томов разными редакторами. Обработанные редакторами тома должны были поступать на мое заключение. Письменные отзывы на тт. I–VII показывают, что с текстологической стороны это издание полн. собр. соч.—крайне неблагополучно (особенно — тома под редакцией Эйхенбаума и Халабаева).

1936 г. Декабрь. Д<етское> Село.

Р. Иванов».

Машинописный текст плана Полного собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина в 20 томах, составленного Ивановым-Разумником (с подробной росписью содержания каждого тома и указанием объемов произведений в печатных листах), также сохранился в его архиве. Сопоставление этого текста с планом издания, обнародованным в 1934 г. в щедринском томе “Литературного наследства”, позволяет сделать вывод об их полной идентичности. Нет нужды приводить текст Иванова-

Разумника целиком; достаточно сравнить, на выбор, предполагаемое содержание хотя бы трех томов. В машинописи Иванова-Разумника указано:

Тома V и VI

Публицистика 1861–1864 гг.

Газетные статьи 1861 года.

“Современник” 1863–1864 гг.:

Статьи (Наша общественная жизнь. Московские письма. Петербургские театры. Несколько слов по поводу “Заметки”. Драматурги-паразиты во Франции. Известие из Полтавской губернии. Дополнение к известию из Полтавской губернии. Еще по поводу заметки из Полтавской губернии. Несколько полемических предположений. В деревне.)

Рецензии (всего 28 рецензий).

Сатира и юмор. (Литературная подпись. Тревоги “Времени”. Цензор впопыхах. Письма отца к сыну. Московские песни. Неблаговоный анекдот. Секретное занятие. Песнь московского дервиша. “Сопелковцы”. Программа “Свистка”. Литературные мелочи. Стрижи. Гг. “Семейству М. М. Достоевского”, издающему журнал “Эпоха”.)

Приложения:

Рукописные наброски 1863–1864 годов. Русская Правда.

Замечания на проект устава о книгопечатании.

Новонайденные статьи: Современные призраки. Современное движение в расколе.

Всего около — 60 п. л.

Том VII

Признаки времени (1866–1869) — 10 п. л.

Письма о провинции (1868–1870) — 17 п. л.

Годовщина (1869). Хорошая душа (1869). Испорченные дети (1869). Похвала легкомыслию (1870).

Рукописные отрывки конца 60-х годов.

Всего около — 32 п. л.

В хроникальной заметке “Полное собрание сочинений Щедрина”, включающей план издания, содержание томов расписано в более краткой форме, но с точным повторением состава и композиционной структуры, установленных Ивановым-Разумником:

“5-й и 6-й гг.

Публицистика 1861–1864 гг.

Газетные статьи 1861 г.

Современник (1863–1864)

Рецензии

Сатира и юмор

7-й том

Признаки времени (1865–1869)

Письма о провинции (1868–1870)

Годовщина (1869)

Добрая душа (1869)

Испорченные дети (1869)

Похвала легкомыслию (1870)

Рукописные отрывки”.

В той же заметке приведен состав редакционной коллегии издания, скомплектованной сплошь из коммунистических функционеров высокого ранга (В. Я. Кирпотин, П. Н. Лепешинский, П. И. Лебедев-Полянский, Н. Л. Мещеряков, М. М. Эссен) — идеологических начетчиков и надсмотрщиков, паразитировавших на труде Иванова-Разумника и других участников издания; следом дан перечень редакторов и комментаторов, работающих над Собранием сочинений: в этом списке из 14 имен Иванов-Разумник не значится. Не значится он и как публикатор обнаруженных им неизданных публицистических статей Щедрина из цикла “Наша общественная жизнь” и статьи “Современные призраки”, впервые напечатанных в томе 11/12 “Литературного наследства” (Щедрин, I. М., 1934) с предисловием А. В. Луначарского и комментариями Я. Е. Эльсберга. Как свидетельствует С. А. Макашин, получивший от Иванова-Разумника эти произведения Щедрина, публикатору был перечислен гонорар в Саратов, по месту ссылки, “но имя Иванова-Разумника как подготовителя текста не было разрешено указать”¹⁰.

Установившаяся в 1930-е гг. традиция замалчивания щедриноведческих трудов Иванова-Разумника дошла и до позднейших времен. В новом 20-томном Собрании сочинений Салтыкова-Щедрина, выпущенном в свет издательством “Художественная литература” в 1965–1977 гг., в предисловии “От редакции” о приоритете Иванова-Разумника в разработке проекта предшествовавшего, первого научного издания 1933–1941 гг. не сообщается; обойден надлежащим вниманием и 1-й том его монографии: в частности, утаена от читателя работа Иванова-Разумника по выявлению ряда рецензий Салтыкова 1840-х гг., а заслуга в атрибуции этих текстов приписана другому лицу (о рецензиях, принадлежность которых Салтыкову впервые обоснована Ивановым-Разумником¹¹, говорится, что они были обнаружены и атрибутированы “лишь при подготовке к изданию первого тома Полного собрания сочинений 1933–1941 годов Е. М. Макаровой”¹²).

Находясь в саратовской ссылке, Иванов-Разумник не оставлял надежды завершить задуманный большой труд о Салтыкове-Щедрине. “...Буду

здесь приводить к окончанию II и III тт. монографии о Салтыкове — из чистой любви к искусству”, — писал он 28 декабря 1933 г. А. Г. Горнфельду¹³. Однако по всей вероятности, этим планам тогда не суждено было сбыться. О содержании и масштабе осуществлявшегося замысла можно судить по подробно разработанному проспекту монографии “Творчество Салтыкова”, учитывавшему весь литературный путь писателя. В изданной в 1930 г. 1-й части исследования этот план воплощен частично и в существенно исправленном виде: изменена общая композиция, некоторые обозначенные в проспекте темы не нашли своего развития или интерпретированы иначе, чем изначально предполагалось. Более чем за шестьдесят лет, прошедших с той поры, вышли в свет десятки книг и сотни статей о Салтыкове-Щедрине, но, думается, далеко не все темы и аспекты, затронутые в проспекте Иванова-Разумника, уже нашли свое истолкование. Некоторые наблюдения и догадки, впервые им высказанные или только обозначенные, разделяются современными щедриноведами¹⁴; другие, возможно, послужат стимулом для новых интерпретаций и разысканий.

Тексты книжных заявок-аннотаций и проспекта “Творчество Салтыкова” печатаются по авторизованной машинописи, хранящейся в архиве Иванова-Разумника: “Сочинения А. И. Пальма” и “Сочинения А. О. Новодворский-Осипович” — ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 1, 2; “Подпольные сатиры XIX века” — Там же. Ед. хр. 106. Л. 1 (Л. 2, 3 — краткие редакции текста, оба с датировкой: “Июнь 1930”); «”Современник” и “Отечественные Записки”» — Там же. Ед. хр. 125. Л. 2; “Творчество Салтыкова” — Там же. Ед. хр. 133. Л. 2–6 (сокращенные написания отдельных слов исправлены без оговорок).

СОЧИНЕНИЯ А. И. ПАЛЬМА

Основным произведением петрашевца А. И. Пальма является роман “Алексей Слободин” (“Семейная история из времен петрашевцев”), появившийся в 1872–1873 гг. Не меньшей известностью, чем этот роман, пользуется пьеса его “Старый барин”, напечатанная тоже в 1873 году в “Отечественных Записках”. Эти два главные произведения А. И. Пальма должны составить главную часть однотомника избранных его сочинений. Остальную часть тома должен составить роман “Больные люди”, являющийся соединением в одно целое двух больших повестей, тесно связанных со всеми другими произведениями А. И. Пальма.

Приблизительный размер текста этого однотомника — около 20 печ. листов (по 40. 000 знаков). Кроме того — небольшая вступительная биографическая заметка (1/2 печ. лист.) и краткие примечания после текста (около 1/2 печ. лист.).

СОЧИНЕНИЯ. А. О. НОВОДВОРСКИЙ-ОСИПОВИЧ

Как известно, А. О. Новодворский напечатал первую и прошумевшую свою повесть “Эпизод из жизни ни павы, ни вороны” в 1877 году, а скончался в начале 1882 года. За это пятилетие своей литературной жизни он написал и напечатал не так много повестей и рассказов (“Роман”, “Сувенир”, “Мечтатели”, “Карьера”, “Тетушка” и др.), избранные из которых составят том размером в 18–20 печ. листов. Небольшая вступительная заметка биографического характера (1/2 печ. лист.) и небольшие примечания после текста (от одного до полутора печ. листов) позволяют определить размер всего тома приблизительно в 20–22 печ. листов.

ПОДПОЛЬНЫЕ САТИРЫ XIX ВЕКА

Особенный интерес к вопросу об *истории сатиры*, преимущественно сатиры русской, нашел свое отражение между прочим и в постановлениях майской сессии Академии Наук о необходимости детального изучения проблем, связанных с этой историей.

Одной из главных задач в этой области является в настоящее время изучение еще неизвестных или мало известных материалов. Таким материалом первостепенной важности явился бы подбор в хронологическом порядке стихотворных рукописных сатир XIX века, сохранившихся в многочисленных рукописных сборниках, имеющих в наших архивах. Если ограничиться эпохой до 1905 года, то по приблизительному подсчету такого литературного материала будет около 12–15 печатных листов, причем в число это лишь в незначительной степени войдут произведения, уже напечатанные в специальных исторических журналах последнего полувека*.

Так как русская сатира XIX века теснейшим образом связана с сатирой второй половины XVIII века, то в хронологической последовательности предлагаемые исторические материалы должны затронуть собою рукописные сатиры и той эпохи.

Не перечисляя всего материала, входящего в предлагаемую книгу, укажу только на рукописные сатиры Кириака Андреевича Кондратовича, сохранившиеся в двух рукописных списках конца XVIII века; на сборник

* *Вариант текста из краткой редакции заявки:* Если ограничиться эпохой от конца царствования Екатерины II и до 1905 года, то по приблизительному подсчету такого литературного материала можно собрать 12–15 печ. листов [...] Такой материал нуждается, конечно, в соответственных комментариях, которые составят около 3 печ. листов на всю книгу, общий размер которой выразится таким образом в цифре 15–18 печ. листов.

Окончательный подбор материала, переписка и комментирование его займут около полугода.

стихотворных сочинений С. Н. Марина (начала XIX века); на рукописный сборник, хранящийся в Публичной Библиотеке под номером 50. Д. 808 — в котором между прочим имеется рукописная сатира по поводу пожара Зимнего Дворца в царствование Николая I; на сборник, состоящий из 344 рукописных листов, относящихся к 60-м годам XIX века, где между прочим напечатано донныне неизвестное “Письмо действительно-го ябеды и крючкотворства советника Грабилова”; на рукописный сборник стихотворений XIX века (там же, под номером О. Б. 153), где между прочим находится “Запрещенные стихи, написанные недовольными моряками в Кронштадте”.

Не приводя дальнейших материалов, полагаю, что сказанного достаточно для характеристики содержания книги “Подпольные сатиры XIX века”.

“СОВРЕМЕННОК” И “ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ”

Биографии литературных деятелей и монографии о них появляются довольно часто; но до сих пор еще не было монографии ни об одном большом журнале, как бы биографии его, основанной на архивных материалах. А между тем сохранился богатый архивный материал, по которому можно восстановить “биографию” двух главнейших русских журналов XIX века, тесно связанных между собою преемственностью руководителей и выдержанных в социалистическом направлении. Это — “Отечественные Записки” и “Современник”.

Богатый архивный и до сих пор почти никем не разработанный материал об этих журналах позволяет совершенно по-новому подробно рассказать биографии их; обилие материала заставляет каждому из этих журналов отвести особую монографию, размером около 15 печатных листов. Хотя первыми появились “Отечественные Записки” (1818 г.), но так как жизнь их (до 1884 года) была значительно продолжительнее жизни “Современника” (1836–1866), то начать приходится со второго журнала и рассказать об основании его Пушкиным, последующем десятилетии редакторства Плетнева, переходе его в руки Белинского и Некрасова, эпохе упадка после смерти Белинского и новом возрождении в последнем десятилетии жизни под руководством Некрасова, Чернышевского, Добролюбова, а позднее — Салтыкова, Антоновича и Елисеева. Особенно много неиспользованного архивного материала, касающегося последнего десятилетия жизни этого журнала вплоть до 1866 года.

То же самое относится и к “Отечественным Запискам”, основанным Свиным в 1818 году, влившим существование до перехода под редакцию Краевского и до десятилетия работы в них Белинского (1839–1846 гг.), затем снова пережившим период упадка (1847–1867) и возро-

дившимся под редакцией Некрасова, Елисеева и Салтыкова в 1868 году. Богатейший архив Краевского до сих пор никем еще не использован для “биографии” этого журнала.

“Биографии” этих журналов не должны быть собранием сухих архивных материалов, но связным рассказом на основании их и на основании целого ряда других привходящих материалов. Желательно было бы иллюстрировать текст небольшим числом репродукций, особенно таких, которые воспроизводились бы впервые.

ТВОРЧЕСТВО САЛТЫКОВА

(Проспект)

I. История творческого пути Салтыкова.

II. Итоги наблюдений над поэтикой Салтыкова.

III. Литературная позиция Салтыкова.

I. ИСТОРИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ САЛТЫКОВА.

1. “ПРОТИВОРЕЧИЯ” (1847) И “ЗАПУТАННОЕ ДЕЛО” (1848).

Биографические и идеологические предпосылки. Дебюты С. (лирические стихи) и отказ от стиховой формы. Салтыков-петрашевец. Подготовка психологической повести в 30-х гг. (Кудрявцев); ее развитие и социологическая окраска в 40-х (Тургенев, Герцен). Традиционные мотивы в “Противоречиях”, связь с Кудрявцевым и с Герценом в теме (“кто виноват”) и в композиции. Психологизм С. и путь к роману тургеневского типа. Дилемма: утопия или действительность. Разрушение романтической эстетики и романтики идеологии в целом.

От “Противоречий” к “Запутанному делу”. Переоценка утопизма. Близость к “натуральной школе”, параллели из Гоголя, Некрасова и др. Сны и кошмары Мичулина и их социо-психологическая мотивировка. Отклики “Запутанного дела” в “Брусине” и в “Тихом пристанище”.

2. “ГУБЕРНСКИЕ ОЧЕРКИ” И КРУТОГОРСКИЙ ЦИКЛ.

“Обличительный жанр” в русской литературе. Важнейшие мотивы в композиции обличительного рассказа (взятка, шантаж, судьба бедного чиновника). Литературные параллели (Печерский, Селиванов и др.). Композиция крутогорского (“свиногорского”) цикла. “Записки чиновника” и “Записки следователя”, как элементы сюжетные — рядом с фельетоном и психологическим очерком. Социальный диапазон “Губернских очерков”. “В остроге” и “Мертвый дом” Достоевского. Патетически-народный тип очерка и связь с славянофильством. Несколько данных из истории текста. Пародийные элементы в “Губернских очерках”. Пейзаж и портрет. “Невинные рассказы” и замысел “Книги об умирающих”. Ожидания критики; точка зрения Чернышевского и Добролюбова.

3. “ЖЕНИХ” (1857) И “ЯШЕНЬКА” (1859).

Связь с крутогорским циклом и особенности “Жениха”. Связь с шаржами Григоровича и Панаева. Бытовые и фантастические реминисценции из Гоголя. Примитив как центральный прием (от “детского” примитива — к примитивному восприятию гражданственности). Фигура Махоркина и сказочные мотивы в развязке. “Яшенька” и Шпонька. Элементы шаржа и литературной пародии. Развитие элементов “детского примитива”. Путь к “семейной хронике”; ближайшие опыты в “Тихом пристанище” и неосуществленном замысле “Как вам угодно”.

4. ДРАМАТУРГИЯ.

Социологическая мотивировка комедийной интриги (от Гоголя к Островскому). Драматические фрагменты крутогорского цикла и “Смерть Пазухина”. Генезис “денежной интриги”, динамика борьбы за завещание. Сценическая композиция “Смерти Пазухина”. “Тени”; возможность “бюрократической” динамики и замена ее личной драмой. Отклики темы “теней” в последующем творчестве.

5. ФЕЛЬЕТОН 60-х гг.

Фактические данные о журнальной деятельности С. в 60-х гг. Разнообразие элементов в его фельетоне: сюжет и комментарий, пародия и журнальная полемика (прямая и косвенная). Циклизация фельетонов. Пережитки крутогорского цикла и зарождение глуповского. “Глуповское распутство”, “Глупов и глуповцы”, “Каплуны”. Стилистические средства социальной сатиры и литературной пародии. Отношение критики (Писарев и др.) Связь сатиры С. с графической карикатурой 60-х гг.

6. “ПОМПАДУРЫ И ПОМПАДУРШИ” (1863–1873).

История замысла; первоначальный текст очерков с романсными главными, неосуществленные замыслы. Связь с глуповским циклом и путь к “Истории одного города”. Глупов и Семиозерск. Композиция: начальник и обыватели, как подлинная антигеза; подмен ее пародийной антигезой (борьба партий). Сцены из детства помпадура как средство поэтики примитива. Стилистические приемы: портрет-шарж, условная реплика и др. Последующие добавления к циклу.

7. “ИСПОРЧЕННЫЕ ДЕТИ” (1869).

Жанр “детской сказочки” в прошлом русской сатиры. Замысел цикла “Для детей” у С. Детский примитив как прием социальной сатиры; путь к разнообразным приемам упрощений. Первая “зоологическая” сказка (“Добрый патриот”). Элементы литературной пародии. Связь с “Историей одного города”.

8. “ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОРОДА” (1869–1870).

Историческая или злободневная сатира? Ответ самого автора в полемике с “Вестником Европы”. Данные истории текста: упоминания о гу-

бернаторах, замена Перехват-Залихватского Угрюм-Бурчеевым; ссылки на историческую беллетристику. Литературная история сатиры: Раблэ, Свифт, В. Ирвинг, Рабенер, Виланд, Лабулэ, “анекдоты” Березайского, Пушкин, “Сказания” Сахарова. Внутренний генезис глуповских образов. Гротеск и сказка: романтические мотивы “игрушки” и “живой вещи” в функции социальной сатиры. Критика — отрицательная и сочувственная. Отклики Глупова а дальнейшем творчестве.

9. “ГОСПОДА ТАШКЕНТЦЫ” (1869–1872).

Формировка ташкентского цикла; старые и новые герои. Неосуществленный замысел большой эпопеи и распад замысла. Отрывки, позже опубликованные, и другие отклики “Ташкента”. Связь ташкентских хроник с экспериментальным романом. Эпизод о борьбе с нигилистами; его судьба в нелегальной прессе. Эпизод о Митрофанах и история типа Митрофана после Фонвизина — вплоть до нелегально-революционной сатиры “Митрофан на коронации”. Стиль: зоологические образы, разрушение метафоры, роль французского языка, названия учреждений.

10. “ДНЕВНИК ПРОВИНЦИАЛА В ПЕТЕРБУРГЕ” (1872–1873).

История замысла — “В погоне за счастьем” и “Итоги”. “Похвала легкомыслию”. 1870. Связь с ташкентским циклом. Социологические предпосылки для нового типа авантюрного романа или его пародии. Литературные параллели к теме дворянских “проектов” (Некрасов, Островский, Терпигорев). Теория пенкоснимательства и разные виды пародии. Мистификация как художественный прием; связь с водевилем. Выведение на сцену литературных героев (гоголевских, тургеневских и др.) “В больнице умалишенных” — продолжение “Дневника”, новые сатирические мотивы. Отклики “Дневника” в “Культурных людях”. Стиль.

11. “БЛАГОНАМЕРЕННЫЕ РЕЧИ” (1872–1876).

Генезис новобуржуазной типологии у С. (“Тихое пристанище” и др.) Литературные параллели к ней. Связь с петербургским циклом; мотив путешествий и его социальная мотивировка. Организация цикла; перестановка глав. Элементы фельетона и хроники, переписка, пародийные вставки. Гоголевские герои. “Волки и Овцы” как эмбриональная сказка. Речь Дерунова; старый и новый “высокий стиль”; речь героев и речь автора, пейзаж и портрет.

12. “ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ” (1875–1880).

Головлевский цикл среди “благонамеренных речей”; смыкание “чезовского” цикла с “головлевским” и обособление головлевского. Из истории текста: переработка очерка “Выморочный” и др. варианты. Ком-

позиция семейной хроники, динамические моменты и портрет Иудушки. Речь Иудушки и речь других героев. Элементы психологизма, его особенности, связь с экспериментальным романом; литературные параллели. Элементы трагизма.

13. “ГОСПОДА МОЛЧАЛИНЫ” (1876–1878).

Прием стабилизации литературного героя. Молчалин от Грибоедова до Салтыкова. Социология молчалинского типа; дети Молчалина. “Чужую беду руками разведу” — цензурная история этого очерка. Литературные параллели к теме “отцов и детей”. История темы у Салтыкова. Повесть “Больное место”, ее тематические и стилистические особенности. Молчалин — бюрократ, мотив “теней”; Молчалин — журналист — варианты. В лаборатории “эзоповского языка”.

14. “СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛИЯ” И ГЛУМОВСКИЙ ЦИКЛ (1877–1883).

Фигура Глумова; ее появление в фельетонах 1873–1874 гг. (“Между делом”), возникновение всей сатиры из 1-й главы; связь с молчалинским циклом. Композиция: пародийное использование мотивов авантюры, романа тайн, дорожного романа, экзотики, истории и пр. Пародия на судебный процесс и др. пародийные вставки. Роль собеседника в фельетонной части сатиры. Фигура Балалайкина — его литературная генеалогия; мотивы кукольности в его роли. Стиль: цитаты, фамилии, звуковая и морфологическая внимательность. Критика — о шаржах С. Продолжение глумовского цикла в “Отголосках”, “Недоконченных беседах”, связь с “Современной идиллией”. “Тряпичкины-очевидцы” (рецидив глумовского цикла). Балканская война как художественная тема и быт военной поры как объект сатиры. Трагический “сценарий” и разрушение экзотики (на фоне ее восстановления Немировичем-Данченко, Каразиным и др.).

15. “УБЕЖИЩЕ МОНРЕПО” (1878–1879).

Социальная позиция “Щедрина” и ее восприятие современной критикой. Тема поместно-дворянского разложения в композиции салтыковской сатиры; связь с сюжетами “Благонамеренных речей”, с очерком “Дворянская хандра” и “Старческое горе”. Выживание владельца как динамический мотив; пародия на динамику заговора. Типология “Убежища Монрепо” — Грацианов, священник. Разуваев. Стиль: эволюция эзоповского языка, двустильность и пародия, рядом с новой патетикой.

16. “КРУГЛЫЙ ГОД” (1879).

Формировка цикла, его цензурная и текстуальная история. Композиция: фельетон и элементы сюжета, роль собеседника; роль писем. Смешение своих и литературных героев. Речь в защиту литературы и ее па-

фос. Реакционная действительность как “мир призраков”. “Куколка” Натали: путь от “куколки” к марионетке. Речь Натали и речь Дроздова; роль французского языка и др. элементы стиля.

17. “ИГРУШЕЧНОГО ДЕЛА ЛЮДИШКИ” (1880).

Замыслы большого цикла; отклики Крутогорска и Глупова. История мотива кукольности в западной и русской литературе и внутри творчества Салтыкова. Путь от условных жестов и реплик к кукольному театру (связь с “Круглым годом”). Социологическая мотивировка и литературные параллели. Психологический портрет Изуверова на фоне кукольного театра.

18. “ЗА РУБЕЖОМ” (1880–1881).

Россия и Запад как социально-тематическая антитеза. Позиция автора. Использование темы в композиции дорожного романа. Литературные параллели. Старые и новые герои. Пародийные вставки “Мальчики” и “Торжествующая свинья” (происхождение этого образа из полемики с Достоевским). Путь к “Сказкам”. Речь обоих мальчиков и другие наблюдения над стилем.

19. “ПИСЬМА К ТЕТЕНЬКЕ” (1881–1882).

Реакция до и после 1-го марта и новые эзоповские приемы. Пародийная “благонамеренность” и ее разоблачение. Связь с глумовским циклом. Композиция эпистолярной сатиры: собеседник, “посещения” и исторические анекдоты, пародии (“Помои” и др.). Свои герои и герои литературные (Ноздрев, Чацкий и др.). Последний помпадур. Стиль: антитеза подлинная и мнимая; психологические абсурды; обоснование шаржа.

20. “ПОШЕХОНСКИЕ РАССКАЗЫ” (1883–1884).

Возвращение к буффонаде и срыв ее в трагедию. Пошехонский цикл. История пошехонских типов и сюжетов от 18 века до лубочной литературы 70-х — 90-х гг.; использование их в революционной сатире. Элементы зоологизма, гротеска, народной сказки в первых “вечерах”; дальнейший путь к Сказкам. “Благонамеренная повесть” — ее связь с пошехонским циклом. Крамольниковская трилогия (“Сон в летнюю ночь” — “Грачи” — “Приключение с Крамольниковым”). Собственно “пошехонские” главы — связь их с глумовским циклом и с намеками в предшествующем творчестве. Трагическая фантастика финала.

21. “ПЕСТРЫЕ ПИСЬМА” (1884–1886).

Мотивировка “пестрой” композиции. Элементы фельетона (приемы полемики с реакционной прессой и пародии на нее) и сюжета. История Оконцевой. Появление Глумова. Шарж и его реалистическая мотивировка; политические предсказания в плане шаржа. Другие стилистические

факты (борьба с сентенциями, новые названия и пр.). Сказка о Передрягине и медведях — непосредственная связь со “Сказками”. “Пестрые люди” (связь со сказкой “Вяленая вобла”).

22. СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ (1884–1889).

Генезис зоологических образов и сюжетов в творчестве С. и цензурная история “Сказок”. Литографские и зарубежные издания. Место сказок С. в животном эпосе. Приемы очеловечивания зверей: быт, костюмы, аксессуары. Сказки и Брэм. Элементы политической сатиры и литературной пародии; связь с графической карикатурой. Элементы стиля. “Дикий помещик” (1869) как сказка с обратным содержанием. “Гиена” — на границе патетических сказок.

23. МОРАЛИТЭ И ПАТЕТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ.

Из истории аллегорических образов в 18 и 19 веке. Пережитки в серьезном стиле, пародированье. “Проект современного балета” (1868). “Пропала совесть” (1869) — связь с андерсеновской сказкой и с циклом “Для детей”. Правда, Стыд и История. “Добродетели и Пороки” (1884). Приемы изображения. Сказки патетические и серьезные; сходство и разница с собственно “сказками”. Патетический стиль. Литературные параллели (Л. Толстой, Лесков, Вагнер). Тип “народной сказки” (“Богатырь”).

24. “МЕЛОЧИ ЖИЗНИ” (1886–1887).

Социальный диапазон. Введение — последние фельетоны. Физиологический очерк и психологическая новелла (“Девушки”). Социальная позиция автора; отношение к народничеству. Литературная и социологическая параллель с Гл. Успенским. Генезис крестьянских тем и типов у С. вплоть до “хозяйственного мужичка” в “Мелочах жизни”. Мироед и интеллигентный пролетарий. Композиция и сюжеты отдельных очерков: Чудинов и литературные параллели к нему; “Портной Гришка” и новые авантюрные возможности. Любовная и “служебная” динамика; отклики семейной динамики в “Счастливце”. Стиль: натуралистическая детализация рядом с откликами пародийных приемов.

25. “ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА” (1887–1889).

Замысел хроники и ее осуществление. Проблема “правды и вымысла” в художественной литературе — в мемуарах в частности. Связь с пошехонским циклом и с прежними хрониками. Структура всего произведения и поэтика деталей (портрет, пейзаж, детали быта и др.). Реалистические и пародийные детали, их взаимоотношение и социальная функция тех и других. Сюжетные возможности (мотивы “чужого имени”, борьбы за наследство, недолгого романа и пр.) и их натуралистическое сгла-

живанье. Семейная драма Бурмакиных и параллели из Островского. Тематическая роль крестьянской реформы в композиции “Пошехонской старины”.

II. ИТОГИ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПОЭТИКОЙ САЛТЫКОВА.

I.

1. Сопоставление контрастных стилизованных элементов (стиль разночинца и стили враждебной среды); заострение фразы вульгаризмом, “переводы” с иностранных языков на русский и обратно.

2. Использование пословиц и поговорок — родственных и враждебных, ирония над враждебными сентенциями.

3. Роль стихотворной цитаты.

4. Лексика и фоника.

5. Элементы “неопрятного” в стиле Салтыкова и “предельные обозначения”.

6. Интонация (в сатире, в мнимо-серьезной речи и в патетике).

7. Парадоксальные сопоставления и стилистическая антитеза (подлинная и мнимая); ее социологическая мотивировка.

8. Абсурды — логические и психологические; использование логических ошибок в полемике; прием “приведения к нелепости”.

9. Эзоповский язык и его техника.

II.

1. Метафора — ироническая и намеренно-распространенная; отклики образа в виде потускневшей метафоры; метафорический круг.

2. Шарж (нарушение перспективы и устранение мотивировки).

3. Пародия (на общественную жизнь, литературу, науку; география, история, живопись и т. п. в пародийной функции).

4. Театральность (от метонимии к моралитэ и от мотива мистификаций к театру).

5. Примитив (примитивное мышление, примитивная культура и примитив как схема). Физиологическое и детское в функции примитива.

6. Зоологизм.

7. Кукольность. Подготовка ее — в жестикуляции, мимике и репликах героев. Высшее напряжение: появление живых кукол и механизированных людей.

8. Гротеск и сказка: двойственная семантика и прямой гротеск, использование мотивов мертвецов, призраков, сна, фантазий, безумия; фантастичность и призрачность; трагикомизм и чистый трагизм.

9. Портрет: портреты-шаржи, портреты психологизованные и портреты детализованные.

10. Пейзаж — перебор между патетическим и пародийным пейзажем.

11. Динамика (итоги вышеприведенных наблюдений).

12. Композиция циклов.

III. ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЗИЦИЯ САЛТЫКОВА.

1. Салтыков в смене литературных направлений. Школьные уроки и литературные впечатления. “Пепино свинство” — учебник Георгиевского. Добывание классицизма. Отношение к Пушкину. Путь от лирических стихов — к разрушению романтической эстетики. С. — рецензент “Современника”. Отношение к Гейне, Фету, Ап. Майкову, Полонскому, Вс. Крестовскому и др. Параллели: отношение к поэзии и к стихам в критике и среди практических работников литературы.

2. От психологической повести к отрицанию психологизма. Отзывы о Тургеневе, Гончарове, Писемском, Достоевском, Л. Толстом, Зола и Гонкурах. Борьба с любовной интригой. Высказывания С. о повествовательной прозе и о драме.

3. Салтыков и натурализм в его эволюции. С. как продолжатель Голя; гротескная линия в послегоголевской литературе. Связь с новыми течениями. Отзывы об Островском, Решетникове и др. Экзотический и психологический уклон в литературе 1870–1880-х гг. Позиция С. в последние годы жизни. Уступки психологизму; переоценка “старого” и “нового”.

Примечания

¹ РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 64.

² См.: *Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч.* В 4 т. М.-Л., 1927–1928. Т. 1. Приваловские миллионы. С. 5–12; Т. 3. Хлеб. С. 5–7; Т. 4. Черты из жизни Пепко. С. 5–9. Имя Иванова-Разумника не значится в описании этого издания в кн.: *Д. Н. Мамин-Сибиряк. Библиографический указатель.* Сост. Л. Н. Лигостаева. Свердловск, 1981. С. 7–8.

³ См.: *И. А. Гончаров. Обломов.* Л., ГИЗ, 1928 (Редакция Б. Томашевского и К. Халабаева. Прим. Иванова-Разумника — С. 487–499. — Это издание не учтено в кн.: *Алексеев А. Д. Библиография И. А. Гончарова. Гончаров в печати. Печать о Гончарове. (1832–1964).* Л., 1968); *И. А. Гончаров. Обыкновенная история.* М.-Л., ГИХЛ, 1931. С. 305–312 (“Обыкновенная история” — послесловие Р. Иванова-Разумника); *И. А. Гончаров. Сочинения*, тт. I, III, IV. Редакция Б. Томашевского и К. Халабаева. Комм. Р. Иванова-Разумника. М.-Л., ГИХЛ, 1931 (т. 1 — “Обыкновенная история”, т. III, IV — “Обрыв”).

⁴ РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. Ед. хр. 64.

⁵ См.: *Каменская М.* Воспоминания. Подг. текста, сост., вст. ст. и комм. В. М. Боковой. М., "Художественная литература", 1991.

⁶ См.: *Никитенко А. В.* Дневник. В 3 т. Подг. текста, вст. ст. и прим. И. Я. Айзенштока. М., Гослитиздат, 1955–1956.

⁷ Из прозаических произведений А. И. Пальма был переиздан только роман "Алексей Слободин. Повесть из жизни петрашевцев" (М., 1931), стихотворения его представлены в сборнике "Поэты-петрашевцы", вышедшем в Большой серии "Библиотеки поэта" дважды — в 1940 г. и в 1957 г. (вст. ст. В. В. Жданова, подг. текста, прим. и биогр. справки В. Л. Комаровича). Повесть "Эпизод из жизни ни павы, ни вороны" А. О. Новодворского (Осиповича) переиздана в сб. «Повести о "лишнем человеке"» (М., 1932) и "Русские повести XIX века. 70–90-х годов" (Т. 1. М., 1957; вместе с повестями "Накануне ликвидации" и "История"); выпущены в свет также два небольших сборника Новодворского — "Рассказы" (М., 1956) и «"Сувенир" и другие рассказы» (М., 1960. Пред. Г. Аржаной). См. также: *Попова М. Г.* А. О. Осипович-Новодворский. Очерк творчества. Казань, 1970.

⁸ См.: *Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.* Вст. ст., подг. текста и прим. Г. В. Ермаковой-Битнер. Л., 1959; *Вольная русская поэзия второй половины XVIII — первой половины XIX века.* Вст. ст. С. Б. Окуня и С. А. Рейсера. Сост., подг. текста, вст. заметки и прим. С. А. Рейсера. Л., 1970; *Вольная русская поэзия второй половины XIX века.* Вст. ст. С. А. Рейсера. Подг. текста и прим. С. А. Рейсера и А. А. Шилова. Л., 1959; *Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков.* В 2 т. Вст. ст., подг. текста, сост., вст. заметки и прим. С. А. Рейсера. Л., 1988.

⁹ См.: *Евгеньев-Максимов В.* "Современник" в 40–50-е гг. От Белинского до Чернышевского. Л., 1934; *Евгеньев-Максимов В.* "Современник" при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936; *Евгеньев-Максимов В., Тизенгаузен Г.* Последние годы "Современника". Л., 1939; *Боград В.* Журнал "Современник" 1847–1866. Указатель содержания. М.-Л., 1959; *Теплинский М. В.* "Отечественные Записки". 1868–1884. История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск, 1966; *Борщевский С. С.* "Отечественные Записки". 1868–1884. Хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов. М., 1966; *Боград В.* Э. Журнал "Отечественные Записки". 1868–1884. Указатель содержания. М., 1971.

¹⁰ *Макашин С.* Изучая Щедрина (Из воспоминаний) // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 135.

¹¹ См.: *Иванов-Разумник. М. Е.* Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Ч. 1. С. 60–65.

¹² *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. В 20 т. М., 1965. Т. 1. С. 440 (Прим. Т. И. Усакиной). Та же информация содержится в статье *Т. И. Усакиной* "О литературно-критической деятельности молодого Салтыкова" (Литературное наследство. Т. 67. Революционные демократы. Новые материалы. М., 1959. С. 407). Справедливости ради стоит отметить, что еще в годы сталинского правления С. А. Макашин не пошел на подобную подмену: касаясь этих рецензий

Салтыкова, он, не называя Иванова-Разумника, дал указание о том, что они “были отысканы позднейшими исследователями” (*Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография*. 1. М., 1951. С. 256. В именном указателе к той же книге отмечено двукратное упоминание Иванова-Разумника как автора монографии о Щедрине).

¹³ РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 321.

¹⁴ Например, намеченная в содержании главы о “Дневнике Провинциала в Петербурге” связь этого цикла с неосуществленным замыслом “беллетристического произведения” “В погоне за счастьем, история моих изнурений”, упоминаемым в гл. IV публицистического цикла “Итоги”, прослеживается и современными комментаторами (см.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. В 20 т. М., 1969. Т. 7. С. 668. Прим. С. Д. Гурвич-Лищинер при участии С. А. Макашина).

РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ

ИВАНОВ-РАЗУМНИК И “СКИФСКИЙ” МОТИВ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

“Да, скифы — мы!” — эти слова из стихотворения *Скифы* (1918) Александра Блока точно характеризуют российское самосознание¹. Действительно, “скифство” проявляется в русской общественной мысли и культуре, начиная с творчества Александра Герцена, вплоть до наших дней. Под этих названием скрыт целый, довольно сложный, комплекс идей и явлений. Наиболее сильно “скифство” выразилось в первой четверти нашего века. Его мировоззренческое обоснование принадлежит Иванову-Разумнику.

Жизнь, взгляды, а также деятельность Разумника Васильевича Иванова — литературного критика, культурного деятеля, издателя и редактора, а также одного из первых, кто засвидетельствовал в печати о репрессиях советской власти против русской интеллигенции в двадцатые и тридцатые годы², давно интересовали западных исследователей³. В Советском Союзе скупая информация о нем появлялась только в исследованиях жизни и творчества некоторых его современников⁴. За последние годы ситуация, к счастью, изменилась. В России стали появляться работы об Иванов-Разумнике, знакомящие читателя со “скифским мотивом” — одним из интереснейших явлений в русской культуре⁵. Это именно Иванов-Разумник сплотил вокруг себя единомышленников и стал организатором, а также неоспоримым “вождем” группировки “Скифы”.

Стоит напомнить, что скифы — это греческое название кочевых племен, происходивших из иранской языковой группы, населявших с рубежа VIII–VII вв. до н. э. по III в. н. э. степи севернее Черного моря. Большая часть скифов вела оседлый образ жизни и занималась земледелием в низовьях Днепра, а “королевские скифы” кочевали между Днепром и Доном. Период самого большого влияния и одновременно расцвета их культуры выпал на время от VI в. до н. э. по I в. н. э. Скифы создали тогда богатое искусство. Их художественное ремесло отличалось исключительно высоким уровнем. В середине 1970-х гг. настоящим культурным событием стала прошедшая во многих странах выставка золотых изделий из скифских курганов.

Скифы стали для нескольких поколений россиян отправной точкой или хотя бы вдохновляющей метафорой в размышлениях о судьбах России. Несомненно, по той причине, что были одним из возможных вариантов “варваров”, а “варвары” — это понятие, к которому очень часто прибегали в русской философии и культуре. Вот две последние (восьмая и

девятая) строфы стихотворения Владимира Соловьёва *Панмонголизм* (1900):

*О Русь! Забудь былую славу,
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.*

*Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть,
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.*

Валерий Брюсов также обращался к варварам, например, в стихотворении *Грядущие гушны* (1905):

1

*Где вы, грядущие гушны,
Что тучей нависли над миром!
Слышу ваш топот чугушный
По еще неоткрытым Памирам.*

7 (последняя)

*Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам.,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.*

“Варвары” в русской философии и литературе обычно олицетворялись в представителях азиатских народов — монголах, китайцах, гуннах, и, чаще всего именно в скифах, которые воспринимались как самый благородный вариант. Скиф стал для русской философии мифологемой “благородного дикаря”, чем-то вроде мифического идеала, являвшегося символом благородных черт “варвара” — стихийности и стремления к свободе. Уже в XIX столетии именно скифы воплощали обновляющие силы и стали как бы посредниками между Востоком и Западом.

Пространственные определения Азия — Европа или соответствующие им в принципе Восток и Запад почти всегда ассоциировались рядом идей и ценностей, коренным образом отличающихся друг от друга. С первым элементом дихотомии связывались обычно такие черты как иррационализм, деспотизм, жестокость, презрение к человеку, стихийность,

дикость, со вторым — рационализм, автономия личности, организация. Для русской ментальности, а затем для русской литературы всегда характерным было подчеркивание разрыва между Востоком и Западом, Азией и Европой, разрыва, который так ярко отразился в конфликте славянофилов с западниками.

Источники этой раздвоенности можно искать как в географическом положении, так и, прежде всего, в истории России, в которой переломными моментами оказались: принятие христианства и культурной традиции из Византии, а также ускоренная европеизация в царствование Петра I. Специфика России и россиянина обычно определялась философами и писателями разных ориентаций наличием и борьбой, подчас очень драматической, обоих элементов⁶.

Начало чреватого драматическими событиями XX столетия заострило противоречия. Ход истории, а может в еще большей степени научные открытия и достижения рубежа веков, поколебали оптимизм XIX столетия и веру в совершенство и разум этого “лучшего из всех миров”. Правда, уже в конце XIX века довольно распространенным стало осознание анахронизма, “заката”, “исхода” существующего мира, которое еще углубилось в начале XX столетия. Культура “серебряного века” чувствовала себя измученной тогдашней исторической ситуацией, а также, отчасти, своей собственной сложностью и утонченностью. Противоядием избраны были “новые варвары”. Крайне пессимистические диагнозы состояния современного мира предполагали утрату “измученной культуры”. Впрочем, не только в России. Характерно, что чаще и отчетливее подчеркивался “распад” западноевропейской культуры. Про неизбежность упадка европейской цивилизации и про будущую варваризацию Европы заговорил еще до Освальда Шпенглера Николай Бердяев, предвосхищая идеи возникшего несколькими годами позже *Заката Европы* (1918–1922). Все возрастающий скептицизм по отношению к культуре и цивилизации вызывал увлечение “варварством”, которое считалось надеждой на возвращение ко времени юности. Именно варварство и отождествляемая с ним стихия казались альтернативой падения и распада современной культуры. Для скифской идеологии очень важной является именно концепция “стихии”, которая на смену распадающемуся “старому миру” несет обещание обновления.

На основные со-противопоставления Азия-Европа, Восток-Запад наслаивались оппозиции народ-интеллигенция, интеллигенция-мещанство, старое-новое, культура-цивилизация, а также стихия-культура.

После революции 1905 г. ожидание “варвара” соединилось с традиционным для тогдашней русской интеллигенции чувством вины перед народом и со страхом перед народным возмездием. Представления о “на-

родс”, о моральной чистоте и органической мудрости “натурального человека”, существующего согласно “натуральному закону”, в единении с природой, несомненно, восходили к идеям Руссо, свособразно разрываемым в России Львом Толстым. Вопрос о “вине” перед народом, раздумья о путях ее искупления стали основными для русской философии 1910-х гг. Это были “вечные” и “проклятые” вопросы также для Александра Блока и Андрея Белого. У обоих писателей проблема “народа” непосредственно соединялась с раздумьями о “кризисе культуры” и “кризисе гуманизма”, а также с довольно тогда распространенным критическим отношением к интеллигенции, что отразилось хотя бы в сборнике *Вехи*. 1909.

Эти вопросы волновали всю жизнь Иванова-Разумника. Идси, которые потом стали основными для “литературной группировки” “Скифы”, можно найти уже в его ранних работах. В шестнадцать лет Иванов-Разумник написал статью *Мое мировоззрение*, в которой выделил разряды людей-скотов, для которых самым важным является “физическая” цель их жизни, сводящаяся к обеспечению чисто материальных нужд, и людей-человеков, которые предпочитают духовные ценности⁷. Десять лет спустя в *Истории русской общественной мысли* (1906) Иванов-Разумник заменил эти категории “общественными группами” — мещанством и интеллигенцией, а также создал концепцию, согласно которой история русской общественной мысли основывается на постоянной борьбе интеллигенции с мещанством за свою индивидуальность, за свое собственное лицо. Следует подчеркнуть, что “мещанство” не является у Иванова-Разумника социологическим термином и не столько именует класс или слой общества, сколько является этическим термином и обозначает предпочтение “иметь” перед “быть”. Мещане — это, по мнению Иванова-Разумника, конформисты, сторонники неизменного мира, как будто слишком “благоразумные” для того, чтобы что-то менять в своей жизни, даже к лучшему. Зато интеллигенты (термин также употребляется в этическом, а не социологическом значении) всегда “одержимы”, “безумны”, потому что все время ищут что-то новое⁸. Под впечатлением от поездки в Берлин в 1912 г. Иванов-Разумник написал статью *Человек и культура*, в котором настоящей культуре противопоставил цивилизацию. Внимания заслуживает подпись — “Скиф”⁹. Взгляды, выраженные в этой статье и, прежде всего, крайне отрицательное отношение к мещанству, а также надежды на разрушение старого мира, явно перекликаются с мыслями Герцена из *Былого и дум*¹⁰. Герцен потерял веру в Европу после революции 1848–1849 гг. Для русских в XX столетии такими переломными моментами стали первая (1905) и вторая (1917) революции.

Иванов-Разумник вел в 1910-е гг. активную издательскую и редакторскую деятельность. Был редактором издательства “Сирин”, литератур-

ным редактором журнала “Завсты”. Уже в это время его “скифская” идея вступила в диалог с мировоззренческими и художественными поисками публиковавшихся в этих изданиях выдающихся писателей тогдашней России — Алексея Ремизова, Михаила Пришвина, Евгения Замятина, Сергея Есенина, Николая Клюева, Федора Сологуба и, прежде всего, символистов: Андрея Белого и Александра Блока. В 1916–1918 гг. Иванов-Разумник готовил к печати тома альманаха “Скифы”, был литературным редактором эсеровской газеты “Дело народа” и ее еженедельного приложения “Литература и революция”, редактором газеты “Знамя труда”, а также журнала “Наш путь” (все с эсеровской ориентацией). Однако членом эсеровской (как и никакой другой) партии он не был. Самым важным для Иванова-Разумника аргументом в пользу “сотрудничества” с эсерами был факт, что только они признавали тогда внепартийность культуры и обеспечивали ей в своих журналах экстерриториальность. Именно в эсеровских газетах и журналах, а также в двух томах редактировавшегося Ивановым-Разумником альманаха “Скифы” появились самые выдающиеся художественные произведения “скифства” — поэма *Двенадцать* и стихотворение *Скифы* Блока, *Котик Летаев* и поэма *Христос воскрес* Белого, *Июния* Сергея Есенина и *Песнь солищеника* Николая Клюева. Не менее существенной была, конечно, “скифская” публицистика (например, статья Блока *Интеллигенция и революция* или *Две России* Иванова-Разумника), обсуждавшая самые насущные историко-философские, этические и эстетические вопросы.

«“Скифская” идея, вступив в диалог с символизмом А. Белого и А. Блока, мифотворчеством А. Ремизова, Н. Клюева и С. Есенина, “беспочвенничеством” Л. Шестова, “жизнетворчеством” М. Пришвина, “инормизмом” К. Эрберга, проявилась в апологии русской стихии, духовного бунта как основы индивидуально-всобщего творчества.»¹¹

Во взглядах “скифов” можно, несомненно, найти влияние философии Фридриха Ницше, в частности идей *Рождения трагедии из духа музыки*. Основой “скифства” была ненависть к мещанину, восходящая именно к концепции Ницше об аполлонском и дионисийском элементах. Дионисийский, ассоциирующийся с понятиями полноты, динамизма, движения, разрушения всяких границ, предшествовал концепции революции как стихии.

Одним из тех, кто ожидал от революции стихийных и очищающих перемен, убежденным, что выход из противоречий может произойти только посредством катастрофы-революции, был Александр Блок. 30 января 1918 г. он написал стихотворение *Скифы*, которое является поэтическим манифестом “скифства”. Ему предшествует эпитафия из *Лалмонголизма* Владимира Соловьёва:

*Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.*

В Скифах найдем следующие строфы:

1

*Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,—
С раскосыми и жадными очами!*

2

*Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы!*

19 (последняя)

*В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!*

Непосредственным толчком к возникновению стихотворения был провал мирных переговоров с западными державами и подписание Россией сепаратного мира с немцами. Очередной раз оказалось, что Западу нет дела до России. Блок выступил затем с приспоспелым огнем и негодования стихотворением-предупреждением, стихотворением-угрозой в адрес Запада, называя революционную Россию варварами, скифами.

Воплощением “скифского” сознания в поэтическом творчестве стал духовный максимализм, характеризуемый разочарованием в западной культуре, вере в возможность радикального обновления мира и в революционности россиян-скифов, выполняющих роль посредника между Востоком и Западом. Отношение к Западу сближало “Скифов” с футуристами, особенно с группой “Гилея”. В утопии Велсемира Хлебникова “скиф” играет важную роль.

“Скифы” — группировка, организованная по довольно свободным принципам, объединявшая вокруг Иванова-Разумника людей схожих взглядов, не формулировавшая никаких строгих правил и запретов для своих членов и опиравшаяся главным образом на товарищеские связи, возникшие еще во время сотрудничества в издательстве “Сирин” и журнале “Завсты”.

Вслед за Стефани Гоффман¹² и Елизабет Добрингер¹³ можно выделить три периода деятельности группы. Первый, охватывающий приготовление к печати и публикацию альманахов “Скифы” (1916–1918). Вторым этапом состоял в сотрудничестве с газетой “Знамя труда” и журналом “Наш путь” (1918–1919). Третий период связан с сотрудничеством членов группировки с Вольной Философской Ассоциацией (Вольфилой) и включает публицистические выступления и публикации художественных произведений в разных журналах (1919–1924). Своеобразным продолжением движения было берлинское издательство “Скифы”, существовавшее в 1920–1925 гг., а также Евразийство — одно из направлений русской эмигрантской мысли двадцатых и тридцатых годов¹⁴.

Скифское движение концентрировалось на вопросах отношений народа и интеллигенции (особенно ввиду и под влиянием революции), позиции России МЕЖДУ Востоком и Западом и ролью искусства в революции. Поиски “нового мировосприятия” были связаны теснейшим образом с раздумьями о “кризисе гуманизма” и “кризисе культуры”, с поисками средств для ее обновления. Все “скифы” соглашались с Ивановым-Разумником, который утверждал, что революция — это начало нового мира, начало Царства Божьего на земле, а духовный максимализм, катастрофизм и динамизм “скифства” соединены с эмпирией русской революции, должны открыть новый путь к “настоящему освобождению человечества, которое не удалось христианству”¹⁵.

“Скифство” было специфическим направлением общественной мысли и литературной критики, одобрявшим Октябрьский переворот, понимаемый в духе восточной стихии и “крестьянского социализма”, с анархистски-утопической окраской. Это русло движения представляли прежде всего антизападные, антигородские “крестьянские поэты” — Николай Клюев, Сергей Есенин и Петр Оршин. Иванов-Разумник особенно высоко ценил Клюева, как “первого народного поэта, открывающего подлинные глубины духа народного”¹⁶.

Политическая и общественная революция должна была, по мнению “скифов”, быть только шагом на пути к настоящей, “скифской” духовной революции. “Скифство” означало вечную революционность, вечные поиски. Революция толковалась как движение, открытие новых шансов, возможность следующих перемен. Все эти идеи вмещались также в понятие “сретичества” у Евгения Замятина, неудивительно, что и он первоначально примкнул к группе Иванова-Разумника. Убеждение в невозможности приобрести духовную свободу без предшествующей ей политической и социальной революции Иванов-Разумник позаимствовал, как можно предполагать на основе его труда о Герцене, именно от этого мыслителя.

“Скифы” отдавали себе отчет в жестоких мерах, какие применяла революция к своим противникам, но старались прежде всего подчеркивать то, что по их мнению, было ее сутью — открытис возможностей для следующих этапов, прежде всего — для революции духа.

Поиски путей и средств обновления культуры в революции вызывали необходимость морально-философского оправдания выбора.

Во втором сборнике “Скифы” центральное место заняла полемика Иванова-Разумника с напечатанным там же *Словом о погибели Русской земли* Алексея Ремизова. Самым главным в этом споре был вопрос, можно ли морально оправдать то, что происходит в России. Для Ремизова не существовало никакой высшей истины, способной объяснить братоубийство. Иванов-Разумник сравнивал Октябрь с приходом благой вести¹⁷. Его толкование неприятия революции как проявления душевной слабости стало важным мотивом “скифской” публицистики¹⁸.

Все “скифы” сомневались в традиционных правилах и ценностях, что можно объяснять не только проявлением апокалиптического духа времени, но также потребностью оправдать свой гражданский выбор. В статье *Интеллигенция и революция* (1918) и в *Дневниках* 1917 г. Блок утверждал, что отказ от восприятия мира с точки зрения традиционной этики, является самой высокой формой жертвенности и средством для выплаты долгов интеллигенции народу¹⁹. Готовность Блока принять на себя “страшное” и “черное” была связана с его тогдашним пониманием гражданского долга. Не исключено, что именно такая позиция, а точнее, невозможность полного ее оправдания перед самим собой, привели к тому, что поэт окончательно замолчал.

“Скифство” было чем-то вроде мифа об искуплении, который, к сожалению, привел на практике к приспособлению. Зинаида Гиппиус сочла Блока и Белого “потерянными детьми”, а вину за их падение возлагала на “большевика” Иванова-Разумника²⁰. В выступлениях “скифов” все чаще стали появляться этические парадоксы, но со временем почти все они отошли от морального релятивизма. Андрей Белый в статье 1921 г. *Так говорит правда* (уже само заглавие полемически отсылает к книге *Так говорил Заратустра* Ницше) прямо призывает к возврату к традиционным этическим ценностям²¹.

Советская власть внимательно следила за скифским движением, одобряя приятие революции и, одновременно, критикуя отсутствие ее канонизации. Для большевиков и советской критики скифское направление было идеологически неблагонадежным, хотя бы ввиду тесных связей ее представителей с левыми эсерами. В феврале 1919 г. была арестована “скифская группа”, к которой, наряду с Ивановым-Разумником, принадлежали Александр Блок, Алексей Ремизов и Евгений Замятин. Они были

арестованы под предлогом участия в заговоре левых эсеров по списку будущих членов “Скифской академии” (она возникла под названием “Вольфила”) в блокноте Иванова-Разумника. Раньше всех, еще в день ареста, отпустили Замятина, пожалуй, потому, что он стал экзаменовать следователя по марксизму. Другие провели в тюрьме до двух недель.

Е. Добрингер утверждает: «С Ивановым-Разумником закончилась целая эпоха в истории русского духа, которая состояла прежде всего в вере в русский *народ* и в надежде на обновление посредством неисчерпаемых анти-цивилизационных сил этого народа»²².

По мнению Е. Дьяковой, “скифство” не удалось²³. Не удалась попытка принести в жертву этику во имя “высшей правды” революции. Коммунизм оказался неприсмысленным из-за его методов. Неспоримой ценностью движения осталась, однако, идея работы над развитием культурных ценностей.

Примечания

¹ См.: *Белоус В.* Иванов-Разумник и философские основания “скифской” идеи // *Slavia Orientalis*. 1995. Т. XLIV. № 3. С. 363–373.

² См.: *Иванов-Разумник Р.* Писательские судьбы. Нью-Йорк, 1951; его же. Тюремьы и ссылки. Нью-Йорк, 1953.

³ См.: *Hoffman S.* Scythian Theory and Literature. 1917-1924 // *Art, Society, Revolution, Russia 1917-1921*. Stockholm, 1979. P. 138-164; *Dobringer E.* *Der Literaturkritiker R. V. Ivanov-Razumnik und seine Konzeption des Scythentums*. Munchen, 1991.

⁴ См.: *Лавров А. В.* Переписка [А. А. Блока] с Р. В. Ивановым-Разумником / Литературное наследие. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 366–391; Переписка [А. М. Горького] с Р. В. Ивановым-Разумником / Публ. Е. В. Ивановой и А. В. Лаврова // Литературное наследие. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века. Непубликованная переписка. М., 1988. С. 706–730.

⁵ См.: *Дьякова Е. А.* Христианство и революция в мирозерцании “Скифов” (1917–1919) // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1991. Т. 50. № 5. С. 414–425; *Белоус В. Г.* “Скифское”, или Трагедия “мировоззрительно-го отношения” к действительности // *Звезда*. 1991. № 10. С. 158–66; его же: Испытание духовным максимализмом. О мировоззрении и судьбе Р. В. Иванова-Разумника // *Литературное обозрение*. 1993. № 5. С. 25–7; *Леоштьев Я. В.* Р. В. Иванов-Разумник: Библиография // *Библиография*. 1993. № 3. С. 64–3. 18 июня 1993 г. в Москве состоялась также научная конференция “Р. В. Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре” (*De Visu*. 1993. № 9. С. 93–4).

⁶ О монгольских и славянских элементах, борющихся в душе русского человека см. напр.: *Горький М.* Две души // *Летопись*. 1915. № 1. С. 123–34.

⁷ *Иванов-Разумник*. Мос мировоззрение. (Текст рукописи находится в архиве литератора). Цит по: *Белоус В. Г.* “Скифское”, или Трагедия... С. 159.

- ⁸ См.: *Иванов-Разумник*. История русской общественной мысли. Т. 1. СПб.
- ⁹ См.: Завсты. 1912. № 6. Отд. II. С. 46–8.
- ¹⁰ См.: *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 т. Т. X. М., 1954. С. 125.
- ¹¹ *Белоус В.* Иванов-Разумник и философские... С. 364.
- ¹² *Hoffman S.* Scythian Theory... P. 364.
- ¹³ *Dobringer E.* Der Literaturkritiker R. V. Ivanov-Razumnik... С. 160. (Здесь и далее перевод мой — *А. Г.*).
- ¹⁴ Об этом см. напр.: *Suchank L.* Россия, Европа и Восток в концепции славянофилов // *Slavia Orientalis*. Т. XLIII. 1994. № 1. С. 25–6.
- ¹⁵ *Иванов Разумник*. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пб., 1923. С. 198.
- ¹⁶ Цит по: *Dobringer E.* Der Literaturkritiker R. V. Ivanov-Razumnik... С. 223.
- ¹⁷ *Иванов-Разумник*. Две России. Цит по: *Dobringer E.* Der Literaturkritiker R. V. Ivanov-Razumnik... С. 204.
- ¹⁸ *Иванов-Разумник*. Вершины. Цит по: *Dobringer E.* Der Literaturkritiker R. V. Ivanov-Razumnik... С. 202.
- ¹⁹ *Блок А.* Собр. соч. в 8 т. Т. VI. М., 1963. С. 21; Т. VII. М., 1963. С. 365.
- ²⁰ *Гиппиус З.* Синяя книга. Петербургский дневник 1914–1918. Белград, 1929. С. 211. Цит по: *Белоус В. Г.* “Скифское”, или Трагедия... С. 158.
- ²¹ *Белый А.* Так говорит правда // Записки мечтателей. 1921. № 5. С. 113.
- ²² Цит по: *Dobringer E.* Der Literaturkritiker R. V. Ivanov-Razumnik... С. 227.
- ²³ *Дьякова Е. А.* Христианство и революция... С. 424–425.

ЕСТЬ ЛИ МЕСТО “СКИФСКИМ” МОТИВАМ В СОВРЕМЕННОМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ СПЕКТРЕ?

В первой половине 1970-х г., когда я писала диссертацию о группе “Скифы”, не только доступ к материалам спецхранов представлял проблему, но и предвзятое отношение ученых к этой теме. Группа “Скифы” весьма своеобразно принимала Октябрьскую революцию, что отличало их от других групп того времени. Позже эмигрантская критика выражала пренебрежительное отношение к “Скифам” из-за их первоначальной поддержки большевиков. Советские ученые, в свою очередь, критиковали “Скифов”, т. к. их взгляды были откровенно антимарксистскими и народническими, а некоторые члены группы, такие как Иванов-Разумник, испытывали официальное неприятие и подвергались арестам за антисоветские взгляды.

С тех пор произошло много событий, потрясших нашу планету, от которых она до сих пор не вполне оправилась. Но если прежние оценки поменялись на прямо противоположные, как это отразилось на отношении к “скифской” идеологии, которая всегда стояла особняком? Есть ли место этой идеологии в современном идеологическом спектре?

В прошлом и советская, и западная наука представляла “Скифов” наивными, мессианскими славянофилами, борющимися с Западом, преклоняющимися перед крестьянством, или объявляла их ярыми эсерами. Кредо “Скифов”, их вера в революцию и взгляды на искусство, и даже их отношение к Западу позволяют отнести их скорее к традиции критической интеллигенции, чем к славянофилам.

“Скифство” не имело стройной философской системы, тем не менее оно выработало свое культурное видение, формулу революционного преобразования современности, указывающую путь в утопическое будущее. “Скифство” разрабатывало три основных темы: 1) варварский максимализм, 2) русское национальное самосознание и 3) место России между Востоком и Западом. Само название группы вытекает из “варварского максимализма”, вызывая ассоциации как с древними племенами, описанными Геродотом и другими древнегреческими историками, так и с употреблением этого термина Александром Герценом в отношении себя в письме Прудону (Иванов-Разумник цитировал это письмо в статье “Скиф сороковых годов”. *Знамя*. 1921, № 2). На самом деле, “Скифы” делали акцент больше на максимализме, чем на варварстве, как бы выражая то же стремление разрушить изживший себя старый мир, которое было присуще революционной интеллигенции XIX века и нашло подтверждение в

поэмах А. Блока “Двенадцать” и “Скифы”. Под старым миром подразумевались как европейская цивилизация, так и ее воплощение в России. Следует отметить, что “Скифы” делали различие между цивилизацией и культурой. В предисловии к первому “скифскому” сборнику Иванов-Разумник констатировал, что “скифство” не противопоставляется культуре (“Вместо предисловия”. *Скифы*. 1917. С. X). В своем выступлении на заседании Вольфила (Вольная философская ассоциация, иначе — “Скифская академия”) под названием “Крушение гуманизма” Блок отождествлял цивилизацию со стилями, предметами и учреждениями, которые остаются после гибели духа культуры. Он говорил о гибели западной гуманистической цивилизации и о рождении новой массовой культуры.

“Скифы” противопоставляли максимализм мещанству, которое прославляло быт и буржуазность, боязнь перемен и отсутствие творчества. Такое презрительное отношение к мещанству было характерно и для русской интеллигенции, в особенности, если вспомнить Герцена. Не случайно Иванов-Разумник особенно отличал Герцена как предшественника “скифов”.

“Скифы” воспринимали максимализм скорее в духовном, чем политическом плане. В комментарии к “Скифам” Иванов-Разумник заметил: “Что такое скифство, как не духовный максимализм?” (*Испытание в грозе и буре*. Берлин, 1920. С. 34). Быть скифом значило быть индивидуалистом, не исповедующим никаких общепринятых догм или верований. Иванов-Разумник отвергал и трансцендентальные религиозные философские системы, и позитивистские теории прогресса (“Вместо предисловия”. *Скифы*. С. VIII). Так же он заявил, что скиф сохранил свое представление о справедливости, истине и красоте. Предшественником такого видения можно считать Петра Лаврова с его представлением о критически мыслящей личности. Идеальный скиф не только совершенствует свое физическое, умственное и нравственное развитие, но и побуждает других развиваться в этом направлении.

Максимализм подразумевал неприятие застойного общественного устройства и стремление, как советовал Герцен в статье “С того берега”, полностью расстаться со старым миром, чтобы создать совершенно новое будущее. Этим объясняется, почему “Скифы” приветствовали большевиков, и правда, казалось, что в то время большевики больше, чем какие бы то ни было другие движения, стремились к полному разрыву с прошлым.

“Скифы” верили, что творческий процесс сам по себе носит изначально максималистский характер. Под влиянием творческого импульса человек получает возможность хотя бы на время уйти от законов необходимости, которые неизбежно сковывают его, и заглянуть в царство свободы (см.: К. Эрберг. *Цель творчества*. М., 1913).

Говоря о “скифских” концепциях национального самосознания, важно рассмотреть воззрения на народ и социализм. Личный максимализм не был самоцелью. В своих предреволюционных сочинениях “История русской общественной мысли” и “О смысле жизни” Иванов-Разумник настаивал на том, что социалистическое общество лучше всего обеспечивало свободное развитие личности, и именно эти идеи составили сущность “скифства”. Этим он также напоминал Герцена, чье представление о социализме было рассмотрено Мартином Малия в статье “Герцен и Община” как “возвышение каждого человека в отдельности и всех людей вместе взятых как свободных и самостоятельных существ”.

Хотя было бы неправильно сказать, что “Скифы” рассматривали Октябрьскую революцию как крестьянскую, все же они уделяли особое внимание роли крестьянства или народа. Они считали его носителем особых качеств, таких как врожденное чувство общности, которое могло служить образцом равного распределения земли и собственности. Более того, народ в их представлении был источником духовной силы и разума. Они наивно полагали, что “крестьянские поэты” их группы, например, Есенин и Клюев, восхваляющие революцию в таких стихотворениях как “Инония” и “Красная песнь”, выражали чувства крестьянских масс. В статье “Две России” во втором “скифском” сборнике Иванов-Разумник противопоставлял этих поэтов писателям-интеллигентам, отвергавшим революцию.

Такая точка зрения была более оптимистической, чем мрачные взгляды на отношения интеллигенции и народа, выраженные Блоком и Белым в их предреволюционных циклах “Родина” и “Россия” или в статье Блока “Интеллигенция и народ” (1908). Более того, “Скифы” не разделяли точку зрения славянофилов, которые восхищались смиренными и робкими крестьянами, истинными носителями православия. Как и Герцен, “Скифы” полагали, что раннее христианство, противостоявшее римской цивилизации, обладало революционностью. Но современное христианство более не способно привести к духовному обновлению или общественному равенству. (см.: А. Блок. Каталина. *Собрание сочинений* в 8 т., т. 6. С. 60–91).

“Скифы” также не разделяли точку зрения славянофилов на народ, как поддерживающий власть, например, царскую. В той же статье Иванов-Разумник заметил, что крестьянские поэты понимали, что истинно “святая Русь” представляла собой не угнетающее самодержавие прошлого, а социалистическое государство будущего (*Скифы* II. С. 216). Революционно настроенные “скифские” интеллектуалы, такие как Иванов-Разумник, Белый и Евгений Лундберг таким образом убедили себя, что и они были народными и разделяли чаяния большинства. “Скифы” счита-

ли Блока истинным “скифом”, писателем, который был максималистом в своем творчестве и лучшие произведения которого были всегда народными. Как отмечал А. Бслый на вечере памяти Блока в Вольфиле: “Вот эта всечеловечность и человечность, вот эта идеология делает Александра Александровича, во-первых, скифом, во всех смыслах слова, как максималиста, как того, кто доводит свой ход мысли — не в абстрактных схемах, но в жизненных переживаниях — до конца” (*Памяти Блока*. Пг., 1922. С. 27). Эти идеи побуждали “скифов” считать, что долгожданное слияние народа и интеллигенции не за горами.

Несмотря на высокую оценку крестьянских поэтов, “скифские” писатели не отрицали технического развития и городскую жизнь. Это видно из рецензии Иванова-Разумника на пьесу В. Маяковского “Мистерия-Буфф”. Иванов-Разумник критиковал футуристов за их непонимание того, что победа над материальными потребностями была Пирровой, если она не сопровождалась духовным развитием: «Надо не подчиняться машине, “вещи”, но подчинить ее: вот задача будущей культуры» (“Мистерия или Буфф” // *Искусство старое и новое*. Под ред. К. Эрберга, Пг., 1921. С. 73). В той же работе, отмечая понимание крестьянскими поэтами духовных потребностей человека, Иванов-Разумник не поддерживал их отвержение города.

Деревня и город являются одновременно реальными сущностями и символами — чувства и разума — которые, как надеялись “скифы”, соединятся в новой личности, которая, как описано Блоком в “Крушении гуманизма”, преобразуется в “человека-артиста; он, и только он, будет способен жадно жить и действовать в открывшейся эпохе вихрей и бурь” (*Собр. соч.* Т. 6. С. 115). В то же время деревня и город являются неотделимыми элементами русского самосознания, и новый человек-артист будет истинно народным, если он объединит эти ныне разъединенные части России.

Третья тема “скифства” отражает отношение к Востоку и Западу. В начале стихотворения “Скифы” Блок восклицает: “Да, азиаты мы!” В его стихотворении Россия грозит “вернуться своей азиатской рожей” к Западу, если тот не примет русскую революцию. В то же время этот призыв показывает, насколько одобрение Запада важно для “скифов”; без него, как они полагают, революция обречена. Такой подход к Западу был также типичен для интеллигенции. В своей критике Запада “скифы”, как и славянофилы и западники (типа Герцена) в XIX в., отвергали скорее склад ума, чем собственно географическое место. Запад в их восприятии был оплотом мещанства и в жизни и в искусстве, и тем самым он противопоставлялся максимализму революции. “Скифы” рассматривали революцию как долгожданную возможность для России по праву ее духовно-

го превосходства повести Запад к общему будущему, когда российская безграничная духовность сольется с западным разумом и чувством формы и породит лучшее общество и лучшего человека.

Как известно, революция духа не состоялась в 1918 г., и разочарование “скифов” усугубилось, когда закрыли их журналы и типографии, а также запретили их организацию Вольфила, а их самих арестовали. Тем не менее Иванов-Разумник не отказался от своих взглядов; в конце концов, “скифство” всегда представляло скорее идеал, чем действительность. Как он признавал позднее, ошибка заключалась в том, что осуществление своих теорий он доверил большевикам. Об этом можно судить по одной из последних рецензий, “Взгляд и нечто”, в которой он критиковал современных писателей, таких как Серапионовы братья, за отсутствие должного “горения духа”. Однако там же он выражал оптимизм по поводу будущего русской литературы: “Но она (литература), пожалуй, только начинает жить... Новые семена, посеянные революцией, взойдут, возможно, через десятки или сотни лет, разве не всегда это было так?” (*Современная литература*. Пг., 1925. С. 183).

В наши дни большевистская революция дискредитирована, но разве мы не живем в то время, когда “скифские” семена, наконец, взойдут? Рассмотрение некоторых современных конкурирующих идеологий поможет понять это. Я остановлюсь на вышеназванных темах: 1) максимализм, 2) национальное самосознание и 3) место России между Востоком и Западом, — в восприятии а) умеренных религиозных националистов, б) национал-коммунистов, в) свразийцев и г) прозападно настроенных либералов.

Религиозные националисты

Максималистский идеал потерял свою привлекательность, как и большевистская революция. Это особенно характерно для сегодняшних интеллектуалов, которые объявляют себя духовными наследниками авторов сборника “Вехи” 1909 г. Как группа писателей, “Вехи” категорически отвергали Иванова-Разумника и взгляды, изложенные им в “Истории общественной мысли”. Например, Бердяев, Струве, Гершензон и Сергей Булгаков клеймили самый идеал Иванова-Разумника — русскую интеллигенцию за слепое обожествление народа, недостаточное уважение к праву, отсутствие абсолютных ценностей и т. д. Эти писатели не приняли большевистскую революцию, выразив это свое неприятие в сборнике “Из глубины” в 1918 г. Как ни странно, но оппоненты Иванова-Разумника разделяли его веру в способности интеллигенции, но интеллигенции религиозной и национальной. Например, Струве, спрашивая, сможет ли интеллигенция преодолеть отчужденность от правительства, заявил: “От решения этого вопроса зависят в значительной мере судьбы России и ее культуры” (“Интеллигенция и революция”. *Вехи*. М., 1990. С. 148).

Такие противники советской власти как Солженицын тоже относились двойственно к интеллигенции, но с некоторыми отличиями. Так, в статье “Образованщина” в сборнике *Из под глыб* (Париж, 1994) Солженицын критиковал интеллигенцию за отсутствие личной ответственности, самообожествление и презрение к народным ценностям. И все же он писал: «Без замсны интеллигенции Россия, конечно, не обойдется, но не от “понимать, знать”, а от чего-то *духовного* будет образовано то новое слово» (С. 255).

Идеал Солженицына и других современных сторонников религиозного национализма отличается от “скифского” максималиста, который не принимал никаких догм и рассматривал жизнь как самоцель. В их понимании, история нацелена на установление царства Божия на земле, а нравственность определяется данным законом. Они ценят отдельную личность, но как отображение Божественного, а не как образец личного и общественного преобразования. На самом деле, они отрицают идею революционного изменения и социалистического общества, тем самым критикуя большевистскую революцию как заблуждение, привнесенное чуждыми силами.

Основа русского самосознания, по их мнению, это доореволюционные ценности, такие как православие, любовь к русской земле и предпочтении деревенской жизни; и такие качества как смирение, принятие государственной власти и общинная ответственность. Они идеализируют народ, но как хранителя этих традиционных ценностей, а не как источник бунта. Проповедь Солженицына по его возвращении в Россию о земстве и самоограничении — это попытки осовременить по сути славянофильские представления.

Религиозные националисты, как и “скифы”, осуждают западное мещанство, но они в гораздо большей степени, чем “скифы”, отвергают западную культуру, рационализм и интернационализм как чуждые для истинно русского человека. Солженицын призвал к развитию русского Востока, но в отличие от “скифов”, религиозные националисты не стремятся к синтезу Востока и Запада, а хотят защитить Россию от возвращения в “раковый корпус”.

Евразийцы

Кажется, что имеются точки соприкосновения между “скифами” и евразийцами, которые сегодня, как и в 1920-е гг., подчеркивают уникальное положение России между Востоком и Западом. Сегодняшние крайние евразийцы во главе с Александром Дугиным выделяют общинные и мессианские черты русского народа, что роднит их со “скифами”. Они также разделяют то мнение, что Запад исчерпал свой потенциал, тогда как у России есть сила для обновления. И все же эти две группы резко расходятся во взгляде на интеллигенцию. Н. С. Трубецкой, идеолог первых евразийцев,

считал традиционную интеллигенцию ответственной за отклонение России от естественного для нее евразийского пути развития, за подчинение России пагубному влиянию римско-немецкой цивилизации (см. статью “Европа и человечество”. София, 1920). Евразийцы Дугина сохранили антизападничество. Под влиянием немецких геополитиков и взглядов Льва Гумилева они осуждают современную прозападно настроенную интеллигенцию (которую они зачастую отождествляют с евреями), как племя чуждое и враждебное России, и они хотели бы избавить страну от нее.

Их общественный идеал резко отличается от “скифского”. На самом деле, он по сути представляет консервативный, фашистский образец, прославляющий покорность власти и рассматривающий личность как винтик, которым можно пожертвовать ради важной цели (см. статью Трубецкого “Об идео-правительнице и демократическом государстве”. *Евразийская Хроника*. № 11, 1935).

Национал-коммунисты

Сегодняшние приверженцы национал-коммунизма далеки от “скифства”. Они в какой-то степени являются продолжателями идей сторонников национальных большевистских взглядов 1970-х гг., марксистски настроены и поощряют верность партийной дисциплине и авторитаризму. Их конечной целью является создание коммунистического общества, поэтому они не рассматривают жизнь как самоцель. Сегодняшние коммунисты ненавидят интеллигенцию, по крайней мере ее реформистски настроенное крыло, считая виноватой в развале советской империи. Более резко, чем “скифы”, они изображают Запад, как нацеленный на разрушение России с помощью тяготеющей к нему интеллигенции. В этом отношении типичной представляется статья Светланы Шипуновой в газете *Советская Россия* “Спасите наши души: перестройка, десять лет спустя” (16 мая 1995). В ней дается оценка роли интеллигенции за последние десять лет. Автор заявляет: «Роль ее во всем, что произошло со страной и народом в эти годы, столь велика, что на сакраментальный вопрос “кто виноват?” можно так и ответить: “интеллигенция”. И это будет недалеко от истины».

Хотя национал-коммунисты отрицают так называемую демократическую интеллигенцию, они выдвигают свой идеал, патристическую интеллигенцию, долг которой помочь простому человеку, брошенному реформистским правительством на произвол судьбы.

В том, что касается русского национального самосознания, эта группа эклектична и несколько оппортунистична, они подчеркивают то, что хотели бы услышать их избиратели. Поэтому они приветствуют поддержку церкви, например, в лице покойного митрополита Петербургского и Ладужского Иоанна, но не переоценивают ее значение для России. Они

не отвергают советского периода, наоборот, по их мнению, это он был достойной эпохой русской истории. Все-таки есть что-то общее со “скифством”, в частности, в восхвалении социалистического общества, и вера в то, что личность реализуется только в общественном контексте.

Проза западно настроенные либералы

Пожалуй, самым близким к “скифскому” идеалу является наследие Сахарова, который отдавал должное нравственному, творческому индивидуализму, а также обязательству служить народу. Как и “скифы”, это направление с подозрением относится к политической деятельности и верит в ценность независимой нравственной силы в обществе. Писатели Булат Окуджава, Даниил Гранин и академик Дмитрий Лихачев придерживаются этой точки зрения. В отличие от “скифов”, эти либералы не идеализируют народ и приветствуют блага западной цивилизации. Они могут отстаивать своеобразие русской традиции и культуры, но признают заслуги Запада.

Молодое поколение прозаиков настроенных русских либералов стремится размежеваться с максималистскими настроениями. Вслед за Павлом Милюковым они хотели бы, чтобы Россия отказалась от “скифского” революционного экстремизма и придерживалась традиций западного права, гражданского общества и западного делового подхода.

Создается впечатление, что для “скифского” революционного максимализма нет места в сегодняшней России. Но некоторые аспекты “скифских” взглядов на искусство, пожалуй, своевременны. В соответствии с мыслями, изложенными Бельм (“Революция и культура”), Эрбергом (“О догматах и течениях в искусстве” // Искусство старое и новое. Пг., 1921) и А. З. Штейнбергом (“Развитие и разложение в современном искусстве”, там же), революционные этапы в искусстве представляют собой часть диалектического движения, в ходе которого старые ценности растворяются в новом культурном целом.

“Скифы” считали, что искусство никогда не было только ремеслом, Иванов-Разумник настаивал на том, что истинное искусство требует горения духа и что истинный художник по сути нравственен и народен. Как объяснил Эрберг, художник возвышает народ “до понимания той великой красоты, которая освободит и спасет мир”. Творчество такого художника обращено ко всему миру. Солженицын в своей Нобелевской речи подтвердил взгляд на искусство, как на нравственную силу, способную преобразить мир. В этой речи он также подчеркнул способность литературы “передавать сжатый опыт одного района другому, так что мы больше не будем разобщены...” Возможно, эти черты национальной объединяющей литературы должны воспроизводиться сегодня.

КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИВАНОВА-РАЗУМНИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

“Проклятым вопросом”, начиная с 1840-х гг., был и остается вопрос о роли интеллигенции в жизни российского общества. С особой остротой он обсуждался в начале века в связи с революцией 1905 г. Российская государственность, казалось, незыблемо опирающаяся на безусловную самодержавность власти, на традиционную приверженность народа православной религии, получила ощутимую пробоину, в которую хлынули волны парламентаризма.

Извечные российские вопросы “Кто виноват?” и “Что делать?” в этот период напрямую стали адресовываться интеллигенции. Если в 1870-х — 1880-х гг. П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский усматривали в интеллигентах людей, “сердца и разум которых с народом”, то авторы “Всех” предъявили интеллигенции обвинения в разложении и порче народа, приписали ей космополитизм, антигосударственность и безрелигиозность.

В первое десятилетие XX в. книжный рынок России буквально наводнили издания, посвященные интеллигенции. В них без конца выдвигалось требование определить, что же такое интеллигенция, в чем сущность этого то ли сословия, то ли зарождающегося класса. Е. И. Лозинский в книге с характерным названием “Что же такое, наконец, интеллигенция?” подчеркивает отсутствие строго научной дефиниции интеллигенции и указывает на насущную необходимость ее выработки [1. С. 8–9], хотя сам этого не делает.

Задачу теоретического и исторического рассмотрения сущности интеллигенции и ее роли в жизни российского общества в этот период взял на себя и предложил оригинальную концепцию интеллигенции Р. В. Иванов-Разумник. В ней многого далеко не бесспорно. Но бесспорная ценность труда [2] недооцененного еще мыслителя заключается в его цельности, в неразрывной связи теоретической концепции интеллигенции с обстоятельным анализом ее исторической роли в жизни и развитии российского общества, в выработке, наконец, такой дефиниции интеллигенции, которая органично включает в себя присущие ей черты, и которая до наших дней сохраняет свое значение.

В первых главах двухтомного труда “История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века” Иванов-Разумник предпринимает попытку охарактеризовать сущность интеллигенции и ее роль в жизни российского общества. Но преж-

де чем подойти к определению, автор выявляет существенные черты, имманентно присущие этому слою общества. Одной из таких черт, определяющих внутреннюю суть интеллигенции, выступает индивидуализм. Начертав это модное в начале века слово, Иванов-Разумник тотчас же отмежевывается от теней недавнего прошлого — М. Штирнера и Ф. Ницше. Он жестко критикует ультраиндивидуализм, эгоистический индивидуализм [2, т. 1. С. 17], а отстаиваемую им сущностную черту интеллигенции характеризует как *этический* индивидуализм.

Более того, этический индивидуализм мыслитель противопоставляет насильственному уравниванию личности со стороны общества. Общество должно прийти к пониманию того, что индивидуализм есть признание человеческой личности первой и главной ценностью. Но и каждый человек, каждый член общества призван руководствоваться тем, что благо реальной человеческой личности должно служить критерием наших поступков [2, т. 1. С. 21].

Таким образом трактуемый индивидуализм, по мысли Иванова-Разумника, является центральной идеей, своего рода “ариадниной нитью” *развития* интеллигенции.

Индивидуализм как основа нравственного суверенитета личности на протяжении почти всего XIX столетия противостоял официальному мещанству 30-х — 50-х гг. (эпоха Николая I) и бытовому мещанству 60-х — 90-х гг. Под мещанством Иванов-Разумник понимал узость, плоскостность интересов, взглядов, идеалов. Символ мещанства и его заветнейшее стремление — “быть как все”. Иначе говоря, мещанство — это *безличностность*. “История интеллигенции в России — история ее борьбы с мещанством во всех сферах жизни.” [2, т. 1. С. 30]

Вторая имманентно присущая интеллигенции черта — *творчество* новых идеалов и форм жизни, имеющих целью всемерное освобождение личности, выявление и реализацию ее возможностей. Нетрудно заметить, что названная черта естественно сочетается с первой, ибо в основании творческого акта лежит индивидуальное начало. Характерно также, что в этом важном для понимания сущности интеллигенции пункте Иванов-Разумник опирается на труды предшественников — народников П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского.

Третья сущностная черта интеллигенции — *критичность ее мышления*, включающая в себя оппозиционность как по отношению к официальному, так и к бытовому мещанству. Эта черта как бы завершает создаваемый автором портрет интеллигенции. В самом деле, новое рождается только тогда, когда возникают сомнения в рациональности и правомерности существования старого. А инакомыслие — побудительный мотив творчества новых идеалов и форм жизни. Но и здесь в концепции

Иванова-Разумника отчетливо прослеживается генетическое родство с народнической теорией “критически мыслящих личностей”.

Выявленные и сформулированные мыслителем черты интеллигенции образуют органическое целое, в котором читается важнейшая для понимания ее сущности *ориентация на приоритет нравственного начала* как в формировании, так и в деятельности, в историческом развитии этой части общества. Роль интеллигенции в жизни российского общества определяется не преходящими социально-политическими, но вечным нравственным критерием.

К внешним признакам интеллигенции, по мысли Иванова-Разумника, следует отнести ее внесловность; преемственность в передаче от поколения к поколению традиций, идеалов, норм поведения, форм организации; стремление к единству [2, т. 1. С. 5]. В выстроенной автором иерархии внешних признаков интеллигенции меньше, на наш взгляд, взаимной связи и обусловленности, корреспондирования с внутренними ее чертами. Необходимо подчеркнуть, что Иванов-Разумник в этой части своей концепции противостоял взглядам подавляющего большинства авторов, писавших об интеллигенции. Авторы “Всех” не видели в интеллигенции единства. О двух интеллигенциях писали такие разные авторы как политический деятель В. И. Ульянов и известный историк античности Р. Ю. Виллер [3. С. 1–2].

Историк интеллигенции П. Н. Милуков рассматривал ее как тесный внутренний круг внутри образованного класса, которому (кругу) “принадлежит инициатива и творчество” [4. С. 94]; последователи А. Вольского (Я. В. Махайского) — как новый эксплуататорский класс [1. С. 164]; марксисты видели в интеллигенции лишь социальную прослойку, представители которой рекрутируются из разных классов, — о какой в таком случае преемственности традиций, идеалов и норм поведения можно говорить?

Иванов-Разумник, конечно же, хорошо знал об этих различных точках зрения и спорах о статусе и месте интеллигенции в обществе. Не хочется думать, что он просто игнорировал их при построении своей концепции. Можно и, наверно, должно предположить иное — в концепцию интеллигенции, ориентированную на приоритет нравственного начала, подобные подходы к определению статуса интеллигенции не вписывались. Нет сомнения в том, что мыслитель пытался дать строго научную, непротиворечивую дефиницию, опираясь на тот исторический материал, который столь щедро представлен исследователем в двух томах его труда. Своим оригинальным определением интеллигенции Иванов-Разумник формулирует, объединяя в единое целое ее имманентные черты и внешние признаки. “Интеллигенция есть этически антимещанская; социоло-

гически внесловная, пресмысленная группа, характеризующая творчеством новых форм и идеалов и активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному; общественному и личному освобождению личности.” (2, т. 1. С. 10) Мыслитель надеялся, что социально-политические новации — парламентаризм, свобода слова и печати, рост образованности народа — позволят реализовать физическое и умственное, общественное и личное освобождение личности.

Более того, грядущее преобразование жизни общества Иванов-Разумник связывал с социализмом. В заключительных строках второго тома своего труда он подчеркивал: “Антимещанство, индивидуализм и социализм — этой формулой мы можем подвести итоги русской общественной мысли XIX столетия” (2, т. 2. С. 493). Если первые два элемента формулы органично вытекают из всего, о чем выше шла речь, то с последним — третьим — элементом следует хотя бы вкратце разобраться.

По справедливому замечанию М. И. Туган-Барановского, в дискуссиях о социализме не всегда учитывается, что “социализм существовал до Маркса” (4. С. 254). И дело в том, что социализм трактовался Ивановым-Разумником не в марксистском, а в народническом понимании. Иванов-Разумник был близок к партии социалистов-революционеров и оставался верным идеям народничества и в советское время. Социалисты-революционеры усматривали основу для создания социалистического общества в существовавшем в России общинном пользовании землей крестьянами. Они ориентировались в своей революционно-пропагандистской работе не на пролетариат, утративший связь с землей, а на крестьянство — самый многочисленный в ту пору трудовой класс в России.

Но очень скоро, менее чем через десятилетие после выхода в свет труда Иванова-Разумника, оказалось, что пророчеству мыслителя не суждено сбыться — история пошла иным путем. Уже в первые дни Февральской революции Иванов-Разумник понял — единства интеллигенции перед лицом грядущих перемен достичь не удастся. В воспоминаниях “27 февраля 1917 года” он с иронией и горечью отмечает, что “интеллигенция — соль земли” раскололась на противоположные лагеря и вчерашние единомышленники уже не хотят даже понять друг друга... (5. С. 131–136).

После Октябрьского переворота русская интеллигенция была объявлена одним из главных врагов нового режима. Не поворачивается язык, чтобы воспроизвести гнусные и в высшей степени несправедливые высказывания В. И. Ульянова (Ленина) об интеллигенции, да еще в сборнике, посвященном Иванову-Разумнику. Ограничимся лишь одним вполне

“интеллигентным”, которое полностью отрицает какое-бы то ни было самостоятельное значение этой “прослойки” общества. Ленин утверждает, что интеллигенция “бессильна сама по себе” (подч. нами — В. П.) и все, что она может, — передать свои знания другим классам (6. С. 199).

Пока не были перекрыты все каналы духовного взаимообщения интеллигенции, Иванов-Разумник в ноябре 1919 г. основывает Вольную Философскую Ассоциацию, которая имела значительное, но еще мало исследованное значение в культурной жизни не только северной столицы. Однако уже в 1922 г. кратковременное заигрывание власти с интеллигенцией завершилось “гуманным жестом” — насильственной высылкой из страны под угрозой расстрела в случае неповиновения наиболее творческой части профессуры, талантливых писателей, журналистов, общественных деятелей. Началась длительная и жестокая эпоха физического уничтожения интеллигенции и перековка остающихся в живых в “верных слуг” режима.

В массовом масштабе рождается новое советское официальное и бытовое мещанство, воспроизводство которого поощряется властями. Советское бытовое мещанство в ранге не выше мелкого советского чиновника гениально запечатлено в творчестве М. М. Зощенко.

Мещанство в 1920-х — 1980-х гг. пронизывало все сферы жизни так называемого социалистического общества. Его противоядие — интеллигенция, которая имела бы высокий нравственный ориентир, либо была уничтожена, либо ушла в подполье. Иногда раздавались отдельные голоса, которые заглушались инспирируемым властями осуждением, а осмелившиеся противоречить расплачивались за свое мужество свободой, а то и жизнью.

Но в начале 1990-х гг. в России появилась возможность восстановить свободу слова, печати, инакомыслия. В этом сложнейшем и противоречивом процессе немалую, если не определяющую, роль призвана сыграть интеллигенция. И вновь в конце XX в. мы вернулись к спорам о роли интеллигенции в жизни современного российского общества. Пришла пора вспомнить Иванова-Разумника и, может быть, востребовать какую-то часть его творческого наследия.

Но какую? Конечно же, не выдержала проверки временем надежда на достижение единства интеллигенции. И сегодня в канун, возможно, решающего исторического выбора интеллигенция расколота, как и в роковом 1917 г. Несостоятельным оказалось и представление об интеллигенции как некой внесловесной *группе*. Современная интеллигенция — отнюдь не группа единомышленников. Образованная часть общества растет очень быстро, но даже высшее образование и наличие ученых степеней и званий не дают их обладателям права причислять себя к интелли-

генции. В свое время Н. А. Бердяев ввел термин “интеллигентщина”, характеризовавший ту часть образованного общества, которая к интеллигенции не относилась. В наши дни А. И. Солженицын обозначил эту же самую часть общества словом “образованщина”.

Осталась действительной и имющей весьма актуальное значение и сегодня, и в будущем вся совокупность существенных черт интеллигенции, ее ориентация на высокие нравственные идеалы, преемственность в передаче их новым поколениям, критичность мышления, творчество новых форм жизни.

Примечания

¹ *Лозинский Е.* Что же такое, наконец, интеллигенция? СПб., 1907.

² *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века. СПб., 1907.

³ *Виппер Р.* Две интеллигенции и др. очерки. М., 1912.

⁴ *Арсеньев К., Гредескул Н., Ковалевский М* и др. Интеллигенция в России. СПб., 1910.

⁵ *Иванов-Разумник.* Перед грозой. 1916–1917 гг. Пг., 1923.

⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11.

ВСТРЕЧА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА С ЖЕЛЕЗНЫМ Иванов-Разумник о судьбе “мещанства” и массовой культуры

Сегодня мы идем по следам утраченного, восстанавливая целостную картину истории общественной мысли в России. Среди недостаточно освещенных ее страниц — встреча века Серебряного с Железным, в том числе — с “массовой культурой”. Сейчас этим термином непринужденно пользуются при анализе ситуации рубежа XIX — XX веков.¹ А между тем предстоит определить не только истоки, особенности, динамику, исторический контекст возникновения этого феномена, но и выяснить реакцию на него русских мыслителей и общественности.

О сложных явлениях общественной жизни всегда легче судить с некоторой временной дистанции. Деятели Серебряного века жили в чрезвычайно динамичную эпоху, когда многие новые явления потребовали своей атрибуции. В результате в научный оборот был введен ряд важных понятий, обозначились оригинальные взгляды на социодинамику культуры рубежа веков. Эта работа была бы невозможной без терминологического определения. В одних случаях изобретался совершенно новый термин, как это было с “интеллигенцией”; в других — старое название получало новое толкование как это произошло со словом “мещанство”.

“Массовая культура” в конце XIX века — безымянна. Но с другой стороны, не было в истории русской общественной мысли более презираемого и ненавидимого явления, чем мещанство. О нем размышляет К. Леонтьев и Д. Мережковский, А. Белый и А. Блок, Г. Федотов и Иванов-Разумник, Н. Бердяев и И. Ильин. В государственном праве России мещанство — это одно из податных сословий. К концу XIX века границы этого сословия, как и других, все более размываются. Как нам кажется, использование этого понятия для обозначения целого комплекса социокультурных и культурно-психологических характеристик является свидетельством некоего поколенческого стереотипа мышления, идущего от старой сословной культуры (совсем недавно разделенной на дворянскую, крестьянскую, мещанскую). Такое толкование старого термина еще так непривычно, что нуждается в дополнительном обосновании. В. О. Ключевский — сторонник социологического подхода создает свою “Историю сословий в России”, в которой прослеживает судьбу мещанского сословия. В ней он видит истоки многих несимпатичных его качеств в том, что они были унаследованы другими слоями современного ему общества.² Широкое использование термина “мещанство” для обозначения бытательства, мелкобуржуазности, приспособленчества, полукультуры к нача-

лу XX века было уже сложившейся традицией. Передовая Россия так долго боролась за радикальные перемены в стране, на них возлагались такие большие надежды, что во всех предреформенных прогнозах основным был акцент на положительных последствиях преобразований. Великая литература России обнаружила в конце века обширный социальный слой, чуждый общественным идеалам, аполитичный, малообразованный. Открытие было обескураживающим.

Постепенно вызревает понимание того, что “массовая культура” предполагает качественно иное — не только эстетический, но и социально-психологический подход. За ее эстетическим убожеством, “падением” и “усреднением” проступают важные цивилизационные сдвиги. А. Блок в рождественской сказке “Безвременье” доказывает, что Век Железный, Век Машины приводит к коренным изменениям в образе жизни, поведении, психологии, ценностных ориентациях людей. Истоки духовной нищеты городского обывателя поэт видит в целом комплексе причин: урбанизации, индустриализации, изменении функций культуры в новых условиях. Она превращается в “лекарство от скуки” — адекватное по уровню невысокому запросу потребителя.

Наиболее последовательным критиком “мещанства” в плесде мыслителей Серебряного Века был Иванов-Разумник. Он не искал причины “падения” культуры в общности судьбы России и Запада в индустриальную эпоху (хотя издержки Века Машины и привлекают его внимание). По его мнению, мещанство в России в течение XIX века вырастает во всеохватную силу, включающую все уровни ее жизни: от управления страной и структуры социальных связей всех слоев населения до развития духовной сферы. Эта система с неизбежностью порождает омещанивание частного человека. Бедствие исторической ситуации рубежа веков — не количественного порядка, а качественного: в России в течение всего XIX века нарастает антииндивидуализм и безличность, которые к 90-м гг. захватывают практически все образованное общество, за что Иванов-Разумник именует его представителей “дикарями высокой культуры” и “промжуточными людьми”. Наряду с безличностью их духовный мир обладает еще рядом важных характеристик: “манерной напыщенностью”, “псевдоромантизмом”, “ходульностью”, “утрировкой”, “риторикой”, “запутанностью и туманностью образов”, “нелостью и убожеством чувств”, “культурным приспособленчеством”, “следованием образцам” и т. д. Иванов-Разумник считал интеллигенцию единственной силой, способной противостоять процессу духовной деградации, но и в ней он обнаруживал тенденции “одичания”. “Массовой читающей публике удобнее и уютнее в низинах; там эпигоны прокладывают широкие шоссе-путы.”³³

Концепция Иванова-Разумника особенно интересна и потому, что она возникла в стране антииндивидуализма, а значит, была предрасположена

к быстрому распространению “массовой культуры”. Наступавший Век Машины с его обезличиванием и стандартизацией накладывался на своеобразие российской исторической наследственности. В этих “тисках” спасение России виделось Иванову-Разумнику только в ее движении по пути “антимещанства”, “индивидуализма” и “социализма”.

Судьба так распорядилась, что Октябрьская революция дала шанс Иванову-Разумнику (опять на основе “включенного наблюдения”) проверить гипотезу. В период грандиозной ломки всего уклада жизни, крушения стереотипов, тектонических сдвигов в общественном сознании крайне важно было сохранить преемственность, все то, что (говоря словами Иванова-Разумника) “культурой набальзамировано”. Он размышляет о сложности взаимоотношений Художника и Толпы в период исторического перелома: о власти Улицы над творцом и об ответственности его за последствия сказанного слова. Он боится всеобщего “ниспровергательства”: “Отрицание всего великого старого при невозможности сразу создать свое, хотя бы и невеликое новое, оставляло вместо ценности, вместо души — пустое место”⁴. Философа занимает логика развития искусства в специфических исторических обстоятельствах. Он делает вывод о том, что в грохоте Железного Веса и Революции “обратить на себя внимание может лишь звучная мысль, лишь громкое слово”. А так как “второе легче первого”, то слово это сопровождается скандалом, эпатажем, “пощечиной общественному вкусу”, диковатыми по форме попытками привлечь во что бы то ни стало внимание Публики, Улицы, Толпы. Эта вечно вчерашняя “повивальная бабка Публика подслеповата и забывчива: в шуме скандала не может отличить новорожденного таланта от застарелой бездарности”⁵. Об особенностях толпы Иванов-Разумник говорит, используя весьма сильные выражения Маяковского: «человек этого “культурного мира” — жалкий убудок великих предков»... А “человечи вкупе и влюбче — только массомясная быкомордая орава”, и это “внуки Колумбов, Галлилесев потомки”! Он видит катастрофическую неготовность толпы, вызванной революцией из небытия, к новой жизни. И все-таки автору статьи близка вера поэта в “пришествие свободного человека”, в грядущее освобождение от духовного рабства. Он разделяет, на первых порах, убеждение поэта в том, что в революционной России во имя Человека ведется борьба со “стоногий вошью”, с “быкомордой оравой”, с “многохамной мордой”, с “массовым мировым мещанином, пачкающим имя человека”⁶.

В статье «“Мистерия” или Буфф» критик-философ, исповедующий антимещанство, индивидуализм, социализм, и поэт, ангажированный революцией, вступают в диалог поверх голов зрителей-читателей. Иванов-Разумник приходит к выводу о непонимании целей социализма даже его самыми искренними адептами. Если Маяковский безоглядно ратует за

ускорение общественных процессов, то умудренный опытом и знанием критик осторожен, недоверчив и понимает небывалую сложность перехода от внешних преобразований к внутренним духовным трансформациям. Ведь революция, даже победившая, это только первый шаг. Он разводит понятия “истинный” и “исторический социализм” и уже в 1918 г. констатирует, что последний — “антисоциалистичен”. Причина такого “приговора”: в самой идее социализма “нет еще принципиального антииндивидуализма, но в несумелых и грубых применениях ее — он налицо”⁷. Как считал Иванов-Разумник, проблема не только в мероприятиях власти, но и в состоянии культуры и сознания масс. Ревнивая зоркость сторонника социалистической идеи и последовательного противника мещанства обнаруживает в новой России старого “врага” — “вещизм”. Иванову-Разумнику по-человечески близка и понятна тяга к комфорту, удобству, сытости после многих лет страданий, боли и крови. Он понимает великую усталость людей после страшных лет империалистической войны и революции. Но он полагает, что большому поэту, каковым он считает Маяковского, недостаточно “выкричатся” об опасности мещанства, он ДОЛЖЕН показать альтернативу. “Поэт в России больше, чем поэт.” В 1918 г. Иванов-Разумник еще верит в то, что у России “впереди движение к человеку как самоцели”... Ибо вечен завет всей истории русской общественной мысли: “борьба с МЕЩАНСТВОМ, под какими бы формами оно не пряталось”, вечен завет всей истории русской интеллигенции: борьба за ИНДИВИДУАЛИЗМ.⁸ Ему пока еще так трудно допустить мысль о возможности разрыва преемственности в культуре, так трудно представить, что интеллигенция может не играть роль духовного лидера в социалистической России.

Примечания

Работа выполнена при поддержке Фонда Дж. Сороса (Центральный Европейский университет).

¹ *Кон И.* Исторические судьбы русского зрота. Час пик, 1995, № 191–192; *Парамонов Б.* Голая королева. Русский нигилизм как культурный проект. Звезда, 1995, № 6.

² См.: *Ключевский В. О.* История сословий в России. Изд. 3, Пг., 1918.

³ *Иванов-Разумник.* История общественной мысли. Изд. 5, перераб. Пг., 1918. С. 69.

⁴ *Иванов-Разумник.* “Мистерия или Буфф”? (о футуризме). Искусство старое и новое. Под ред. К.Эрберга. Пг., 1921. С. 42.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Там же. С. 50, 57.

⁷ Там же. С. 66.

⁸ *Иванов-Разумник.* История общественной мысли. С. 88.

ОБ ИНТЕРЕСЕ К ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ В ЯПОНИИ

Известно, что русская литература оказала большое влияние на японскую. Несколько японских русистов цитировали книги Иванова-Разумника «История русской общественной мысли» в работах по истории русской литературы, наряду с «Историей русской литературы XIX в.» под ред. Овсяннико-Куликовского, как одно из справочных пособий¹. Но никто не исследовал мысль самого Иванова-Разумника или его книги до начала 1970-х гг.

В 1924 г. была переведена на японский язык книга Иванова-Разумника «Об интеллигенции»². И это до сегодняшнего дня единственный перевод. Миякэ Кэн (1898–?) отметил в предисловии переводчика: вопросы об интеллигенции — суть русской общественной проблемы, наряду с вопросами о труде и капитале. Интеллигенция внесклассовая или классовая? Надо толковать ее этически или экономически? Она — господствующий класс или подчиненный? Эксплуататорский класс или нет? Нам нужно исследовать, по меньшей мере, такие вопросы и овладеть ими. Так сказал Миякэ, признавая социальную задачу и силу интеллигенции. Книга Иванова-Разумника была переведена тогда, когда японская интеллигенция рассуждала о своей роли в обществе под влиянием революции 1917 г. в России. По объяснению издательства (без подписи), книга эта должна была помочь японской интеллигенции понять свое место в стране. К тому же, когда потребовали восстановить дипломатические отношения с СССР.

Когда Асано Рисабро написал раздел «русская интеллигенция» в книге «Новейший общий обзор России» в 1937 г.³, он представил социально-этическое и социально-экономическое определение интеллигенции почти буквально в духе Иванова-Разумника, или, вернее, перевода Миякэ.

В 1927 г. Наруми Кандзо (1899–1974) приехал в СССР в качестве секретаря известного сценариста Акита Удзяку (1883–1962), и прожил там 9 лет⁴. Он пересел из Москвы в Ленинград в 1928 г. и, получив рекомендательное письмо Н. И. Конрада, начал преподавать японский язык в Ленинградском восточном институте. С конца этого года он преподавал японский язык также на японском отделении Ленинградского университета. Наруми посетил 31 августа 1931 г. Иванова-Разумника, работавшего тогда в Детском Селе над составлением собрания сочинений А. Блока⁵. По свидетельству Наруми, когда он сказал Иванову-Разумнику, что он читал «Что такое интеллигенция?», тот очень обрадовался. По просьбе Наруми Иванов-Разумник написал в альбоме: «Литература — жизнь,

по жизнь — не литература”. Мы можем найти эту надпись на первой странице главы “Юбилей” в его воспоминаниях “Тюрьмы и ссылки”, которые были написаны им в ссылке в Саратове в 1934 г.

Большой библиофил, Наруми собрал в годы пребывания в СССР много книг, в особенности книги Пушкина и о Пушкине. После возвращения домой в 1936 г. он работал в телеграфном агентстве и торговой фирме, а после Второй мировой войны стал библиотекарем в Университете Хиро-саки в префектуре Аомори, потом — в Университете Токай в Токио. Работая в библиотеке, он учил русский язык Университете Токай, но так и не смог стать преподавателем⁶. Его библиотека сохраняется теперь в Университете Хитоцубаси в Токио. Опубликованный после его смерти “Словник русских имен и фамилий” включает 40000 фамилий⁷.

Наруми получил место преподавателя японского языка в Ленинградском восточном институте в качестве преемника Икэда Эисао, который заболел туберкулезом легких и вернулся домой⁸. Икэда собрал много книг и журналов, касающихся, в особенности, литературы и театра. Эти книги были преподнесены в 1933 г. кафедре лингвистики литературного отделения Университета Киото. В библиотеке Икэда сохраняются более 2100 книг и журналов, включая несколько книг Иванова-Разумника и первый номер журнала “Скифы”.

В 1966 г. публицист Утимура Госукэ (г. р. 1920) обратил внимание на публикацию перевода на английский язык воспоминаний Иванова-Разумника (издано в 1965 г.) Утимура хорошо понимал Иванова-Разумника как человек, прошедший в Гулаге 11 лет⁹.

В Японии настоящее изучение истории России, включая историю русской общественной мысли, началось с середины 1950-х гг., т. е. во времена Хрущева. Почти всех исследователей интересовала революция, социализм, что сочеталось с критикой стереотипной исторической науки в СССР. Народники, народничество, община, эсеры привлекали внимание историков.

С начала 1970-х гг., узнав Иванова-Разумника как идейного преемника А. И. Герцена и читая его воспоминания, наполненные сильными впечатлениями, я начал исследовать его работы с точки зрения истории русской общественной мысли. Для начала я перевел на японский язык несколько страниц из “Из дневника революции” Иванова-Разумника. Эта работа была напечатана в одном из многотомных сборников документов современной истории¹⁰. Потом я сделал общий обзор его жизни и мысли, осветил вопрос о “Скифах” и “скифстве”, о спорах об интеллигенции, и издал книгу «История русской интеллигенции. Иванов-Разумник и “Карамазовские вопросы”» в 1989 г. (Оглавление и резюме каждой главы на английском языке)¹¹.

В начале 1970-х гг. известили об издании перевода воспоминаний Иванова-Разумника в серии “Показания современности”, но, к сожалению, этот план полностью не осуществился. Я слышал, что русист Сано Цутому (1939–1989) оставил после себя рукописи перевода “Истории русской общественной мысли”, но трудно отыскать издательство, которое сможет принять на себя издание такой объемистой книги.

Примечания

Все указанные здесь произведения написаны на японском языке, за исключением номеров 8 и 11.

¹ *Ноборишому*. Россия совето бунгакси (История русско-советской литературы), Токио, 1955.

² *Миякэ Кэн* (перевод). Интэригенция (Интеллигенция). Токио, 1924.

³ *Асаио Рисабро*. Россия интэригенция (русская интеллигенция) // Саисин россия таикан (Новейший общий обзор России). Токио, 1937.

⁴ *Наруми Кандзо*. Сорсен но омоидэ (Воспоминания о СССР) // Гсндаи ро-сиаго (Современный русский язык), 1975, № 3.

⁵ *Икэда Кэитаро*. Идаинару сети Наруми Кандзо (Великий библиофил Наруми Кандзо) // Бунгисюндзю (Литературные годы), 1975, № 10.

⁶ Дневник Наруми Кандзо (не опубликован).

⁷ *Наруми Кандзо*. Словник русских имен и фамилий. Составил Е. Накамура. Токио, 1979.

⁸ *Наруми Кандзо*. Воспоминания.

⁹ *Утимура Госукэ*. Рубо то дзисон. Токио, 1972.

¹⁰ *Мацубара Хироси* (перевод). Революция 28 фев. 1917. Свое лицо. 27 окт. 1917 // Россия какумэи (Русская революция). Под ред. Мацууда Митио. Токио, 1972.

¹¹ *Мацубара Хироси*. История русской интеллигенции. Иванов-Разумник и “Карамазовские вопросы” (Оглавление и резюме на английском языке). Киото, 1989.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------	---

ЛИЧНОСТЬ

<i>Я. В. Леонтьев.</i> Иванов-Разумник и освободительное движение в России. Дореволюционный период	7
<i>В. Г. Белоус.</i> Александр Блок в “Деле левых социалистов-революционеров”. По материалам архива ФСБ (СПб.)	17
<i>Б. Н. Лосский.</i> Вспоминая Иванова-Разумника	24
<i>М. Л. Стивак.</i> Письма Д. М. Пинеса Андрею Белому	28
<i>Н. Г. Завалишина.</i> Несколько слов о Разумнике Васильевиче Иванове	35
<i>С. А. Беляева.</i> Возвращаясь к прошлому	39
<i>Ж. Шерон.</i> Военные годы Иванова-Разумника: реконструкция по письмам и воспоминаниям	44

ТВОРЧЕСТВО

<i>А. В. Лавров.</i> “Скифское” — неопубликованная книга Иванова-Разумника	57
<i>Э. Мануэльян.</i> Этнографическая публицистика Иванова-Разумника и М. М. Пришвина: «Деревня» после революции 1905 г.	64
<i>Ж. Шерон.</i> Письмо К. Д. Бальмонта к Р. В. Иванову-Разумнику	69
<i>Р. А. Городницкий.</i> В. Ропшин versus Иванов-Разумник Письма Р. В. Иванова-Разумника к Б. В. Савинкову	72
<i>Л. Ф. Карохин.</i> Иванов-Разумник и Есенин	81
<i>А. М. Грачева.</i> Скифство в интерпретации Алексея Ремизова. мистерия “Соломон и Китоврас”	89
Письмо Р. В. Иванова-Разумника к Б. И. Харитону	96
<i>А. В. Лавров.</i> Историко-литературная замыслы Иванова-Разумника	98

РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ

- А. Гильднер.* Иванов-Разумник и “скифский” мотив в русской культуре 119
- С. Хоффман.* Есть ли место “скифским” мотивам в современном идеологическом спектре? 129
- В. А. Петрицкий.* Концепция интеллигенции Иванова-Разумника и современность 137
- В. Г. Лебедева.* Встреча Серебряного века с Железным Иванов-Разумник о судьбе “мещанства” и массовой культуры 143
- Х. Мацубара.* Об интересе к Иванову-Разумнику в Японии 147

ИВАНОВ-РАЗУМНИК
ЛИЧНОСТЬ.
ТВОРЧЕСТВО.
РОЛЬ В КУЛЬТУРЕ.

*Сборник статей по материалам конференции
"Иванов-Разумник (1878–1946).
Личность. Творчество. Роль в культуре".
Царское Село. 16–17 марта 1996 г.*

Редактор *Г. Н. Ивашевская*
Компьютерная верстка *О. В. Гордеева*

Лицензия ЛР № 066344 от 22.06.92.
Формат 60х90/16. Объем 9,5 п. л. Тираж 300 экз.

Издательство "Глаголь"
Санкт-Петербург, В. О., 4-я линия, д. 13

DM 10,7

Участники Вторых международных чтений
“Иванов-Разумник (1878–1946).
Личность. Творчество. Роль в культуре”.

Слева направо стоят: Моника Львовна Спивак, Александр Васильевич Лавров, Жорж Шерон, Владимир Григорьевич Белоус, Вилли Александрович Петрицкий, Хироси Мацубара, Эдуард Мануэльян, Лев Федорович Карохин, Ярослав Викторович Леонтьев;
сидят: Светлана Александровна Беляева, Валентина Генриховна Лебедева, Стефания Хоффман
Фото Ж. Шерона..